

42441

4626

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ
по
ПРОЛЕТАРСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ и ПРАВУ.

ИЗДАНИЕ НАРОДНАГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ.

1918.

ЯНВАРЬ—АПРѢЛЬ.

№ 1—4.

ПЕТРОГРАДЪ.

2-я Государственная типографія. Галерная, 1.

1918.

4244
ПРОВЕРЕНО 48 г.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ
ПО
ПРОЛЕТАРСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И ПРАВУ.

ИЗДАНИЕ НАРОДНАГО КОМИССАРИАТА ЮСТИЦИИ.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ.

1918.

ЯНВАРЬ—АПРѢЛЬ.

№ 1—4.

ПЕТРОГРАДЪ.
2-я Государственная типография. Галерная, 1.
1918.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
1. Гурвичъ, Г. „Вся власть Совѣтамъ“	1
2. Евтихѣевъ, А. Ф. „Законодательство и Судъ въ демократіи“	22
3. Рейснеръ, М. А. „Государство и Церковь“	42
4. Смильгъ, М. „Новые принципы въ дѣлѣ организаціи государственнаго продовольствія“	87
5. Гарновскій, Е. Н. „Война и движеніе преступности въ 1911—1916 г.г.“	100
6. Рейснеръ, М. А. „Кенигсбергскій процессъ“	123
7. Анимовъ, В. В. „Двѣ рецензіи на книги Чернышева и Кулишера“ .	159
8. Армениянъ Онанія. „Послѣднія избіенія въ Арменіи“—рецензія на брошюру Д-ра Гиббонса	184

Вниманію читателей.

Первый выпускъ журнала „Пролетарская Революція и Право“ печатается съ соблюденіемъ старой орфографіи исключительно съ виду встрѣченныхъ затрудненій техническаго свойства, такъ какъ всѣ статьи поступили отъ авторовъ написанными по старому правописанію.

„ВСЯ ВЛАСТЬ СОВѢТАМЪ“.

— Если война—локомотивъ исторіи, то революція, несомнѣнно, ея аэропланъ.—

I.

Пользуясь созывомъ 3-го Всероссийскаго Съезда Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, мы сдѣлали попытку путемъ непосредственнаго устнаго опроса отдѣльныхъ т.т. делегатовъ выяснить организацію, характеръ и размѣры дѣятельности органовъ совѣтской власти на мѣстахъ.

Въ виду непродолжительности сессіи, не было, конечно, никакой возможности опросить всѣхъ участниковъ Съезда, да это и представлялось бы излишнимъ: мы удовольствовались тѣмъ, что болѣе или менѣе подробное повѣствованіе делегата даннаго уѣзднаго или городского или губернскаго Совѣта о положеніи дѣлъ въ его округѣ дополнялось его же личными впечатлѣніями о дѣлахъ ближайшихъ раіоновъ. И лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлось основаніе предполагать рѣзкую разницу въ политическомъ и общественномъ укладѣ сосѣдствующихъ мѣстностей, мы неувоснительно прибѣгали въ первоисточникамъ—делегатамъ этихъ мѣстностей.

Наряду съ этимъ, прилагались старанія освѣтить по возможности равномѣрно и красный сѣверъ, гдѣ социальная революція совершается въ такомъ гигантскомъ масштабѣ, и полный еще колебаній югъ, съ трудомъ и болью отрывающійся отъ буржуазно-собственническихъ традицій, и наибо-

лѣе пострадавшій отъ войны западъ, и сравнительно нетро-
нутое военными бѣдствіями Поволжье, и среднюю чернозем-
ную полосу. Въ результатѣ, кидая общій взглядъ на сумму
полученныхъ данныхъ, можно съ удовлетвореніемъ прежде
всего констатировать, что въ огромномъ большинствѣ адми-
нистративныхъ центровъ Россіи принципъ „вся власть Со-
вѣтамъ“ — вопреки всей его одіозности для извѣстныхъ слоевъ
населенія—достигъ полного фактическаго осуществленія. Изъ
хаоса классовыхъ бореній, экономическихъ и политическихъ
нестроепій, шпыль неуклонно поднимается выдержанное въ
федеративномъ стилѣ, цѣлостное и гармоническое зданіе на-
родоуправства. И въ томъ, что зданіе это вырастаетъ сти-
хийно, и въ томъ, что мѣстности, рѣзко отличныя по своимъ
этнографическимъ, географическимъ, экономическимъ и бы-
товымъ особенностямъ, поразительно сходятся въ общихъ
и основныхъ чертахъ организаціи совѣтской власти—залогъ
прочности и плодотворности революціонныхъ достиженій. Тру-
довой народъ осмыслилъ самого себя: онъ знаетъ, чего онъ
хочетъ, и хочетъ онъ того, что ему нужно. Стремясь на
основаніи бесѣдъ и разспросовъ синтетически выявить *desi-*
derata участниковъ Съѣзда, охватить всю сумму требованій,
предъявляемыхъ къ Совѣтамъ, и надеждъ, возлагаемыхъ на
нихъ, мы каждый разъ получали ту, разно излагаемую, но
одинаково чувствуемую, суть, которую такъ сжато и точно
формулируетъ революціонный Кронштадтъ, обладающій едва
ли не самой примѣрной Совѣтской организаціей: Совѣты
стремятся къ полному политическому и экономическому осво-
божденію трудящихся черезъ установленіе для всѣхъ членовъ
общества равныхъ правъ и обязанностей. Къ этой верхов-
ной цѣли ведетъ взятіе трудовымъ народомъ власти для орга-
низациі общественнаго хозяйства и политической жизни и
для уничтоженія всякаго классоваго господства. Поэтому,
мѣстная совѣтская власть должна быть 1) составлена изъ
представителей лишь трудящихся слоевъ, 2) возможно полна
и 3) безусловно едина.

Конститутивныя черты совѣтскихъ органовъ на мѣстахъ
рисуются въ слѣдующемъ видѣ:

Не менѣе раза въ теченіе трехъ мѣсяцевъ,—а иногда и одного мѣсяца (Казанская губ.),—надлежитъ быть губернскому съѣзду пролетарскихъ организацій, какъ стоящихъ на платформѣ центральной совѣтской власти, такъ и инакомыслящихъ. Въ составъ съѣзда, въ различныхъ мѣстностяхъ именуемаго различно—съѣздомъ демократическихъ организацій, съѣздомъ совѣтовъ, совѣтомъ совѣтовъ,—входятъ, обыкновенно, по два представителя отъ уѣздныхъ совѣтовъ, волостныхъ и полковыхъ комитетовъ, по одному делегату—отъ ротъ, эскадроновъ и командъ, по три—отъ губернскаго партійнаго комитета и по два—отъ уѣзднаго. Представительство отъ фабрично-заводскихъ комитетовъ и профессиональныхъ союзовъ строится нѣсколько сложнѣе: такъ, въ однѣхъ мѣстностяхъ организація, объединяющая не менѣе 250-ти рабочихъ, посылаетъ одного представителя, свыше пятисотъ—двухъ (Новгородская губ.), въ другихъ одинъ представитель приходится на пятьдесятъ избирателей, два—свыше ста до тысячи, три—на тысячу, а организація, насчитывающія болѣе тысячи членовъ, делегируютъ трехъ представителей отъ первой тысячи и по одному отъ каждой слѣдующей (Воронежская губ.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ Новгородской и Рязанской губ., съѣздъ выдѣляетъ изъ своей среды исполнительный комитетъ, который и функционируетъ въ качествѣ постоянного органа пролетарской власти подъ названіемъ „Совѣта Совѣтовъ“ (Рязанская губ.) или просто Совѣта Раб., Солд. и Крест. Депутатовъ. Въ такихъ случаяхъ президіумъ (или бюро) исполнительнаго комитета играть ту же роль и отправляетъ тѣ же функціи, кои въ другихъ районахъ возлагаются на исполнительные комитеты совѣтовъ.

Но это сравнительно рѣдкій типъ совѣтской организаціи. Преобладаютъ самостоятельно образовавшіеся совѣты, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ основной ячейкой послужили Военно-Революціонные Комитеты, состоявшіе въ началѣ исключительно изъ представителей воинскихъ частей, въ другихъ—существующій Совѣтъ Раб., Солдатскихъ и Крест. Депутат. составилъ изъ сліянія двухъ, а иногда и трехъ, разноре-

менно и независимо другъ отъ друга возникшихъ, частей: Совѣта Раб., Совѣта Солд., Совѣта Крест. Депутатовъ.

Касаясь общаго (не-партийнаго) состава совѣтовъ, необходимо отмѣтить, что почти всѣ они включили въ себя представителей не только войсковыхъ частей, крестьянства и рабочаго населенія, но и желѣзнодорожныхъ, и почтово-телеграфныхъ, и иныхъ тружениковъ. Предоставлены мѣста продовольственнымъ организаціямъ, кооперативамъ, земельнымъ комитетамъ, профессиональнымъ союзамъ. Въ совѣтъ Бѣлозерскаго уѣзда, Новгородской губ., напр., включены путемъ кооптаціи представители союзовъ судовщиковъ и кожевниковъ. Въ томъ же уѣздѣ наблюдается едва ли не единственное явленіе: изъ 208 мѣстъ въ Совѣтѣ Раб., Солд. и Крест. Депутатовъ шестнадцать отдано представителямъ мелкой городской буржуазіи. Въ Лебединскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., въ среду Совѣта Раб. и Солд. Депут. вошли полноправными членами делегаты уѣзднаго земства и городского самоуправления. Въ исполнительномъ комитетѣ Царевококшайскаго совѣта (Казанская губ.) пользуются правомъ рѣшающаго голоса представители союза земскихъ служащихъ и совѣщательнаго—учительскаго союза.

Охарактеризовать систему выборовъ въ эти совѣты, установить принципы избирательнаго механизма—дѣло чрезвычайно трудное, если не невозможное. Попытки наши въ этомъ направленіи неизмѣнно разбивались о рѣшительныя заявленія делегатовъ, что система выборовъ, особенно по деревнямъ, не поддается никакому опредѣленію. Это отнюдь не значить, что выборы производились безъ всякой системы, беспорядочно и неорганизованно: очевидно, сама жизнь, требованія момента и настроеніе избирателей создавали для каждой мѣстности особый прагматическій шаблонъ, способный, быть можетъ, привести въ ужасъ педантичнаго теоретика, но, тѣмъ не менѣе, наилучшимъ образомъ соотвѣтствовавшій особенностямъ района и характеру и навыкамъ избирательскихъ массъ. Это подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ удалось установить съ достовѣрностью, о случаяхъ отзывовъ депутатовъ ихъ избирателями, равно о перевыборахъ отдѣль-

ныхъ членовъ по постановленію пленума, большинство опрошенныхъ т.т. делегатовъ вовсе не слышало, а меньшинство насчитываетъ такіе случаи единицами и говоритъ о нихъ, какъ о вполнѣ экстраординарныхъ. Разумѣется, выборы вездѣ происходили по сакраментальной четырехчленной формулѣ, и одному лишь Сѣннинскому уѣзду, Могилевской губ., да еще Череповецкому у., Новгородской, удалось поразить наше воображеніе картиной... двухстепенныхъ выборовъ отъ крестьянъ: волость выдѣляла шестнадцать выборщиковъ и отправляла ихъ въ уѣздъ, а въ уѣздѣ изъ этихъ шестнадцати выбиралась два делегата!

Посылая своихъ избранниковъ въ совѣтъ, избиратели почти всегда снабжаютъ ихъ императивными мандатами самаго, иногда, скрупулезно-точного содержанія, но въ Могилевской губ. избиратели крестьяне, вмѣсто врученія отдѣльныхъ мандатовъ своимъ представителямъ, выработали на сѣздѣ делегатовъ отъ волостей одинъ общій для всѣхъ наказъ.

О партійной конструкціи Совѣтовъ говорить не приходится: „пятьдесятъ процентовъ большевиковъ, сорокъ процентовъ лѣвыхъ с.-р-овъ“, „поровну тѣхъ и другихъ“, „всѣ большевики, с.-р-овъ только двое или трое“—вотъ стереотипныя отвѣты, достаточно характеризующіе партійную физиономію подавляющаго большинства органовъ совѣтской власти. Лично намъ довелось всего лишь въ одномъ случаѣ бесѣдовать съ членомъ Всероссійскаго Сѣзда интернационалистомъ, делегировавшимся на Сѣздъ Совѣтомъ Раб. и Солд. Денуг. станціи Переѣздное, Бахмутскаго уѣзда, Еваторинославской губ. Этотъ интересный во многихъ отношеніяхъ Совѣтъ включаетъ въ себя, кромѣ представителей двухъ съ половиной тысячъ рабочихъ Донецкаго Содоваго Завода, военной заводской охраны и профессиональных союзовъ, делегатовъ отъ кооперативовъ и отъ служащихъ завода. Здѣсь примать принадлежитъ приверженцамъ правыхъ социалистическихъ партій: ихъ въ Совѣтъ подавляющее большинство. Оригинально, между прочимъ, то, что въ Исполн. Комитетѣ Совѣта имѣются представители Совѣтовъ другихъ четырехъ заводовъ, лишенныхъ Исполн. Комитетовъ.

Представляется нелишнимъ интереса, что въ нѣкоторыхъ округахъ—правда, весьма немногочисленныхъ—рабочій элементъ Совѣтовъ настроенъ, какъ выражаются собесѣдники-делегаты, „по-эсеровски“ и притомъ въ довольно правой ориентации, въ то время какъ представители крестьянства окрашены въ болѣе или менѣе рѣзко-большевистскіе цвѣта. Объясняется это явленіе примирительной по отношенію къ рабочимъ политикой, проводимой кое-гдѣ заводчиками и фабрикантами, капитулирующими передъ требованіями момента. Таковъ, между прочимъ, Ахтырскій уѣздъ, Харьковской губ., гдѣ рабочіе сахарныхъ заводовъ, поставленные въ относительно прекрасныя условія существованія (высокая заработная плата—въ среднемъ 600—700 рублей ежемѣсячно на человѣка, гигиеническія помѣщенія, освѣщаемыя и отапливаемыя за счетъ предпринимателя, обильное продовольствіе), не торопятся даже съ проведеніемъ въ жизнь такихъ вождедѣльных мѣропріятій, какъ рабочій контроль надъ производствомъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, вся дѣловая работа Совѣтовъ сосредоточивается въ Исполн. Комитетахъ. Послѣдніе, будучи отвѣтственны передъ пленумомъ и обязанные периодически отчитываться передъ нимъ, состоятся, обычно, пропорціонально партійнымъ группировкамъ Совѣтовъ, рѣже—сообразно съ ихъ классовымъ строеніемъ.

Въ Койдановѣ, Минской губ. и у., Исполн. Комитетъ аттестуется какъ полномочный руководитель и „глава“ Совѣта. Его функціи: „наблюденіе за общимъ ходомъ работъ всѣхъ комиссій и Революціоннаго Трибунала, изданіе приказовъ, постановленій, воззваній“.

Насущная необходимость имѣть въ Исп. Комитетѣ достаточное количество работоспособныхъ и свѣдущихъ дѣятелей заставляеть при формированіи Комитета примѣнять самымъ широкимъ образомъ принципъ кооптаціи. Зарегистрированы случаи, когда кооптирована четвертая часть членовъ Исп. Комитета (Царевовокшайскъ, Казанской губ.) и даже половина (Череповецкій у., Новгородской губ.). Происходитъ это, обыкновенно, такимъ образомъ: извѣстная часть членовъ ока-

зывается совершенно неподготовленной для той разносторонней дѣятельности, которая сопряжена съ ихъ новымъ званіемъ. Тогда Совѣту ничего не остается, какъ освободить неудачныхъ „комитетчиковъ“ отъ ихъ обязанностей, что обычно волюнѣ совпадаетъ съ ихъ собственнымъ желаніемъ, а ихъ мѣста замѣщаются новыми членами изъ числа кандидатовъ, получившихъ на выборахъ меньшинство голосовъ, за отсутствіемъ же и среди нихъ отвѣчающихъ требованіямъ работниковъ, приходится приглашать въ составъ Комитета лицъ совершенно постороннихъ.

Кромѣ того, и Исполнительные Комитеты и Отдѣлы или Комиссиі по разнымъ отраслямъ управленія, при нихъ организуемо, широко пользуются правомъ привлекать въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ свѣдущихъ людей, экспертовъ, специалистовъ по вопросамъ агрономическимъ, экономическимъ, юридическимъ и инымъ, причемъ наблюдается такой порядокъ: свѣдущія лица, состоящія при Отдѣлѣ, имѣютъ здѣсь право рѣшающаго голоса, а въ Исп. К.—тѣ—совѣщательнаго, либо же имъ вовсе закрыть доступъ въ Исп. Ком., тогда и въ засѣданіяхъ Отдѣла они подаютъ лишь совѣщательный голосъ.

Болѣе или менѣе правильно сконструированные Отдѣлы (комиссиі) при Исп. К.—тѣ представляютъ весьма распространенное явленіе. Начало раздѣленія труда господствуетъ. Иногда принципъ дифференціаціи отраслей управленія тотъ же, что и въ центральномъ правительствѣ Республики: тотъ же военный отдѣлъ, земледѣлія (аграрный), финансовъ, народного просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, продовольствія, торговли и промышленности. Для точнаго слѣженія съ центральной властью недостаетъ лишь отдѣловъ морского и путей сообщенія. Во главѣ отдѣловъ—Комиссары-члены Исп. К.—та. Гораздо чаще, однако, формируются отдѣлы по иному принципу, примѣнительно къ чисто-мѣстнымъ потребностямъ и запросамъ текущей дѣятельности,—и тогда какихъ только пѣть отдѣловъ! Земельный, рабочій, финансовый, административный, контрольно-слѣдственный, культурно-просвѣтительный (Новгородская, Псковская губ.). Финансовый, юри-

дическій, продовольственный съ реквизиціоннымъ подотдѣломъ, інформаціонный (при немъ издается листокъ Совѣта), политическій съ отдѣленіемъ инструкторскимъ (Воронежская, Тверская губ.). Встрѣчаются (Бѣлозерскій у., Новгородской губ.) особыя комиссіи подъ названіемъ „пріемныхъ“ или „распредѣлительныхъ“, функціи коихъ—пріемъ и предварительное разсмотрѣніе всѣхъ поступающихъ дѣлъ и возникающихъ вопросовъ и направленіе ихъ по принадлежности (по признаку важности или компетенціи) непосредственно въ Исп. Ком. или въ соотвѣтствующіе Отдѣлы.

Но по общему правилу обязанность распредѣленія работъ по Отдѣламъ лежитъ на президіумѣ Исп. Ком., выдѣляющемъ иногда специально для этой цѣли дежурнаго члена (Бѣльскій у., Смоленской губ.).

Способы образованія отдѣловъ довольно многообразны: въ однихъ случаяхъ члены избираются общимъ собраніемъ Совѣта, въ другихъ—выдѣляются изъ своей среды непосредственно Исп. Комитетомъ. Въ Рѣжницкомъ уѣздѣ, Витебской губ., всѣ отдѣлы образованы вторымъ путемъ, за исключеніемъ отдѣла по крестьянскимъ дѣламъ: этотъ послѣдній въ числѣ девяти членовъ избранъ крестьянской секціей тамошняго Совѣта Раб., Солд., Крест., Батрацк. Депутатовъ.

Отношеніе отдѣловъ къ И. К.—ту, въ общемъ, таково: вопросы практическаго характера и къ тому же средней важности разрѣшаются отдѣлами самостоятельно, причемъ требуется, однако, утвержденіе рѣшенія И. К.—томъ, задачи же принципиальныя и дѣла исключительно важнаго значенія выносятся на общее собраніе И. К.—та. Возможенъ въ такихъ случаяхъ и непосредственный докладъ пленуму Совѣта.

Образцовой планировкой отдѣловъ отличается Совѣтъ Р. и С. Депутатовъ города и крѣпости Кронштадта. Здѣсь Исполнительный Комитетъ Совѣта образуется изъ предсѣдателя Совѣта, двухъ его товарищей и секретаря съ его товарищами. Кромѣ того, Общее Собраніе Совѣта избираетъ „членовъ И. К.—та по Отдѣламъ“, завѣдующихъ каждый строго опредѣленной отраслью народной жизни и отвѣтственныхъ въ своей дѣятельности передъ пленумомъ. Всѣхъ Отдѣловъ семнадцать.

Взятые вмѣстѣ, они представляютъ не что иное, какъ въ точности вычеканенный и до мелочей законченный коммунистическій строй. Ихъ стоитъ перечислить: 1. Отдѣлъ финансовъ. 2. Отдѣлъ заготовокъ продовольствія и товаровъ. 3. Отдѣлъ распредѣленія и торговли продовольствіемъ и товарами. 4. Отдѣлъ киниргирь. 5. Отдѣлъ врачебно-санитарный. 6. Отдѣлъ санитарно-техническій. 7. Отдѣлъ механико-техническій. 8. Отдѣлъ техника-промышленный. 9. Отдѣлъ ремонтно-строительный. 10. Отдѣлъ хозяйственно-заготовительный. 11. Отдѣлъ труда. 12. Отдѣлъ культурно-просвѣтительный. 13. Отдѣлъ военный. 14. Отдѣлъ юстиціи. 15. Отдѣлъ общественной помощи. 16. Отдѣлъ милиціи, красной гвардіи и пожарный. 17. Отдѣлъ контроля. Внутри каждаго изъ названныхъ отдѣловъ производится детальнѣйшая дифференціация отраслей управленія и соціального обслуживания: такъ, образуются инициативныя комиссіи, принципъ коихъ—спеціализация и концентрація силъ. Отдѣлъ, напр., врачебно-санитарный распадается на комиссіи аптечную, больничную и санитарную, въ то же время всѣ члены отдѣла совокупно составляютъ врачебно-санитарную комиссію; въ отдѣлѣ санитарно-техническомъ сосредоточивается надзоръ за: водоснабженіемъ, канализаціей, банями и купальнями, прачечными, ассенизаціей, скотобойнями, парками и бульварами, вообще—древесными насажденіями, а наряду съ этимъ изъ членовъ по спеціальностямъ организуются соответственныя комиссіи: 1, по водоснабженію и канализаціи, 2, бань и прачечныхъ, 3, по благоустройству (ассенизація, скотобойня, парки и т. п.). Независимо отъ этого, въ цѣляхъ разграниченія и наибольшей спеціализаціи функцій, нѣкоторые отдѣлы (2-ой, 3-ий и 10-ый) разбиты на подотдѣлы: такъ, отдѣлъ хозяйственно-заготовительный состоитъ изъ двухъ подотдѣловъ: 1, дровъ и строительныхъ матеріаловъ, 2, промышленнаго сырья, топлива и смѣлочныхъ маселъ. Каждый подотдѣлъ имѣетъ во главѣ особаго помощника завідующаго отдѣломъ.

И, наконецъ, вся эта стройная система увѣнчивается цѣлесообразно задуманнымъ повѣрочнымъ аппаратомъ въ лицѣ двѣнадцати членовъ, ревизующихъ заготовку и распре-

дѣленіе (пять членовъ), техническую часть отдѣловъ (три), отдѣлы: юстиціи, культ.-просвѣт., общественной помощи и труда (четыре).

Исполнительные Комитеты и Отдѣлы являются главнѣйшими фактическими проводниками въ жизнь лозунга „вся власть Совѣтамъ“.

Что же именно получается на дѣлѣ?

II.

При попыткѣ опредѣлить кругъ вѣдомства Совѣтовъ и, въ частности, предѣлы ихъ власти, обнаружилось съ полной опредѣленностью, что всю территорію Республики (за исключеніемъ, конечно, тѣхъ раіоновъ, гдѣ активная гражданская война еще не завершилась побѣдой рабоче-крестьянскаго правительства) можно подраздѣлить на слѣдующіе пояса: во-первыхъ, тѣ, въ коихъ единственную власть *de facto* и *de nomine* являютъ собою Совѣты,—въ нѣкоторыхъ, пока, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ они упразднили или поглотили даже органы мѣстнаго городского и земскаго самоуправленія; во-вторыхъ, тѣ области, гдѣ нѣкоторыя до-октябрьскія учрежденія судебнаго, финансоваго и хозяйственно-административнаго характера функционируютъ, пользуясь вполнѣ иллюзорной, чисто номинальной независимостью отъ Совѣтовъ, стѣсненныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ недостаткомъ или отсутствіемъ преданныхъ народу специалистовъ, и въ-третьихъ, немногочисленные округа, гдѣ длится упорная борьба за власть и вліяніе, и гдѣ шагъ за шагомъ отвоевываются позиціи у буржуазіи и социалистовъ оппортунистскаго толка.

Борьба за народовластіе еще продолжается. Пролетаріатъ аграрный и индустріальный еще не замѣнулъ круга своихъ завоеваній. Но сейчасъ уже все предвѣщаетъ ему конечную побѣду и одолѣніе. Съ легкимъ сердцемъ, поэтому, можно вспоминать о тѣхъ трагическихъ моментахъ, которыми изобиловало это неслыханное столкновеніе, когда народъ, приведенный на край вырожденія длиннымъ рядомъ пре-

ступеній своихъ опекуновъ и правителей, истощенный безпримѣрной войной—достойнымъ боевымъ финаломъ вѣкового „мирнаго“ умертвія—береть въ собственныя руки свою судьбу и свое будущее, и—безъ знаній, безъ опыта, безъ денегъ—самъ стремится овладѣть многосложной механикой государственнаго управленія.

Делегаты Мипской губ. съ горечью, но и не безъ нѣкоторой гордости, подчеркиваютъ, что всю огромную творческую работу по созданію устойчивой власти и революціоннаго порядка въ уѣздахъ рабочимъ, солдатамъ и крестьянамъ пришлось вынести на своихъ плечахъ, не встрѣчая со стороны „интеллигентныхъ“ слоевъ населенія ничего кромѣ злобной насмѣшки при неудачахъ и яростнаго шипѣнія при успѣхахъ. Представители мѣстной власти и ихъ пособники на всѣ успѣхи Совѣтомъ наладить совмѣстную работу относились такъ: „Въ виду близости Учредительнаго Собранія, не считаемъ нужнымъ признавать и организовывать какіе-либо порядки“ (1). Въ Корочанскомъ уѣздѣ, Курской губ., еще въ послѣднихъ числахъ декабря нашему собесѣднику делегату, только что тогда вернувшемуся съ фронта, пришлось на долю дать форменное сраженіе уѣзднымъ властямъ, ставленникамъ правительства Керенскаго, вполнѣю не склоннымъ считаться съ совершившимся переломомъ. До сихъ поръ станція „Прохоровка“—цитадель богатаго кулачества и его „безкорыстныхъ“ сателлитовъ изъ разныхъ классовъ и сословій. Рядъ сосѣднихъ уѣздовъ еще вообще во власти „почтенной соглашательской компаніи“, даже выршился т. делегатъ, „этой живо гниющей, но жгучей, не-таки, породы“—по его же нѣсколько рѣзкому опредѣленію. Уѣзды эти лишены были своего представительствъ на 3-мъ Всероссийскомъ Съѣздѣ. Въ самомъ Курскѣ Сов. Раб., Солд. и Кр. Депут. сгруппировался лишь 6-го января.

О, Курская Земле! О, родина патентованныхъ мразобѣсовъ!... „А мои ты курице—свѣдоми кѣмети...“, поется въ „Словѣ о Полку Игоревѣ“, но туго поднимаются затхлыя трупы тамошнія, чтобы оправдать свою древнюю забытую

гражданскую доблесть. Отмѣтимъ, впрочемъ, уѣзды Фатежсвій и Богородскій: въ первомъ совѣтская власть уже въ ноябрѣ прибрала къ рукамъ и казначейство, и земельные и продовольственные комитеты, организовала Народные Суды и охрану революціоннаго порядка, во второмъ—Сов. Р., С. и К. Депут., хотя и составилса довольно поздно—28 декабря,—тѣмъ не менѣе, успѣшно проводить въ своемъ районѣ предначертанія пролетарскаго правительства.

Делегатъ Совѣта Раб., Военн. и Кр. Депут. въ Гапсалѣ, Эстляндской губ., горячо повѣствуетъ о перипетіяхъ тяжелой борьбы съ контръ-революціоннымъ начальникомъ гарнизона, находившимъ всемѣрную поддержку и содѣйствіе со стороны многочисленныхъ крупныхъ и мелкихъ собственниковъ этого тишично-буржуазнаго уголья.

И такъ далѣе, и такъ далѣе. „У нихъ деньги, опытъ, ученые специалисты, у нихъ твердая, испытанная почва подъ ногами“,—въ одинъ голосъ сѣтуютъ делегаты,—„а у насъ—ничего, кромѣ вѣры въ себя, въ свою правоту и рѣшимости побѣдить или умереть“.

Но и это тоже не мало.

Денегъ нѣтъ. Чувствительный недостатокъ матеріальныхъ средствъ послужилъ для большинства Совѣтовъ стимуломъ энергичной „финансовой политики“. Кромѣ мѣропріятій, проводимыхъ въ этомъ отношеніи комиссарами финансовыхъ комиссій или отдѣловъ, вродѣ занятія отдѣленій банковъ и казначействъ и ограниченія выдачъ изъ нихъ, въ значительномъ числѣ мѣстностей проведено или проводится обложеніе имущихъ классовъ. Въ Новгородской губ. купечество нѣкоторыхъ уѣздовъ обложено на суммы отъ ста до трехсотъ тысячъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній, насколько азеуратно несетъ торговая буржуазія тѣхъ мѣстъ эту финансовую повинность, но намъ извѣстно, что въ Бѣлозерскомъ, напр., уѣздѣ, гдѣ цифра обложеній достигла 200.000 руб., внесено было въ весьма непродолжительномъ времени свыше 50.000. Встрѣчаются округа (Харьковской, Тамбовской, Пензенской губ.), гдѣ единовременными или періодическими взносами непосредственно въ распоряженіе

Совѣтовъ обязать не только торгово-промышленный классъ, но и дворяне-помѣщики (независимо отъ конфискаціи земель и усадебъ) и даже органы городского и земскаго самоуправления. Своеобразныя отношенія создались на этой почвѣ въ Лободинскомъ у., Харьковской губ.: городская дума „добровольно“ ассигновала въ пользу Совѣта тысячу руб., земское собраніе оказалось прижимистѣй и причитающихся съ него двухъ тысячъ до сихъ поръ не внесло, купеческій клубъ податъ угрозой реквизиціи помѣщенія уплатилъ въ видѣ „отступного“ (терминъ т. делегата) 600 р. и обязался вносить ежемѣсячно по 150 руб. Достойна подражанія образцовая цифра Корочанскаго уѣзднаго комиссара: въ пользу бюро увѣчныхъ воиновъ конфискованы церковныя суммы. Въ уѣздѣ Пскова домовладѣльцы за антисанитарное состояніе домовъ оштрафованы въ пользу Совѣта на 300.000 руб. Въ г. Котлосѣ, Вологодской губ., реквизиціонная комиссія, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ весь экспортъ, импортъ и надзоръ за транзитомъ, сдѣлалась постояннымъ источникомъ весьма значительныхъ доходовъ.

Не вездѣ, однако, рабоче-крестьянская власть проявляетъ столько суровости и рѣшительности въ изысканіи средствъ. Несколько уѣздовъ Смоленской губ. почерпаютъ свои ресурсы единственно путемъ самообложенія членовъ Совѣтовъ и много въ десятъ коп. съ десятины крестьянской земли, помѣщики же помли оставлены безъ обложенія, ибо „пролетаріи сочили неумѣстнымъ допустить дворянъ-землевладѣльцевъ въ участію въ содержаніи пролетарскихъ организаціи“. Намъ осталось лишь недоумѣвать, чего здѣсь больше: гражданскаго благородства или классовой ненависти?

Относительною мягкостью прѣмовъ отличается и Казанская губ., гдѣ уѣздные Совѣты кредитуются у земельных комитетовъ и даже у мѣстнаго купечества. Въ послѣднемъ случаѣ, — обязательно добивалъ делегатъ, — займы всегда безпроцентныя.

Широко практикуется обложеніе владѣльцевъ увеселительныхъ заведеній. Немаловажнымъ источникомъ дохода

являются въ иныхъ районахъ лекціи и спектакли, устраиваемые И. К.—томъ.

Въ распоряженіе нѣкоторыхъ губернскихъ Совѣтовъ (напр., Новгородскаго) отпущены единовременные авансы Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ. Во многихъ мѣстностяхъ въ рукахъ Совѣтовъ оказывались текущіе счета бывшихъ губернскихъ и уѣздныхъ комиссаровъ. Иногда (очень рѣдко до послѣдняго времени) уѣздные Совѣты пользуются матеріальной поддержкой со стороны губернскихъ по представляемой ими смѣтѣ.

Съ сокрушеніемъ приходилось слышать отъ значительной части опрошенныхъ делегатовъ, что націонализація банковъ не проведена и не проводится за рѣшительнымъ отсутствіемъ въ распоряженіи Совѣтовъ специалистовъ банковскаго дѣла.

При такихъ, большей частью, случайныхъ и всегда недостаточныхъ средствахъ Совѣты умудрялись, тѣмъ не менѣе, развивать кипучую дѣятельность въ областяхъ административной, землеустроительной, продовольственной и судебной.

Охрана революціоннаго порядка возложена на милицію. Кое-гдѣ послѣдняя вовсе замѣнена красной гвардіей, иногда поддерживается ею. Гдѣ милиція еще не расформирована, тамъ во главѣ ея стоитъ назначаемый Совѣтомъ комиссаръ, но роспускъ милиціонеровъ, какъ конечная мѣра, вездѣ проектируется. Организація красной гвардіи строится вездѣ по весьма однообразному шаблону: принципъ добровольчества, непремѣнное представленіе кандидатами письменныхъ удостовѣреній-рекомендацій отъ воинскихъ частей или волостныхъ или уѣздныхъ Совѣтовъ, назначаемый Совѣтомъ, рѣже—выборный, но и тогда подчиненный Совѣту начальникъ, обязанность красногвардейцевъ разныхъ районовъ оказывать посильное содѣйствіе другъ другу въ борьбѣ съ антиобщественными и контръ-революціонными элементами. Расходы по содержанию штата красной гвардіи несетъ Совѣтъ. Въ Могилевской, Витебской и Минской губ. на долю красной гвардіи выпадаетъ трудная задача охранять захваченныя крестьянами помѣщичьи имѣнія отъ хищническихъ набѣговъ польскихъ легионеровъ. Могилевскій делегатъ утверждаетъ, что

набѣги эти совершаются съ вѣдома и одобренія помѣщиковъ, руководствующихся въ данномъ случаѣ золотымъ правиломъ собственниковъ: если отъ меня отнимается,—цуть никому не достанется.

Милиція или красная гвардія наблюдаетъ за неуклоннымъ осуществленіемъ административныхъ распоряженій и обязательныхъ постановленій, исходящихъ, обыкновенно, отъ административнаго отдѣла, рѣже—непосредственно отъ И. К.—та. Она же, оставаясь подчиненной Совѣту, служитъ исполнителемъ приговоровъ и рѣшеній Революціоннаго Трибунала и Народныхъ Судей, а также постановленій судебного характера, издаваемыхъ юридическимъ или контрольно-слѣдственнымъ отдѣломъ Совѣта.

„Народъ“—писалъ Герценъ въ своихъ „Письмахъ изъ Италіи и Франціи“—ничего не знаетъ ни о текстахъ конституцій, ни о раздѣленіи властей“. Дѣйствительно, Совѣты—этотъ чистокровный продуктъ непримѣснаго народнаго творчества—являютъ собой зрѣлище полнаго сліянія—не смѣшенія—функцій законодательной, судебной и полицейской. Хотя окружные суды упразднены всюду, а институтъ мировыхъ судей почти всюду, Революціонные Трибуналы и Народные Суды еще далеко не вездѣ открыли свои дѣйствія. Въ этихъ случаяхъ зарождающіеся пылъ или возникшіе до октябрьской революціи судебные дѣла и споры юридическаго характера разрѣшаются соответственными отдѣлами Исполн. К.—та, ничего общаго, въ сущности, не имѣющими ни съ судомъ, ни съ юриспруденціей. Такъ, во многихъ уѣздахъ Тверской и Воронежской губерній административный Отдѣлъ принимаетъ къ судебному разбирательству спорные вопросы, возникающіе въ порядкѣ управленія. Отдѣлъ Труда разрѣшаетъ правовыя недоразумѣнія и конфликты между трудящимися, съ одной стороны, и предпринимателями, вообще, пользующимися наемнымъ трудомъ—съ другой. Впрочемъ, нужно оговориться: здѣсь между гражданами въ большомъ примѣненіи третейскіе суды, функционирующіе иногда совершенно официально.

Но и въ случаяхъ наличія Революціоннаго Трибунала

дѣятельность этого судилища протекаетъ подь болѣе или менѣе пристальнымъ наблюденіемъ, чтобы не сказать—надзоромъ, Исп. К—та, за что само собою говорить уже самое состояніе Трибунала „при Совѣтѣ“ или „при И. К—тѣ“. Весьма часто предсѣдатель И. К—та и предсѣдатель Р. Т—ла одно и то же лицо, почти всегда судьи—члены Трибунала—избраны Совѣтомъ изъ своей среды съ оставленіемъ ихъ въ депутатскомъ званіи и должности. Въ одномъ случаѣ намъ удалось даже установить, что юридическая коммиссія и Революціонный Трибуналъ—разныя названія одного и того же учрежденія (Череповецкій у., Новгород. губ.).

Но предсѣдатель и члены Трибунала—это, если позволительно такъ выразиться, „коронные“ судьи. Судьи Ея Величества Республики Всероссійской. Кромѣ нихъ, въ разборѣ дѣлъ, избраніи мѣры пресѣченія, рода и мѣры наказанія, принимаютъ, согласно инструкціи, участіе представители общественной совѣсти—народные засѣдатели, избираемые волостями, профессиональными союзами, желѣзнодорожниками въ числѣ отъ двѣнадцати до сорока, изъ коихъ засѣдаетъ по очереди отъ двухъ до шести членовъ коллегіи. Представителемъ публичнаго обвиненія выступаетъ, обыкновенно, комиссаръ юридической коммиссіи, защита же носитъ вполнѣ случайный и неопредѣленный характеръ: о введеніи элемента матеріальной защиты врядъ ли есть кому позаботиться, формальная же защита не обязательна. Вообще, справедливость требуетъ признать, что интересы обвиняемаго ограждены весьма слабо: это одна изъ тѣхъ сторонъ новаго суда, которыя съ особенной настоятельностью требуютъ законодательной нормировки въ духѣ новѣйшихъ ученій судебного права. И то обстоятельство, что въ условіяхъ переживаемаго момента вполнѣ открыто установился взглядъ на судъ, какъ на могучее орудіе политической борьбы, нисколько, по нашему мнѣнію, не препятствуетъ самому тщательному проведенію принциповъ свободной и равноправной съ обвиненіемъ защиты: вѣдь въ интересахъ борющагося слѣдить за тѣмъ, чтобы орудіе борьбы было въ исправности и дѣйствовало бы безуворизненно. Презрѣніе же законныхъ интере-

совѣ обвиняемаго и подсудимаго — вѣрное средство свести еъ нулю авторитетъ суда и подвести его подъ знаменитый приговоръ Вольтера, произнесенный имъ надъ французскими судами при сравненіи ихъ съ англійскими: „en France le Code criminel parait dirigé pour la perte des citoyens, en Angleterre—pour leur sauvegarde“.

Что касается законовъ, которыми руководствуются судьи, то здѣсь выступзетъ на первый планъ правотворческая роль судьи. „Чистая совѣсть, безпристрастіе, строгая справедливость—вотъ наши законы“, сказала намъ одинъ изъ товарищей-делегатовъ. Если исключить изъ этой тріады безпристрастіе,—свойство, необходимое для судьи, но не являющееся источникомъ правотворчества, — то останутся элементы той правовой интуиціи, которые вполне пригодны для созданія самаго подлиннаго права — комплекса психическихъ императивно-атрибутивныхъ переживаній. По счастью, еъ господству интуитивныхъ нормъ мы вполне подготовлены духомъ нашего стараго официальнаго права, предоставлявшаго столь широкую сферу дѣйствія не только обычно-правовымъ нормамъ, но и чисто интуитивнымъ. Въ другомъ мѣстѣ мы, быть можетъ, разоведемъ подробнѣе эту мысль, основываясь на практикѣ дореволюціонныхъ крестьянскихъ судовъ и дѣятельности кассационныхъ департаментовъ Сената, здѣсь же ограничимся сказаннымъ.

Конечно, Локкъ и Монтескье осудили бы систему, при которой функціи законодательная и юрисдикціонная сосредоточиваются въ однѣхъ рукахъ, но современная доктрина и прогрессивныя законодательства открываютъ обширную область усмотрѣнію судьи, прямо возлагая на него обязанность продолжать и углублять нормоустановительную работу законодателя (Герингъ: судья долженъ быть „воплощеннымъ говорящимъ закономъ“. См. также ст. 1 новаго швейцарскаго гражданскаго уложенія).

Широко понимаемое судейское усмотрѣніе дастъ возможность Трибуналамъ многихъ мѣстностей примѣнять и прежнія, дореволюціонныя нормы, поскольку онѣ не слишкомъ рѣзко расходятся съ современнымъ правосознаніемъ народа

или поскольку онѣ допускаютъ соотвѣтствующую условіямъ момента интерпретацію. Такая практика намѣчается въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ, Новгородской и Полтавской.

Карательная система отличается скудостью содержанія: господствующее наказаніе одно—тюремное заключеніе. Отдача въ общественныя работы не практикуется, повидимому, нигдѣ. Денежныя взысканія въ случаяхъ уголовныхъ правонарушеній примѣняются очень рѣдко.

Слѣдственное производство предоставлено либо юридическому отдѣлу, либо особой контрольно-слѣдственной комиссіи, либо, всего чаще, специальной слѣдственной комиссіи, подчиненной Революціонному Трибуналу. На эти же комиссіи возлагается обязанность опредѣлять, гражданское или уголовное правоотношеніе лежитъ въ основѣ даннаго судебного дѣла, и въ зависимости отъ этого направлять его на разрѣшеніе гражданского или криминальнаго отдѣленія суда.

Необходимо здѣсь же отмѣтить, что мировая юстиція упразднена вездѣ фактически, но кое-гдѣ существуетъ номинально, причѣмъ положеніе этихъ судей безъ тяжущихся весьма незавидно. Такъ, въ Харьковской губ., гдѣ не организованы еще ни Революціонные Трибуналы, ни народные суды, населеніе, тѣмъ не менѣе, предпочитаетъ вовсе не судиться, или прибѣгать къ третейскимъ судьямъ, или обращаться къ президіуму И. К-товъ, чѣмъ къ мировымъ. Но народные суды открыты въ самомъ незначительномъ числѣ мѣстностей, и гдѣ они имѣются, тамъ практическія условія ихъ дѣятельности и ихъ отношеніе къ юридическимъ отдѣламъ, которымъ они „подвѣдомственны“, еще недостаточно выкристаллизовались.

Но не только въ организаціи суда и управленія приходится Совѣтамъ проявлять максимумъ творческой инициативы и энергіи,—тѣхъ же усилій требуютъ отъ нихъ и другія области общественной жизни, и здѣсь не на послѣднемъ планѣ стоитъ земельная проблема.

Въ этомъ отношеніи Совѣтамъ во многихъ случаяхъ приходилось и еще приходится выдерживать борьбу на два

фронта: съ одной стороны, косный или реакціонно настроенный составъ земельных комитетовъ, съ другой—удручающее незосознательное поноженіе крестьянскихъ массъ.

То обстоятельство, что членами, а нередко и председателями земельных комитетовъ состояли сплошь и рядомъ лица, недвижимыя имущества которыхъ именно и должны были являться объектомъ социализаціи, достаточно ярко характеризуетъ эти комитеты и даетъ понятіе о мѣрахъ, отъ нихъ исходившихъ. Ближайшей, неотложной задачей Совѣтовъ явилась, поэтому, переизбрація земельных комитетовъ. Гдѣ это совершилось, тамъ земельная политика введена въ надлежащее русло и протекаетъ подъ пристальнымъ наблюденіемъ Н. К-ва. Впрочемъ, порядокъ подчиненности земельных комитетовъ варьируется смотря по мѣстности: 1) подчинены непосредственно земельному комиссару, 2) руководствуются указаниями земельного отдѣла, 3) нераздѣльно слиты съ земельнымъ отдѣломъ такъ, что послѣдній, собственно, и является уѣзднымъ или губернскимъ земельнымъ комитетомъ.

Но гдѣ земельные комитеты сохраняютъ старый контингентъ членовъ, какъ напр. въ Воронежской и Казанской губ., тамъ они, въ худшемъ случаѣ, пользуются полной независимостью отъ Совѣтовъ и извѣстной свободой дѣйствій, въ лучшемъ—вѣдутъ глухую борьбу съ „большевистскимъ комиссаромъ“, и побѣда склоняется то на ту, то на другую сторону.

Отношеніе же крестьянъ къ земельнымъ богатствамъ характеризуется горькими словами курскаго делегата: „сами себя грабятъ“. Именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ необъединенныя власти были неспособны въ методической борьбѣ съ контръ-революціонными земельными комитетами, тамъ погромы и поджоги экономій, имѣній, усадебъ принимали стихійные размѣры. Растаскиваніе помѣщичьихъ домовъ по бревнышку, варварское уничтоженіе драгоцѣнныхъ земледѣльческихъ машинъ, расхищеніе живого инвентаря—все это являлось болѣе пріемлемымъ для землевладѣльцевъ и возглавляемыхъ ими земельных комитетовъ, чѣмъ самая идея грядущей социализаціи земли. И совѣты оказывались и во многихъ мѣстахъ оказываются безсильными бороться съ неиз-

бытой еще „деревенской темнотой“. Тѣмъ отраднѣе констатировать факты правильнаго учета крупныхъ частновладельческихъ имѣній, точной описи инвентаря и бдительной охраны народнаго достоянія въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ земельные комитеты согласовали, наконецъ, свою дѣятельность съ общей линіей совѣтской политики.

Въ западныхъ губерніяхъ постановлено весною приступить къ распредѣленію земель.

Что касается продовольственнаго дѣла, то оно, по общему утвержденію, нигдѣ не ускользаетъ отъ вліянія Совѣтовъ. Продовольственные комитеты частью поставлены въ прямую зависимость отъ совѣтскихъ отдѣловъ того же названія, частью упразднены за переходомъ продовольственнаго дѣла непосредственно въ руки Совѣтовъ.

Но ни саботажъ земельныхъ комитетовъ, ни „тихая сапа“ чиновниковъ правительственныхъ учрежденій, ни назойливая мелочная оппозиція ошестившагося городского мѣщанства—все это не сравнится съ той обдуманной системой противодѣйствій, которую Совѣты встрѣчаютъ со стороны органовъ городского и земскаго самоуправления. „Оси́нныя гнѣзда“, „цитадели контръ-революціи“, „оплоты мракобѣсія“, „наше главное несчастье“—вотъ общеупотребительные эпитеты, расточаемые делегатами по адресу городскихъ думъ, управъ, земскихъ собраній. Мѣста, гдѣ у Совѣтовъ съ ними налаживается мало-мальски сносный контактъ, насчитываются единицами, да и то есть основаніе предполагать источникъ этихъ сравнительно мирныхъ отношеній въ уступчивой политикѣ Совѣтовъ, а никакъ не наоборотъ. Недостатокъ людей, могущихъ замѣнить земцевъ въ ихъ дѣловой работѣ,—главная, очень часто единственная причина, не позволяющая прибѣгнуть къ ликвидаціи этихъ „главныхъ несчастій“. Только съверь и съверо-западъ находятъ силы примѣнить эту радикальную мѣру, отъ представителей же средней полосы, юга и востока мы слышали почти одни и тѣ же слова: „функционируютъ, что съ ними подѣлаешь? Людей нѣтъ, намъ безъ нихъ мать, правда, и они безъ нашей помощи безсильны и съ налогами-то справиться“.

Сомнѣній нѣтъ, что наша трудовая интеллигенція, застигнутая врасплохъ бурно надвинувшейся соціальной революціей, недолго еще будетъ находиться въ станѣ классовыхъ враговъ народа, недолго еще будетъ сливать свой всегда прежде чистый и честный голосъ съ фальшивыми криками капиталистовъ и аграріевъ. Ей не сродни филистерство, и ей нечего дѣлать въ лагерѣ международныхъ хищниковъ. Дочь великихъ бунтарей за народное благо, прямой потомокъ подвижниковъ „хожденія въ народъ“, воспитанная на благородной, кровью сердца созданной, исторической литературѣ прошлаго вѣка, она теперь временно заблудилась, раскисла, измоталась въ сумасбродныхъ шатаніяхъ пачала нашего столѣтія. Она считаетъ себя сейчасъ сильнѣе духомъ, чѣмъ когда бы то ни было, но она скоро увидитъ, что то, что она принимала за силу, есть слабость, временное, переходящее затемненіе.

И народъ, люди съ мозолистыми руками, рабочіе, мастера и мужики, силой, если нужно, вернуть ее на путь подлиннаго крѣпкаго хотѣнія, и она вспомнитъ съ гордостью, что она — не мѣщанство и не буржуазія, а соль народа, которая не можетъ навсегда потерять свою силу: въ этомъ порукѣ сильный революціонный народъ. Она пойметъ, что революція, шагнулши на тѣ головные, теоретическіе предѣлы, что положены ей были вождями, — ея революція, что парламентарная республика не есть и не можетъ быть финишемъ ея поведѣнія, что органическая, а не функциональная перестройка общества, къ которой идутъ рабочіе и крестьяне, есть ея собственный золотой старый сонъ, такъ легкомысленно ею забытый въ суетѣ житейскаго балагана.

И отдать все это за чужеземную похлебку интернаціональныхъ ростовщиковъ? Нѣтъ. Первородство обязываетъ.

Тогда единый пролетарскій фронтъ будетъ несокрушимъ. Русская революція — аэропланъ всемірной исторіи — по новому расправитъ свои крылья. Съ востока свѣтъ, — такъ когда-то было, отъ насъ зависятъ, чтобы такъ было впредь.

Георгій Гурвичъ.

1927

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЬ ВЪ ДЕМОКРАТИИ.

„Dès qu'on écrit une constitution elle est morte“. . . De Maistre.

§ 1. Продолжающаяся великая европейская война почти во всѣхъ участвующихъ въ ней государствахъ вызываетъ политическія преобразованія ¹⁾, но ни въ одномъ изъ государствъ необходимость въ этихъ преобразованіяхъ не имѣетъ такой остроты, какъ въ нашемъ отечествѣ. Въ періодъ напряженной борьбы съ опаснѣйшимъ врагомъ происходитъ въ Россіи возстаніе противъ Правительства, на что не рѣшается даже могущественный, испытанный въ дѣлахъ государственнаго строительства, англійскій народъ, не рискуя поставить тѣмъ на край гибели свое государство ²⁾. Происшедшее возстаніе закончилось не только сверженіемъ прежняго царскаго режима, но оно, послѣ продолжительнаго управленія страной сначала Временнымъ Правительствомъ, а затѣмъ и Правительствомъ Рабочихъ, Крестьянъ и Солдатъ, порвавшими съ традиціонными приѣмами управленія, поставило ее передъ переустройствомъ на совершенно новыхъ основаніяхъ. При этомъ къ переустройству страны призваны сначала Учредительное Собраніе, а, по его закрытіи, Всероссийскій Съѣздъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ

¹⁾ I. N. Morgan. The War and the Empire, стр. 214 въ журналѣ The Law Quarterly Review за Іюнь 1917 г.

²⁾ Рѣчь деп. Ben Tillet, помѣщенная въ газетѣ The Daily News отъ 12 Ноября 1917 г.

депутатовъ, долженствующій выразить въ законодательныхъ актахъ волю широкихъ слоевъ русской демократіи, никогда ранѣе не принимавшей въ ихъ составленіи столь преобладающаго участія.

Уже по самой своей природѣ, изданіе законовъ является наиболѣе сложною, по сравненіи съ другими, государственною дѣятельностью. Оно требуетъ отъ участвующихъ въ немъ лицъ не только большихъ познаній, чисто технического и спеціальнаго характера, но и яснаго представленія о тѣхъ своеобразныхъ въ государствѣ тенденціяхъ, которыя неуклонно влекутъ его по пути переустройства, въ соответствии съ понятиями нарождающимися условіями бытія.

Область законодательства, даже текущаго, является настолько сложною, что, напримѣръ, тѣмъ просвѣщеннымъ демократіа, какъ американская, испытываютъ здѣсь чрезвычайныя затрудненія. Но крайней мѣрѣ, изучавшіе жизнь Америки иностранцы, да и сами американцы, единогласно свидѣтельствуютъ, что „наиболѣе слабою стороною государственнаго строя Соединенныхъ Штатовъ является ихъ законодательство, при сравнительно удовлетворительно поставленныхъ иныхъ отрасляхъ: администраціи и судѣ“¹⁾.

По отзыву американскаго ученаго Тунг'а, члены американскихъ законодательныхъ палатъ совершенно не имѣютъ спеціальныхъ познаній въ разсматриваемыхъ ими областяхъ, или даже яснаго представленія о мировомъ опытѣ, хотя бы то одному какому-либо законодательному вопросу. Да было бы и абсурдомъ ожидать отъ членовъ американскихъ законодательныхъ палатъ подобныхъ познаній. Въ законодательныя собранія входятъ не эксперты по тѣмъ или инымъ вопросамъ, а представители народа, избранные или по партійнымъ соображеніямъ, или потому, что они будутъ поддерживать нѣкоторыя частныя мѣры, или, наконецъ, потому, что они популярны и избиратели вѣрятъ ихъ честности²⁾.

Тѣмъ болѣе представляется сложнымъ предпринятое гран-

¹⁾ T. S. Ting. A Draft of a Forme of Government, стр. 199 въ американскомъ журналѣ «Political Science Quarterly» за 1912 г. 2 кн.

²⁾ T. S. Tung. Op. cit., стр. 196.

діозное преобразование Русскаго Государства, когда властные порывы жизни, требующіе законодательной санкціи, не нашли еще достаточно опредѣленнаго выливенія и оцѣнки въ наукѣ государственнаго права, и потому она можетъ быть лишь относительнымъ помощникомъ русской демократіи въ разрѣшеніи предстоящихъ законодательныхъ проблемъ. Научныя работы по государственному праву, какъ и вообще изслѣдованія въ сферѣ общественныхъ наукъ, не могутъ не отражать партійныхъ симпатій авторовъ, и это обстоятельство является одною изъ причинъ, ввергающихъ науку государственнаго права въ тяжелый кризисъ. На это указываютъ представители итальянской, англійской, французской науки государственнаго ¹⁾ права и не могутъ обойти молчаніемъ государствѣды и иныхъ странъ.

Въ настоящее время даже объектъ науки государственнаго права—методы ея изученія вызываютъ споры, не говоря уже объ отдѣльныхъ теоріяхъ, которыя нерѣдко въ туманныхъ формулахъ скрываютъ лишь убожество мысли. Въ частности, на континентѣ Европы большое распространеніе имѣютъ нѣмецкія теоріи о государствѣ, сложившіяся въ условіяхъ имперіалистическаго строя Германіи ²⁾.

Въ нѣкоторыхъ, въ особенности молодыхъ, странахъ, какъ напримѣръ, Италіи, онѣ вліяютъ на направленіе мышленія даже большинства ученыхъ. Такъ, по авторитетному свидѣтельству проф. Орляндо, „нѣкоторые итальянскіе писатели, въ особенности молодые, впали какъ-бы въ манію (*infatuazione*) германизма и забываютъ, что каждая литература, даже нѣмецкая, въ ея работахъ великолѣпныхъ, хорошихъ, умѣренныхъ и даже весьма посредственныхъ, а также каждая социальная наука, тѣмъ болѣе такая, какъ государственное право, имѣютъ интимнѣйшую связь съ частными особенностями каждаго народа, съ характеромъ его и историческими прецедентами, съ окружающей политической атмосферой и жизнью.

¹⁾ Проф. Camelo Carista. *Degli odierni indirizzi nel diritto costituzionale italiano*: въ журналѣ *Rivista di diritto pubblico* за 1913 г. кн. 1. Guido Pardo. *Conflitto costituzionale inglese e le trasformazioni del diritto pubblico inglese*. Въ томъ же журналѣ за 1910 г.

²⁾ Проф. M. Hauriou, *Principles de droit public*, стр. 4.

Нѣкоторыя работы итальянскихъ государствѣдовъ имѣютъ итальянскимъ только языкъ (и то до извѣстнаго предѣла), мысль, стиль, источники, самый конкретный интересъ въ трактуемыхъ темахъ,—все это чисто нѣмецкое ¹⁾).

Нельзя отрицать, чтобы не заслуживали подобныхъ же упрековъ нѣкоторые изъ русскихъ государствѣдовъ, при чемъ и вообще нѣмецкiя теорiи о государствѣ, которые отнюдь не могутъ претендовать на универсальное значенiе ²⁾, оказываютъ преобладающее влiенiе на направленiе русской науки государственнаго права. Требованiя объ оставленiи укоренившагося обычая — смотрѣть на государство сквозь призму нѣмецкихъ теорiй — начинаютъ уже риданиться все болѣе властно въ Европѣ. Вместе съ тѣмъ на смѣну нѣмецкихъ теорiй приходятъ англо-саксонскiя государственныя теорiи, сложившияся въ условiяхъ болѣе демократическихъ, чѣмъ на континентѣ Европы. И въ предстоящей законодательной дѣятельности, намъ кажется, практика и теорiя англо-саксонскихъ народовъ, въ особенности, американцевъ, могутъ оказать русской демократiи пользу при опредѣленiи основныхъ направленiй предстоящихъ реформъ.

§ 2. Анализу мирового, представляющаго для насъ чрезвычайный интересъ, опыта демократiи въ дѣлахъ государственнаго строительства посвящена, между прочимъ, статья американца Т. S. Tyng'a въ одномъ изъ лучшихъ американскихъ юридическихъ журналовъ: „Political Science Quarterly“, издаваемомъ факультетомъ политическихъ наукъ Колумбiйскаго Университета ³⁾. Анализъ этотъ приводитъ къ выводамъ, неблагоприятнымъ для находящихся въ аналогичныхъ съ ними условiяхъ американскихъ законодателей-демократовъ. Авторитетъ ихъ въ странѣ умаленъ, по сравненiю съ законодателями континентальной Европы, и сила законовъ въ Америкѣ поволеблена.

¹⁾ Проф. V. E. Orlando въ его предисловiи къ переводу на итальянскiй языкъ сочиненiя Jelinek'a «System der sub. off. Recht. Milano, 1912 г.

²⁾ H. I. Randal. Natural classification in politics, стр. 372 въ The Law Quarterly Review за Октябрь 1917 г., проф. Grassi Giuseppe. Sulla posizione scientifica di una dottrina generale dello stato, стр. 206.

³⁾ T. S. Tyng. «A Draft of a Forme of Government» въ Political Science Quarterly за 1912 г.

„Характерно“—по словамъ проф. Жаза—„безразличіе, которое американскій народъ проявляетъ къ своему національному законодательству. Въ Европѣ дѣла и жесты членовъ Парламента интересуютъ страну. Дебаты въ Парламентѣ становятся предметомъ подробныхъ отчетовъ въ повременныхъ изданіяхъ. Американскій народъ, напротивъ, удѣляетъ имъ слишкомъ мало вниманія. Дебатами въ законодательныхъ учрежденіяхъ почти совершенно не интересуются американскія газеты. Энтузіазмъ или ненависть народа обнаруживается по отношенію представителей исполнительной власти: по отношенію Президента Соединенныхъ Штатовъ и его министровъ“. Законодательными же установленіями народъ не интересуется ¹⁾.

„Нѣсколько больше интереса“,—по свидѣтельству Тунг'а, „проявляется американцами къ законодательству отдѣльныхъ Штатовъ Америки. Последнее не такъ, какъ Общенациональный Конгрессъ, удалено отъ мѣстныхъ нуждъ, и американцы выражаютъ свое вниманіе къ нему болѣе авторитетно и настойчиво во многихъ опптахъ, направленныхъ къ измѣненію конституцій отдѣльныхъ Штатовъ. Текстъ такихъ измѣненій конституцій достигаетъ четырехъ тысячъ страницъ большого формата. Большинство проектовъ измѣненій составлено самими членами законодательныхъ учреждений. Замѣняемая конституція въ этихъ проектахъ разсматриваются, какъ составленныя неисправимо плохо, и исправленія имѣютъ главною цѣлью достигнуть того, чего американцы отчаялись получить отъ предшествовавшихъ законодателей, и обезсилить или предупредить то зло, которое можно ожидать отъ законодателей послѣдующихъ. Нѣкоторыя исправленія имѣютъ цѣлью лишеніе членовъ палатъ права законодательства во многихъ вопросахъ, каковымъ народъ отказывается надѣлать своихъ же представителей“. Общее впечатлѣніе отъ этой детальной и мелочной регламентаціи американскаго законодательства, по выраженію Тунг'а, напоминаетъ няньку, которая говоритъ:

¹⁾ Проф. M. Gaston Iéze. Les pouvoirs financiers du Senat des Etats-Unis, 7 стр. въ Revue du droit public за 1911 г. кн. 1.

„иди и посмотри, что дѣлаетъ Ванечка, да скажи ему, чтобы онъ не дѣлалъ того-то“.

Безчисленные потоки американскихъ законовъ, въ большей части дурно составленныхъ, изъ которыхъ многіе непрактичны или даже вредны, исходя изъ рѣзкаго осужденія законовъ предшествовавшихъ, направлены къ измѣненію послѣднихъ. Они лишь создаютъ для послѣдующихъ членовъ законодательныхъ учреждений поводы для подобныхъ же законодательныхъ экспериментовъ. Американцы чрезвычайно утомлены такими законодательными экспериментами и обнаруживающеюся на практикѣ неспособностью поставить качество законодательства выше его количества. Въ результатъ работы какъ обще-національныхъ законодательныхъ учреждений, такъ и отдѣльныхъ Штатовъ происходитъ то, что „американцы рѣдко испытываютъ чувство энтузіазма во время сессій законодательныхъ палатъ и имѣютъ смѣшанное чувство: разочарованія и обогченія, когда онѣ кончаются. Американцы обнаруживаютъ даже боязнь передъ законодательными сессіями и, чтобы оградить себя отъ того зла, которое можно ожидать отъ законодателей, американцы ограничиваютъ продолжительность законодательныхъ сессій и открываютъ ихъ возможно рѣже“¹⁾.

Вопросъ уничтоженія со стороны законодательныхъ учреждений, который, по словамъ Т. R. Powell'a, преобладала еще тогда, когда впервые тринадцать колоній возстали противъ верховенства имперскаго Парламента, нашла свое выраженіе даже въ самомъ текстѣ какъ національной, такъ и отдѣльныхъ Штатовъ конституцій. Національная конституція Соединенныхъ Штатовъ Америки и конституцій отдѣльныхъ Штатовъ ясно обнаруживаютъ, что ихъ составители никогда и не хотѣли облечь неограниченною властью свои законодательныя учрежденія²⁾.

Это чувство недовѣрія къ представительнымъ учреждениямъ американская демократія проявляетъ и въ стремленіяхъ

¹⁾ Т. S. Tyng. Op. Cit. стр. 201.

²⁾ Т. R. Powell. The Courts and the People стр. 683 въ журналѣ „Political Science Quarterly“ за Декабрь 1912 года.

къ примѣненію референдума въ наиболѣе сложныхъ вопросахъ государственной жизни, отказывая представительнымъ учреждениямъ въ признаніи ихъ единственными выразителями народной воли, или, какъ то принято у насъ выражаться, „полновластными хозяевами“. Права полновластного хозяина американская демократія желаетъ сохранить за собой и не намѣрена никому уступать ихъ.

Процессъ умаленія власти законодательныхъ палатъ, въ связи съ развитіемъ демократіи, начинаетъ обнаруживаться даже въ наиболѣе устойчивой въ сохраненіи буржуазныхъ традицій Англіи.

Основное начало англійскаго государственнаго строя — допущеніе къ законодательной дѣятельности только трехъ установленій: короны, Палаты Лордовъ и Палаты Депутатовъ — уже поколеблено.

Англійскій Парламентъ, ограничивъ власть короны, вступилъ въ періодъ междоусобнаго антагонизма Палаты Лордовъ и Палаты Общинъ. Последняя лишила первую доминирующаго положенія въ сферѣ англійскаго законодательства, но и сама не можетъ сохранить за собою положенія полновластнаго хозяина Англійской земли ¹⁾. Англійскій народъ самъ вступаетъ въ свои державныя права, и осуществленіе ихъ начинаетъ находить мѣсто въ консервативной Англіи путемъ допущенія референдума или всенароднаго голосованія по отдѣльнымъ вопросамъ. Въ условіяхъ демократическаго строя такой коррективъ къ представительнымъ учреждениямъ является настоятельно необходимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, члены представительныхъ учреждений, обыкновенно, выбираются по партійнымъ спискамъ изъ пристрастія къ опредѣленнымъ, стоящимъ во главѣ партій, лицамъ. Напротивъ, въ референдумѣ отражается воля народа не въ отношеніи опредѣленныхъ субъектовъ, а въ отношеніи самаго предмета, объекта законодательства, и потому такимъ способомъ выявленія народной воли не можетъ пренебрегать истинно демократическое государство.

¹⁾ См. Quido Pardo. Op. Cit. стр. 414. У него же указана обширная англійская литература по этому вопросу.

Современныя демократическія государства ограничиваютъ носителей законодательной власти и въ другомъ отношеніи: надѣляя суды широкими полномочіями по надзору надъ закономѣрностью актовъ, исходящихъ отъ представительныхъ учреждений. Въ особенности рельефно указанное явленіе выступаетъ въ Америкѣ.

§ 3. Опасеніями народа надѣлить представительныя учрежденія всею полнотою государственной власти широко воспользовались американскіе суды. На практикѣ они стали въ положеніе органовъ надзора надъ законодательными учрежденіями, и въ теченіе всей политической эволюціи американскаго строя американскіе суды неизмѣнно сохраняютъ это положеніе ¹⁾. Правда, по одиннадцатому исправленію (by the eleventh amendment) общенациональной конституціи, отправляемая федеральнымъ судомъ юрисдикція была нѣсколько уменьшена, но общее верховенство судовъ надъ законодательствомъ осталось непоколебленнымъ. Оно, собственно, не имѣетъ прямой опоры въ текстѣ американскихъ законовъ.

Американскіе Штаты, принимая конституцію за конституціей, хотя и устанавливали въ нихъ ограниченія законодательныхъ учреждений, но не указывали прямо на способы превращенія этихъ ограниченій въ дѣйствительныя преграды для власти. Такія опущенія разсматриваются въ наукѣ американскаго государственнаго права, какъ молчаливая санкція примѣняемыхъ на практикѣ средствъ судебного контроля надъ законодательствомъ. При чемъ въ Америкѣ преобладаетъ увѣренность въ томъ, что такое фактическое состояніе является болѣе глубокимъ и жизненнымъ, чѣмъ писаные пергаменты.

Потому осуществляемая судами фактическая власть надъ законодательствомъ разсматривается, какъ болѣе прочная гарантія сохраненія правъ индивидуума, по сравненію съ тѣмъ, какую представило бы закрѣпленіе въ законахъ этого положенія судовъ.

¹⁾ T. R. Powell. The Courts and the People стр. 682 въ журналѣ Political Science Quarterly 1912 г. 4 кн.

Естественно, что описанная недоговоренность американских конституцій въ американской юридической литературѣ вызываетъ споры, какъ по вопросу о первоначальномъ возникновеніи такихъ полномочій судовъ, такъ и относительно правомѣрности ихъ въ условіяхъ современнаго состоянія американскаго законодательства ¹⁾.

Наиболѣе авторитетное по этому вопросу разъясненіе дано проф. Мс. Laughlin'омъ ²⁾. Согласно его свидѣтельству, первый и руководящій прецедентъ о правѣ судовъ объявлять недѣйствительными законы, одобренные парламентомъ, созданъ рѣшеніемъ по дѣлу, технически называемому *Marbury v. Madison furnishes*, въ которомъ, по жалобѣ апеллянта, Высшій Судъ призналъ, что „законъ является не конституціоннымъ и недѣйствительнымъ, коль скоро онъ устанавливаетъ прямо налогъ, безъ распредѣленія его между отдѣльными Штатами“. Основанія для такого рѣшенія Высшимъ Судомъ найдены въ общей природѣ писанной конституціи, въ ея преобладающей силѣ по сравненію съ отдѣльными законодательными актами и въ обязанности судовъ, при рѣшеніи дѣлъ, давать предпочтеніе законамъ большей важности по сравненію съ маловажными законами.

Какъ въ данномъ дѣлѣ, такъ и въ послѣдующихъ, по мнѣнію названнаго американскаго ученаго, рѣшенія судовъ о недѣйствительности законовъ находятся въ соотвѣтствіи съ политическими и философскими настроеніями и понятіями революціонной эпохи, положившей начало независимаго существованія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ ³⁾.

Понятія эти сложились отчасти подъ влияніемъ авторитетныхъ ученыхъ Англій и практики англійскихъ судей, а отчасти европейскихъ авторитетовъ и могутъ быть формулированы такимъ образомъ: „парламентъ не долженъ обладать абсолютной властью“; въ конституціи государства должны сохраняться опредѣленные принципы права и справедливости,

¹⁾ С. А. Beard. The Supreme Court-Usurper or Grantee? „въ“ Political Science Quarterly, 1912 г. кн. 1.

²⁾ В. Andrew C. Mc. Laughlin. The Court, the Constitution and Parties. Изд. 1912 г.

³⁾ С. А. Beard. Op. Cit стр. 1.

которые обязано соблюдать государство, и этимъ создается конституціонное ограниченіе государственной власти.

Суды обязаны объявлять недѣйствительнымъ всякій актъ парламента, нарушающій естественные принципы естественной справедливости и разума. Необходимо произвести раздѣленіе властей въ государствѣ, понимаемое въ томъ смыслѣ, что суды должны быть независимы и не связаны въ истолкованіи конституціи мнѣніемъ носителей другихъ видовъ государственной власти: законодательной и исполнительной“.

Въ настоящее же время право американскихъ судовъ объявлять недѣйствительными законы чаще всего основывается на двухъ началахъ: на пятомъ и четырнадцатомъ исправленіи федеральной конституціи и своеобразномъ истолкованіи судомъ ученія о раздѣленіи властей. Согласно пятой и четырнадцатой поправкамъ къ федеральной конституціи, ни одно лицо не можетъ быть лишено жизни, свободы или собственности, ни властью общенациональною, ни властью отдѣльнаго Штата, внѣ установленнаго закономъ порядка (*without due process of law*).

Опредѣленіе же понятія „установленнаго порядка“ въ законахъ не содержится, и Высшій Федеральный Судъ въ Америкѣ (*the federal Supreme Court*) присвоилъ себѣ полномочія по раскрытію его содержанія¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Высшій Судъ истолковываетъ ученіе о раздѣленіи властей въ томъ смыслѣ, что всякая государственная власть, будь то общенациональная, или отдѣльнаго Штата, раздѣляется на три великихъ отрасли, и сообщенныя конституціей полномочія одной изъ этихъ властей не могутъ быть отправляемы другой властью.

Практика американскихъ судовъ по истолкованію этихъ началъ, опредѣляющихъ компетенцію властей, допускаетъ большія колебанія²⁾. Пользованіе исполнительною властью полномочіями, предоставленными конституціей одной лишь власти

¹⁾ T. R. Powell. Separation of Powers стр. 216 въ *Political Science Quarterly* за 1912 г. кн. 2.

²⁾ F. I. Goodnow. The Principles of the Administrative Law of the United States, стр. 335.

законодательной, признается судами, обыкновенно, незаконнымъ, хотя бы эти полномочія и были делегированы администраціи въ общеустановленномъ порядкѣ. Въ отдѣльныхъ, однако, случаяхъ суды признаютъ законнымъ делегированіе администраціи настолько широкихъ полномочій по опредѣленію условій примѣненія законовъ, что въ этомъ можно видѣть передачу администраціи правъ по изданію законовъ.

Въ связи съ демократизаціей законодательства наблюдается расширеніе полномочій судовъ и на континентѣ Европы, въ частности въ Австріи, хотя полномочія примѣняются здѣсь совершенно для иныхъ цѣлей, чѣмъ въ Америкѣ. Въ Америкѣ суды отказываются слѣдовать законамъ, защищая интересы по преимуществу мѣстные и нерѣдко буржуазныхъ классовъ. Въ Австріи, напротивъ, Высшій Административный Судъ стремится къ захвату полномочій, въ цѣляхъ укрѣпленія центральной власти, въ борьбѣ съ представителями мѣстныхъ національныхъ группъ. Защитникъ указанныхъ стремленій Высшаго Административнаго Суда Фридрихъ Тецнеръ говоритъ по этому поводу слѣдующее: „конституціонное законодательство Австро-Венгрии нерѣдко диктовалось интересами классоваго эгоизма и въ техническомъ отношеніи является, ко всеобщему благу, въ высшей степени несовершеннымъ“. Его умолчанія представляютъ возможность за кулисами таеъ называемыхъ матеріаловъ конституціонныхъ законовъ находить основанія къ выводамъ „объ истинной“ волѣ законодателей, чего не пужно было дѣлать, когда законодательная дѣятельность отправлялась при участіи истинно безпартійныхъ комиссій абсолютистической эпохи, отдѣльвавшихъ законодательныя постановленія технически съ особою тщательностью. Слѣдствіемъ указанныхъ несовершенствъ Австрійскихъ законовъ является то, что Австрійскій Высшій Административный Судъ становится четвертою властью въ государствѣ, приобретаая ревизионныя полномочія въ отношеніи законодательства ¹⁾).

Послѣднее извѣстное намъ рѣшеніе Австрійскаго Высшаго Административнаго Суда, вызвавшее большое возмущеніе среди

¹⁾ Dr. Friedrich Tezner. Der Österreichische Parlamentarismus und der Verwaltungsgerichtshof, стр. 210 въ Österreichische Rundschau за ноябрь 1913 г.

общественныхъ дѣятелей и цѣлую бурю въ юридической литературѣ, состоялось 6 октября 1913 года по дѣлу объ учрежденіи, помимо Парламента, однимъ королевскимъ патентомъ Богемской административной комиссіи, должествовавшей замѣнить дѣятельность органовъ краевого самоуправленія въ Богеміи.

Поводомъ для отступленія здѣсь отъ законнаго порядка была политическая обструкція въ Богеміи въ мѣстномъ ландтагѣ. Политическія обструкціи повторяются весьма часто въ Австріи, совершенно останавливая мѣстную жизнь и препятствуя исполненію государственныхъ повинностей. Въ борьбѣ съ ними центральная власть пользуется правомъ изданія чрезвычайныхъ указовъ, хотя право это предоставлено совершенно для иныхъ цѣлей. И во время политической забастовки въ Богеміи Австрійскій императоръ въ порядкѣ указномъ учредилъ означенную административную комиссію, а Австрійскій Высшій Административный Судъ рѣшеніемъ 6 октября 1913 г. призналъ ея учрежденіе законнымъ.

Рѣшеніе Австрійскаго Высшаго Административнаго Суда отъ 6 октября 1913 г. не имѣетъ опоры въ законахъ. Постановляя такое неоснованное на законахъ рѣшеніе, Судъ дѣлаетъ отступленіе отъ началъ правового государства, по которымъ рѣшеніе Суда должно опираться на строго опредѣленныя законодательныя нормы. Въ объясненіе подобныхъ рѣшеній Австрійскаго Высшаго Административнаго Суда выдвигается ученіе о существующей будто бы издавна обязанности монарха къ выступеніямъ (Vorsorge) тамъ, гдѣ, въ условіяхъ парламентарнаго режима, невозможно осуществленіе государственныхъ задачъ, несмотря на могущія произойти отъ того вредныя для государства послѣдствія.

§ 4. Описанныя несовершенства американскаго законодательства отчасти зависятъ отъ недостаточной подготовки американскихъ законодателей къ выполненію лежащихъ на нихъ обязанностей, отчасти же отъ техническихъ дефектовъ въ порядкѣ изданія законодательныхъ предположеній; нѣкоторые изъ этихъ несовершенствъ имѣютъ тенденцію повториться и въ нашемъ отечествѣ и потому заслуживаютъ вниманія.

Въ силу особенностей американскаго государственнаго строя, исполнительная власть въ Америкѣ не подчинена власти законодательной, чѣмъ устраненъ одинъ изъ мотивовъ, побуждающихъ ее къ участію въ составленіи законовъ, тѣмъ болѣе, что американскими законами и не возлагается на исполнительную власть обязанности принимать участіе въ законодательствѣ. На практикѣ исполнительная власть въ Америкѣ совершенно устранилась отъ участія въ немъ, лишая тѣмъ парламентъ сотрудничества технически свѣдущихъ въ законахъ лицъ изъ состава министерствъ. Вся же тяжесть законодательной работы въ Америкѣ ложится на самыя законодательныя учрежденія, которыя съ своей стороны возлагаютъ разработку законопроектовъ на образуемые изъ среды своихъ членовъ комисіи и совѣщанія.

Американскія законодательныя комисіи и совѣщанія работаютъ обыкновенно внѣ гласности и дѣйствительнаго надзора со стороны народа надъ ихъ дѣятельностью и, кромѣ того, они совершенно не отвѣтственны за свою работу.

Безотвѣтственность членовъ комисіи и совѣщаній, а также и негласность этихъ работъ, по свидѣтельству Тунг'а открываютъ въ Америкѣ ходы для разрушительныхъ и преступныхъ вліяній на направленіе законодательной работы и обращеніе ея на служеніе частнымъ интересамъ.

Не считая возможнымъ колебать принципъ независимости исполнительной власти отъ законодательной, какъ пользующійся въ Америкѣ большою популярностью, Тунгъ признаетъ все же необходимымъ, чтобы и въ Америкѣ былъ введенъ усвоенный въ Англии и на континентѣ Европы порядокъ направленія законопроектовъ, въ виду очевидныхъ его преимуществъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Тунгъ считаетъ необходимымъ, чтобы были допущены и иныя измѣненія въ дѣятельности американскихъ законодательныхъ учреждений, безъ которыхъ представляется невозможнымъ въ демократическомъ государствѣ ни поднятіе авторитета законодателей, ни авторитета законовъ.

Сущность всѣхъ этихъ предположеній американскаго ученаго можетъ быть сведена къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

1) Надѣлать представителей исполнительной власти, президента Соединенныхъ Штатовъ и губернаторовъ отдѣльныхъ Штатовъ, правомъ законодательной инициативы и защиты своихъ предположеній въ засѣданіяхъ законодательныхъ палатъ.

2) Возложить на правительство обязанность опубликовывать во всеобщее свѣдѣніе законодательныя предположенія за мѣсяць или болѣе до открытія сессій законодательныхъ палатъ.

3) Раздѣлить законодательныя сессіи палатъ на два періода: въ первомъ періодѣ законопроекты должны быть представлены членамъ палатъ только для ознакомленія, но не для окончательнаго одобренія; во второмъ періодѣ—законопроекты должны получать окончательное одобреніе или отклоненіе.

4) Американской верхней законодательной палатѣ, Американскому Сенату, надлежитъ сообщить положеніе эксперта по дѣламъ законодательнымъ, при чемъ члены Сената должны быть такими лицами, чтобы они могли оказывать вліяніе на нижнюю палату своимъ разумомъ и познаніями.

5) Составъ Сената долженъ быть сокращенъ до возможнаго минимума, для отдѣльнаго Штата примѣрно въ девять членовъ; сенаторамъ надлежитъ предоставить полную возможность посвящать свое время изученію законодательства и практическаго примѣненія законовъ; въ отдѣльномъ Штатѣ Сенатъ долженъ выполнять, между прочимъ, функціи Совѣта при губернаторѣ; губернаторы имѣютъ право командировать сенаторовъ для участія въ дебатахъ палаты депутатовъ, чѣмъ долженъ быть ослабленъ антагонизмъ законодательныхъ сессій разныхъ палатъ; Сенаторы должны избираться, съ устраненіемъ всякихъ партійныхъ соображеній, нижнею палатою на шесть лѣтъ, и наконецъ

6) Въ цѣляхъ усиленія вліянія народа на государственную жизнь, предоставить народу право отозванія съ постовъ неугодныхъ ему лицъ и въ широкомъ масштабѣ допустить примѣненіе референдума.

Народу должно быть предоставлено право во всякое время требовать созыва Конвента для пересмотра конституціи, проектировать законы и исправленія конституцій, включать законопроекты въ списокъ подлежащихъ разсмотрѣнію палатъ

законопроектовъ и исключать изъ списка законопроекты ему негодные, а также одобрять или отвергать въ спискѣ законопроектовъ всякій актъ или часть его изъ числа вносимыхъ на обсужденіе палатъ.

Способъ осуществленія этихъ послѣднихъ предположеній долженъ быть опредѣленъ закономъ, въ которомъ надлежитъ указать, что передача народному голосованію перечисленныхъ вопросовъ зависитъ отъ требованія не болѣе, чѣмъ одной шестой части всѣхъ зарегистрированныхъ избирателей Штата, а для признанія, что народная воля выражена, достаточно относительнаго большинства голосовъ лицъ, въ голосованіи участвовавшихъ.

Указанныя мѣры къ улучшенію законодательной техники и усиленія вліянія народа на направленіе законодательныхъ работъ, по нашему мнѣнію, въ условіяхъ демократическаго строя получаютъ не только мѣстный, американскій, но универсальный характеръ, и намъ кажется, что онѣ должны быть приняты къ руководству и въ Россіи въ условіяхъ современнаго уклада.

§ 5. Происходяція, въ связи съ развитіемъ демократіи, измѣненія въ законодательствѣ, по нашему мнѣнію, должны отразиться и на общемъ строѣ судебныхъ мѣстъ.

Приближая къ себѣ законодательную дѣятельность и непосредственно влія на ея направленіе, демократія не можетъ испытывать того преклоненія передъ законами и передъ ихъ формальной конструкціей, которая нерѣдко служитъ въ буржуазномъ государствѣ опорой для разныхъ подчасъ несправедливыхъ привилегій. Демократія можетъ признавать только такой законъ существующимъ, который соотвѣтствуетъ волѣ народа и только до тѣхъ поръ, пока онъ ей соотвѣтствуетъ. Суровое правило, по которому законъ считается дѣйствующимъ, если онъ не отмѣненъ въ порядкѣ законодательномъ, въ условіяхъ демократическаго режима, не можетъ имѣть мѣста. Этимъ объясняется, почему французская демократія время первой революціи изъала изъ вѣдѣнія судовъ цѣлый циль дѣлъ, наиболѣе ее интересовавшихъ, и передала ихъ разрѣшеніе административнымъ установленіямъ, какъ способ-

нымъ, по самому своему положенію въ государствѣ, сообразоваться въ своей дѣятельности съ общими предначертаніями правительства. Мало того, закономъ 16—21 августа 1790 г. французскимъ судамъ, подъ угрозой репрессій, было воспрещено колебать какимъ бы то ни было образомъ дѣятельность администраціи, получившей столь обширную компетенцію ¹⁾.

Если современная демократія и не впадаетъ въ указанномъ направленіи въ крайности французскихъ законодателей время первой революціи, то она достигаетъ тѣхъ же цѣлей сообщеніемъ судѣ совершенно иного чѣмъ прежде положенія. Изъ роли служащаго современная демократія возводитъ судью на pedestal представителя государственной власти ²⁾. Ему вѣрится право раскрывать въ формулахъ закона примѣнительно къ условіямъ данного конкретнаго случая истинную народную волю.

Столь высокое призваніе судей, естественно, обязываетъ, чтобы они, съ одной стороны, по своимъ личнымъ качествамъ были того достойными, а, съ другою, не были какъ прежде связаны строгими формами процесса: „налагающими повязку на глаза оемиды“. Въ этомъ смыслѣ совершенно правильно заявленіе сенатора Мониса при обсужденіи 4 Декабря 1896 г. во Французскомъ Сенатѣ проекта судебной реформы: „Je n'ai que faire de toutes les garanties qu'on leur réclame. Je ne veux qu'un homme de sagesse et d'expérience, un homme de vertu, qui puisse faire comprendre à tous que la paix est le premier de tous les bienfaits. Plus le juge de paix sera fort en droit, moins il conciliera de procès...“.

Изъ сожалѣнія, трудно находить судей, стоящихъ на высотѣ своего призванія, и въ этомъ отчасти повинна неудовлетворительная постановка университетскаго, спеціально юридическаго, образованія. Нельзя судьямъ ограничивать свою подготовку къ служебной дѣятельности штудированіемъ только гражданскаго и уголовнаго права и процесса. Они должны

¹⁾ Проф. H. Berthelomy. *Traité élémentaire de droit administratif*, стр. 877, по изд. 1906 г.

²⁾ См. Sulla Riforma giudiziaria. Per un ex-Magistrato, стр. 452, въ журналѣ *Rivista di diritto pubblico*, за 1911 г.

42441

имѣть громадное социальное образованіе, чтобы быть въ состояніи понять пульсъ бѣнія государственной жизни и отрѣшиться отъ служенія интересамъ господствующихъ классовъ, за что раздается такъ много нареканій на судей, въ особенности, въ Германіи.

Государственная необходимость въ поднятій судьи на уровень современныхъ требованій побуждаетъ отказаться отъ защищаемаго съ такимъ упорствомъ въ прессѣ, по преимуществу буржуазнаго паправленія, принципа объ ихъ несмѣняемости.

Часто цитируемый нами ученый демократъ Тунг по этому говорить: основное начало демократизаціи суда состоитъ въ установленіи смѣняемости судей, однако, при сохраненіи независимости ихъ приговоровъ. По его мнѣнію, это можетъ быть достигнуто признаніемъ за увольняемыми судьями права на пенсію (за исключеніемъ случаевъ явной ихъ непригодности и непристойности) и если при назначеніи пенсіи будутъ руководствоваться принципомъ благожелательности. Свои предположенія о демократизаціи суда Тунг выражаетъ въ слѣдующихъ трехъ статьяхъ:

1) Каждый судья во всякое время можетъ быть лишень должности по постановленію избранныхъ членовъ изъ состава Палаты Депутатовъ, если на то послѣдуетъ также и согласіе Сената. Каждый судья, имѣющій болѣе семидесяти пяти лѣтъ отъ роду, или обнаруживающій физическую или психическую неспособность, можетъ быть Сенатомъ уволенъ отъ должности по ходатайству особаго Постояннаго Комитета, образованнаго изъ членовъ Палаты Депутатовъ. Судьи низшихъ судовъ могутъ быть уволены отъ должности по постановленію высшаго суда, за ихъ неосвѣдомленность, или за допущеніе партійности въ служебной дѣятельности. Каждый судья, уволенный послѣ пятилѣтней непрерывной службы, исключая того случая, когда онъ уволенъ за проявленіе партійности, имѣетъ право на полученіе пожизненной пенсіи, которая не можетъ быть менѣе половины его жалованья во время увольненія.

2) Судьи Высшаго Суда могутъ быть привлечены, по

постановленію Палаты Депутатовъ, къ уголовной отвѣтственности передъ Сенатомъ. Главный судья долженъ предсѣдательствовать при разсмотрѣніи такихъ дѣлъ, но безъ права участія въ голосованіи. Уголовное обвиненіе противъ низшихъ судовъ за всякое злоупотребленіе по службѣ возбуждается, по постановленію Постояннаго Комитета изъ состава членовъ Палаты Депутатовъ, передъ Высшимъ Судомъ.

Обвинительный въ Сенатѣ приговоръ влечетъ за собою только увольненіе отъ службы и затѣмъ открываетъ возможность для обвиненій въ преступленіи передъ ординарнымъ судомъ на общихъ съ частными лицами основаніяхъ.

3) Всѣ судьи, за исключеніемъ мировыхъ, должны быть назначаемы Губернаторомъ Штата.

Затѣмъ Тунгъ считаетъ необходимымъ учрежденіе особаго Совѣта Прощенія (The Board of Pardon), изъ трехъ лицъ. Предсѣдателемъ Совѣта долженъ быть начальникъ тюремъ, или иное, служащее по управленію тюрьмами, лицо, назначенное на эту должность по постановленію Губернатора. Одинъ членъ Совѣта долженъ быть назначенъ Министромъ Юстиціи изъ состава судей, а другой избранъ Сенатомъ изъ среди своихъ членовъ. Оба члена Совѣта несутъ службу въ теченіе двухъ лѣтъ и далѣе, если того желаетъ власть, поставившая ихъ на должность. Совѣтъ долженъ имѣть полную власть прощенія, сокращенія наказанія и отміны его. Всѣ эти мѣры предлагаются для всякаго демократическаго государства безъ отношенія къ его типу какъ необходимыя для торжества демократическихъ началъ. Въ основныхъ чертахъ, намъ кажется, нельзя не согласиться съ ними. Дѣйствительно развитіе демократіи влечетъ за собою соответствующія измѣненія въ сферѣ законодательства и суда.

На путь демократическихъ реформъ смѣло вступило и Правительство рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ. Имъ разрушено старое судебное зданіе, ставшее вдали отъ народа и замкнувшееся въ кастовой исключительности. Новое зданіе юстиціи находится еще въ процессѣ зодчества. Суды низшей инстанціи, народныя суды, въ общихъ чертахъ

уже намѣчены декретомъ Рабочаго Крестьянскаго и Солдатскаго Правительства отъ 24 ноября 1917 г.

Нынѣ намѣчена и дальнѣйшая организація демократическихъ судебныхъ установленій высшаго типа ¹⁾. Объ основныхъ ея началахъ сдѣлано сообщеніе Народнымъ Комиссаромъ Юстиціи П. И. Стучкой въ газетѣ „Правда“ отъ 5 января с./г. Сущность ихъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Для разрѣшенія болѣе сложныхъ дѣлъ предполагается учрежденіе „выборнаго Окружнаго Суда по возможности изъ специалистовъ и Особой Кассационной инстанціи, выборной изъ числа членовъ Окружнаго Суда, но не въ государственномъ, а областномъ масштабѣ“. Судъ этотъ долженъ будетъ стать ближе и доступнѣе какъ по разстоянію, такъ и по языку для областей прочихъ національностей. Выборы судей предложено предоставить Совѣтамъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Народный Комиссаръ П. И. Стучка возражаетъ однако противъ предоставленія судамъ правъ повѣрять конституціонность законовъ и противъ созданія одного высшаго Суда для всей Имперіи.

Въ общемъ, предположенія эти не отличаются отъ тѣхъ, которыя намѣчаются и американцемъ Tung, какъ необходимы въ каждой странѣ для торжества демократическихъ началъ. Намъ представляются непонятнымъ только возраженія противъ представленія судамъ правъ повѣрять конституціонность изданія законовъ, а равно и противъ созданія одного центрального Высшаго Суда для всей Республики.

Въ массѣ противорѣчивыхъ законовъ, исключаящихъ одинъ другого, суды силою обстоятельствъ вынуждены будутъ стать на путь широкой и свободной оцѣнки силы и значенія законовъ, иначе они принуждены во многихъ случаяхъ пріостановить отправление правосудія изъ-за невозможности раскрыть истинную волю законодателя.

Равнымъ образомъ, намъ кажется невозможнымъ ограничиться созданіемъ однихъ областныхъ судовъ, не учреждая одного центрального суда.

¹⁾ Статя была напечатана до опубликованія декрета № 2 „О суде“.

Его учрежденіе вызывается самой жизнью: необходимостью установить однообразіе въ примѣненіи законовъ и въ разрѣшеніи конфликтовъ, возникающихъ между отдѣльными областными судами. Даже такое децентрализованное государство, какъ Германская Имперія, въ послѣдніе передъ войной годы стояло передъ необходимостью учрежденія одного Обще-германскаго Высшаго Административнаго Суда. Безъ него не могутъ обойтись ни Соединенные Штаты, ни Англія, ни Австрія и не обойтись Россіи. Издавая въ порядкѣ законодательномъ и административномъ однообразныя распоряженія для примѣненія ихъ на всей территоріи Россійской Республики, центральное правительство тѣмъ самымъ предпріимаетъ вопросъ о необходимости согласованія этой практики въ различныхъ областяхъ, что и входитъ въ непосредственную задачу Высшаго Центрального Суда. При отсутствіи же центрального органа, надзирающаго за осуществленіемъ мѣръ, будутъ на практикѣ, по отдѣльнымъ мѣстностямъ, допускаться областными судами совершенно извращенныя толкованія законовъ и распоряженій центральной власти, затемняя ихъ смыслъ и тѣмъ ихъ обезсиливая.

А. Евтихievъ.

ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ.

§ 1. Мистика, какъ методъ миропониманія.

Наиболѣе характернымъ признакомъ организаціи религіознаго характера является тотъ особый методъ чувствованія и мышленія, при помощи котораго здѣсь устанавливается не только понятіе сущаго, но также его оцѣнка и нормы долженствованія. Это методъ мистическій или вообще говоря *мистика*. Но, конечно, уже здѣсь надо оговорить, что понятіе мистики и религіи не тождественны. И хотя важнѣйшимъ элементомъ всякой религіозной системы является мистическое миропониманіе, но она никогда одной мистикой не ограничивается. И догма и этика и культъ немислимы безъ извѣстной рационализаціи понятій, безъ символической эстетики, безъ утилитарнаго приспособленія къ дѣйствительности.

Мистическій методъ представляетъ собой своеобразную діалектику интуитивнаго постиженія міра и соотвѣтственнаго приспособленія. Три основныхъ его проявленія и вмѣстѣ три стадіи его развитія заключаются въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ, мистикъ воспринимаетъ міръ не какъ внѣшній предметъ, а непосредственно какъ дѣйствующую и притомъ грозную волю. Мистическій процессъ уже въ этомъ своемъ проявленіи есть не только интуитивный, но и практический. Реакція ужаса, страха предъ опасностью, которая здѣсь достигаетъ своего завершенія, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наивысшій пунктъ внутренняго приспособленія къ таинствен-

ной ви́шше непознаваемой опасности. Это есть бессознательное подчиненіе ужасу жизни, но вмѣстѣ ея утвержденіе и отрицаніе смерти. Воспринимая обружающее, какъ волю, мистикъ своей покорностью, самоотреченіемъ и самоистязаніемъ обезоруживаетъ разную руку. Добровольно воспринимая данное меньшее страданіе, онъ спасаетъ себя отъ большаго. Воспринимая тѣлесную смерть, онъ ограждаетъ себя отъ вѣчной, духовной. Въ этомъ смыслѣ каждый мистикъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и жертва искупленія, который подчиняется грозной судьбѣ и тѣмъ самымъ ее преодолеваетъ. Таковъ смыслъ аскезы, въ смерти утверждающей жизнь и страданіемъ спасающей ббльшую радость. Это своеобразная продолжительная прививка противъ ужаса жизни, примиреніе съ ея опасностями и преодоленіе ихъ. Этотъ видъ мистики мы назовемъ *аскетическимъ или жертвеннымъ* (искупительнымъ).

Вторымъ моментомъ мистическаго сознанія является организациа воли, ея своеобразное собираніе и сосредоточеніе при помощи символовъ, знаковъ и образовъ, при чемъ интуитивный характеръ мистическаго воспріятія дѣлаетъ совершенно излишнимъ адекватное выраженіе воспринимаемыхъ впечатлѣній въ точныхъ представленіяхъ. Напротивъ того, въ этомъ состояніи важно устраненіе задерживающихъ центровъ и контролирующаго аппарата нашего сознанія для того, чтобы наша подсознательная сфера при помощи ирраціональныхъ символовъ пришла къ непосредственному соприкосновенію съ окружающимъ міромъ и угадала его тайну. Символы же нужны какъ для закрѣпленія этой интуитивной способности съ одной стороны, такъ и для активнаго устремленія нашей воли съ другой. Воля, искупившая смерть покорностью и аскезой, объединяется и подымается противъ этого міра и желаетъ подчинить себѣ міръ. Здѣсь у мистика обостряется такъ называемое второе зрѣніе и онъ пользуется имъ для нахождения своихъ особыхъ путей къ побѣдѣ. Эту стадію мистическаго сознанія можно назвать *иллюзионной*, такъ какъ именно здѣсь рождается организующая волю *галлюцинація и фантазма*.

Наконецъ послѣдней стадіей мистическаго міроощущенія должно считать стадію экстаза, когда организованная при по-

мощи символовъ воля отбрасываетъ ихъ для того, чтобы въ величайшемъ напряженіи слиться съ душою міра, воскреснуть отъ смерти и вкусить вѣчную жизнь внѣ времени и пространства. Величайшей пассивности первой стадіи здѣсь соотвѣтствуетъ безграничная активность, которая заканчивается безмѣрнымъ расширеніемъ жизни и мощи, теряющей свой эмпирическій и субъективный характеръ. Это состояніе торжества и побѣды вмѣстѣ съ тѣмъ есть состояніе необычайной сладости и блаженства. Это состояніе уподобляется ощущенію полной свободы и вмѣстѣ восторга. Оно можетъ быть еще названо *оріастическимъ*. Умершій Озирисъ, который долго искалъ путей жизни, послѣ борьбы со зломъ или смертью побѣждаетъ ее и находитъ свою Изиду въ воскресеніи.

Нельзя не видѣть уже изъ этой весьма краткой схемы мистическаго міроощущенія, что въ основѣ своей это *процессъ практическій, волевой*. Онъ въ своихъ наиболѣе общихъ чертаніяхъ по существу сводится къ чудесному преодолѣнію опасности, гибели и смерти при помощи интуитивнаго, безсознательнаго приспособленія къ даннымъ столь-же безсознательнаго опыта и къ побѣдѣ жизни надъ смертью. И если здѣсь мы имѣемъ дѣло—въ отличіе отъ внѣшняго опыта—съ опытомъ внутреннимъ, съ безсознательной или вѣрнѣе подсознательной сферой нашего опыта вообще, то, конечно, такое преодолѣніе міра извнутри качественно весьма мало отличается отъ преодолѣнія міра извнѣ, которое теперь въ наиболѣе важныхъ жизненныхъ отношеніяхъ проводится совершенно сознательно и даетъ основныхъ три момента: сознаніе и оцѣнку степени опасности, изысканіе средствъ для ея предотвращенія и наконецъ побѣду надъ опасностью (смертью) при помощи того или иного техническаго приѣма или приспособленія. Чудо воскрешенія Озириса здѣсь замѣнено соотвѣтственнымъ актомъ организованнаго труда.

Въ высокой степени характернымъ съ указанной точки зрѣнія является сопоставленіе *міра искупленія бога Агни и культурно-историческаго значенія добыванія огня*. И если здѣсь мы имѣемъ царство смерти и мрака, которое преодолевается при помощи рожденія отъ дѣвы Майи бога Агни, восшедшаго

на крестъ (свастика) , то этотъ мнѣ получаетъ полную аналогію въ первобытномъ процессѣ добыванія огня, гдѣ дѣйствительно при помощи вращенія твердаго дерева въ центрѣ указаннаго вида креста, иногда вставленнаго въ колесо, рождалась искра огня, совершенно похожаго на небесный огонь или солнце, воспріемницей этого огня было особое отверстіе—лоно дѣвы Майи,—огненному младенцу приносились въ даръ солома и пахучая смола, а по своемъ развитіи онъ охватывалъ собой и крестъ-свастику, на которой и умиралъ, подаривъ людямъ тепло и свѣтъ.

Мистика имѣетъ и другое значеніе для борьбы за жизнь. Будучи своеобразной психологической гимнастикой въ дѣлѣ преодоленія ужаса и страха передъ паденіемъ и смертью, она несомнѣнно содѣйствуетъ извѣстному закалу и организаціи характера, который благодаря такой гимнастикѣ пріобрѣтаетъ способность къ большой устойчивости и выдержкѣ въ борьбѣ за существованіе. Вѣра въ общеніе съ божествомъ, которое представляется какъ источникъ превозмогающей силы, не менѣе поддерживаетъ мужество и смѣлость, а единеніе съ божествомъ въ вѣчной жизни даетъ настоящее презрѣніе къ смерти. Наконецъ организующая символика мистическаго міропониманія даетъ чрезвычайно сильную мотивацію дѣйствіямъ человѣка, который подчиняется, какъ сигналамъ, чудовищнымъ велѣніямъ божества.

Въ социальномъ отношеніи мистика особенно важна потому, что, будучи организаціонной формой какъ разъ подсознательной сферы, непосредственно связывая ее съ опредѣленной символикой, она допускаетъ исключительно широкое *примѣненіе внушенія* въ отношеніяхъ между людьми. И если мы можемъ здѣсь различать двѣ стороны, активную и пассивную, лицо, подвергаемое внушенію и другое, которое его примѣняетъ, то въ мистически организованныхъ людяхъ мы найдемъ превосходную подготовку и для производства внушенія и для внушаемости. Ибо, какъ мы могли видѣть, къ начальнымъ стадіямъ мистическаго міроощущенія относится то чрезвычайное напряженіе пассивности и самоотрицанія,

которое съ успѣхомъ устраняетъ дѣйствию задерживающихъ центровъ и контрольнаго аппарата сознанія. Это есть въ полномъ смыслѣ торжество ирраціональнаго, подсознательнаго, разумнаго. Въ аскезу входитъ преднамѣренное отреченіе не только отъ міра ви́шняго, но и отъ ви́шняго разума, который съ нимъ связанъ. Такое обнаженіе подсознательнаго есть, само собой, превосходная подготовка къ внушенію уже потому, что это подсознательное крѣпко связано съ определенной символикой.

Воспользоваться указанной символикой можетъ съ особеннымъ удобствомъ тотъ мистикъ, который не столько преданъ аскезѣ или иллюзіонизму, сколько высшимъ степенямъ экстаза и одержимости. Благодаря сильному повышенію своего психическаго тонуса, онъ можетъ съ исключительнымъ удобствомъ осуществить индивидуальное и массовое внушеніе и его воля превратитъ при помощи такого воздѣйствія предрасположенныхъ къ этому пассивныхъ мистиковъ въ покорныхъ, даже автоматическія орудія въ его рукахъ, доколѣ ви́шнія условія не разрушатъ вліяніи внушенія. Такая связь власти и подчиненія, несмотря на свой механическій и стихійный характеръ, обладаетъ высокой соціальной цѣнностью, какъ организаціонная спайка, которая объединяетъ и организовываетъ человѣческія массы на извѣстномъ, довольно низкомъ уровнѣ хозяйственнаго и соціальнаго развитія. Въ этихъ случаяхъ, какъ показываетъ опытъ, мистика особенно легко закрѣпляетъ общественное неравенство, обращая одинъ свой полюсъ (пассивности) къ массамъ и другой (вышей активности) къ властвующему меньшинству. Связующимъ и организующимъ моментомъ становится мистическая фантастика.

Если мы теперь пожелаемъ опредѣлить ту среду и эпохи, гдѣ и когда особеннаго развитія достигаетъ мистика, то это не представляетъ никакихъ чрезвычайныхъ затрудненій. Какъ мы видѣли выше, для такой психики, которая была-бы специально предрасположена къ мистическому міроощущенію, необходима наличность ви́шнихъ опасностей, способныхъ внушить ужасъ и отчаяніе, затѣмъ слабость раціональнаго мышленія, могущаго обойтись безъ чудесъ, и наконецъ

необходимость краткаго, но весьма сильнаго напряженія воли, хотя-бы съ послѣдующимъ долгимъ періодомъ упадка и расслабленія. Только при такихъ условіяхъ окружающая среда воспринимается непосредственно какъ живая, проникнутая чувствомъ и волей, и ея явленія не анализируются при помощи изслѣдованія, а угадываются при посредствѣ примѣтъ и символовъ. Такъ создается фантастическая картина міра, которая вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ скрывать весьма цѣнными съ точки зрѣнія приспособленія данныя, и внѣшняя природа для насъ приобретаетъ свой особый голосъ и языкъ. Само собой разумѣется, что послѣдній получаетъ тѣмъ болѣе силы и значенія, чѣмъ ближе та или иная группа къ непосредственному вліянію стихій. И нужно отмѣтить, что обыкновенно такъ и бываетъ: чѣмъ ближе человѣкъ къ стихіи, тѣмъ онъ беззащитнѣе, чѣмъ необходимѣе для него отчаянное напряженіе для спасенія жизни, тѣмъ слышнѣе голоса дикихъ звѣрей, моря, лѣса, степи и вѣтра. И первый языкъ, которымъ онъ пользуется для организаціи своего труда—это рѣчь мистическихъ символовъ и знаковъ. Тайна угадываемой жизни отражается и въ тайнѣ мистическаго знанія.

Теперь не представляетъ особеннаго труда найти такую среду, гдѣ совпадаются указанные условія. Такою представляется жизнь морского рыбака, вѣчно дрожащаго за свое существованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ окруженнаго тысячами примѣтъ, которыми даетъ о себѣ знать коварный морской богъ. Въ аналогичномъ положеніи лѣсной охотникъ и степной пастухъ, которые не менѣе прислушиваются къ голосу тигра и медвѣдя, лѣснаго или Перуна, чѣмъ горецъ къ шуму падающей лавины или гулу землетрясенія. И точно такъ же природожденнымъ мистикомъ дѣлають условія труда и жизни тотъ классъ, который игралъ такую необычайно важную роль въ исторіи Европы, а именно *крестьянство*. Здѣсь, особенно въ тѣ эпохи, когда крестьянинъ становится тишичнымъ земледѣльцемъ, сочетаются всѣ необходимыя предпосылки, которыя вынуждаютъ этотъ классъ цѣликомъ обратиться къ мистикѣ. Вѣчная угроза разоренія и голода въ силу естественныхъ, а затѣмъ и социальныхъ причинъ, тяжелыя условія труда и

непосредственное вліяніе стихій требуютъ отъ крестьянина такого „приспособленія“ въ смерти, такой чуткости къ голосамъ „боговъ“, такой способности къ „страдѣ“, что воистину только при помощи „мистики“ можетъ онъ выдержать свою каторжную судьбу. И, какъ показываетъ намъ исторія, никто не далъ такого развитія мистикѣ, никто не создалъ при ея помощи такихъ грандіозныхъ идеологическихъ организацій. И если мы въ настоящее время не только принуждены считаться съ мистически-религіозными организаціями, но находимъ вездѣ слѣды мистическихъ идеологій, то это есть какъ разъ результатъ того, что мистика стала методомъ классового сознанія вѣковыхъ слоевъ многомилліоннаго крестьянства.

Само собою разумѣется, что и другіе общественные классы временно подпадали вліянію мистицизма, какъ только они оказывались въ соотвѣтственныхъ условіяхъ. Такъ, на развитіе мистики весьма благопріятно дѣйствовала кровавая анархія средневѣковья, которая у землевладѣльческаго класса сочеталась съ рыцарской романтикой, а въ городахъ—съ мѣщанской косностью. И даже городскіе классы болѣе культурнаго уровня съ ихъ особой склонностью къ рационализму необходимо превращаются въ мистиковъ, какъ только исторія ставитъ ихъ передъ великими крушеніями той или иной формы хозяйственнаго быта и связанной съ ней государственности и цивилизаціи. И здѣсь полная беспомощность передъ стихійной катастрофой заставляетъ искать внутренняго постиженія тайны, второго зрѣнія и чудеснаго преодоленія грядущей гибели. Невозможность внѣшняго дѣйствія необходимо переносить энергію въ область внутренняго, и новое приспособленіе совершается при помощи обращенія къ подсознательной сферѣ древнѣйшаго опыта.

Въ виду сказаннаго можно до извѣстной степени установить историческую періодизацію мистическихъ (теологическихъ и религіозныхъ) эпохъ. Таковыми являются прежде всего всѣ древнѣйшія времена, когда слабость экономической и политической организаціи, обусловленная примитивнымъ состояніемъ познанія и техники, давала въ результатъ наибольшую необезпеченность индивида и общества. Ибо мистика и

культура образуют отношеніе обратной пропорціональности. Однако это положеніе должно быть существенно ограничено. При сословно-классовомъ строеніи общества мистика сохраняет свое первоначальное развитіе среди тѣхъ „низшихъ“ классовъ населенія, которые продолжаютъ стоять на прежней ступени примитивнаго хозяйства и слабой защищенности. Различіе хозяйственной среды влечетъ за собой не только рѣзкія соціальныя перегородки, но и непреодолимое различіе въ методахъ идеологическаго построенія. Какъ мы уже отмѣтили выше, какъ разъ крестьянство, благодаря своему хозяйственному укладу, успѣшно хранитъ въ XX вѣкѣ послѣ Роед. Хр. возрѣнія, формулированныя еще въ VII в. до Р. Хр. Наконецъ возрожденіе мистики знаменуетъ собой тѣ періодически повторяющіяся катастрофы, которыми характеризуется смѣна основныхъ формъ производства и обмѣна. Мистика господствующаго класса всегда предвѣщаетъ его гибель и восхожденіе новаго.

Таковы главнѣйшіе, такъ сказать, нормальные періоды развитія мистическихъ возрѣній. Конечно, это не исключаетъ спорадическихъ явленій общественнаго мистицизма, разъ только для этого складываются благоприятныя обстоятельства.

§ 2. Крестьянство и мистицизмъ-религіозная идеологія.

Въ европейской исторіи главнѣйшимъ носителемъ мистическихъ методовъ міроотношенія отъ начала до конца было, какъ и слѣдовало ожидать, крестьянство. И въ свою христіанскую эпоху оно лишь продолжало ту идеологическую работу, которая была сдѣлана до него какъ монотеистическимъ еврействомъ, такъ и политеистическимъ крестьянствомъ античнаго міра. И такъ какъ условія хозяйственнаго быта и соціальнаго развитія были тамъ и здѣсь аналогичны, то естественно родилась и возможность широкаго заимствованія и распространенія однихъ и тѣхъ-же идейныхъ построеній.

Рѣшающимъ былъ здѣсь тотъ своеобразный рокъ мелкаго землевладѣнія, который неминуемо приводитъ его съ

развитіемъ денежнаго хозяйства и крупнаго землевладѣнія къ тяжелому кризису и неизбѣжной гибели. Такъ было въ древнемъ Израилѣ, гдѣ первобытное общинное землевладѣніе и мелкое хозяйство было уже въ эпоху Царствъ разложено, крестьянство отягощено сильнымъ долговымъ бременемъ, а въ значительной части обезземелено и продано въ рабство. Аналогичный процессъ находимъ мы и въ древней Элладѣ и древнемъ Римѣ, гдѣ съ переходомъ къ системѣ торговаго капитала, хищническаго и ростовщическаго хозяйства не только развилось крупное хозяйство (а специально въ Римѣ латифундіи), но вмѣстѣ и крестьянство пережило тяжкій переломъ, который повлекъ за собой обезземеленіе и порабощеніе мелкаго земледѣльца. Христіанское средневѣковье заканчивается подобнымъ-же переломомъ, и съ одной стороны крѣпостничество, а съ другой городское нищенство являются необходимымъ результатомъ крушенія стараго уклада.

Такіе крупныя переломы въ жизни земледѣльца, конечно, вызвали соотвѣтственную реакцію. И если съ одной стороны всѣ эти катастрофы сопровождались аграрными возстаніями и крестьянскими войнами, то съ другой онѣ необходимо отразились и въ міровоззрѣніи земледѣльца. И такъ какъ крестьянинъ могъ мыслить благодаря окружающимъ его условіямъ преимущественно мистически, то онъ и выразилъ свои надежды и упованія, свои бѣды и мученія въ формѣ мистико-религіознаго міа.

Міаъ этотъ прежде всего рисуетъ въ чрезвычайно привлекательныхъ чертахъ старое время крестьянскаго благоденствія. Для изображенія такого мужицкаго рая привлекаются болѣе древніе космическіе міаы солнечнаго цикла и рисуется у евреевъ блаженный Эдемъ, у грековъ царство золотого вѣка Кроноса и Афродиты, у римлянъ—Сатурнъ, у германцевъ счастливое царство боговъ Азгарда, у славянъ сказочное царство съ молочными рѣками и кисельными берегами. Всѣмъ этимъ сказаніямъ свойственно одно: они рисуютъ не только духовное блаженство подъ кровомъ правды, но прежде всего матеріальное довольство такъ, какъ

представляя себѣ обездоленный и обнищавшій крестьянинъ: при минимумѣ труда или даже при полномъ его отсутствіи сама природа награждаетъ здѣсь человѣка изобильнѣйшими дарами, и опъ проводитъ жизнь въ сладкомъ ничего-недѣлани, наслаждаясь всей роскошью, какую только можетъ придумать самое пылкое воображеніе изголодовавшагося человѣка. И такой экономической картинѣ соотвѣтствуетъ цѣликомъ правовая и политическая: при полномъ отсутствіи собственности, войнъ и раздоровъ здѣсь точно такъ же отсутствуетъ власть какъ частно-хозяйственная, такъ и политическая. Въ своемъ чистѣйшемъ видѣ *соціальный идеаль крестьянина здѣсь складывается, какъ мистически обоснованный анархическій коммунизмъ*, который остается на долгіе вѣка типичной идеологіей обнищалаго и поработченнаго крестьянства.

И такой образъ былъ обоснованъ достаточно для того, чтобы служить не только идеализаціей прошедшаго, но также повелительной программой для будущаго. Ибо райская свобода и блаженство есть во-первыхъ законъ, установленный Богомъ или богами, во-вторыхъ, это есть законъ самой природы, какъ она вышла изъ рукъ Творца, и въ третьихъ, это законъ самой правды и справедливости. И если этотъ законъ тѣмъ не менѣ нарушенъ, то это есть слѣдствіе такого чрезвычайнаго событія, какимъ является грѣхъ, омрачившій первые дни человѣка. Грѣхопаденіе Евы и Адама по одному сказанію, грѣхопаденіе Земли-Геи, согрѣшившей со змѣемъ, по другому, побѣда злыхъ Нибелунговъ, похитившихъ золотое солнце, по третьему—для насъ безразлично, важно то, что мы имѣемъ здѣсь съ одной стороны нѣчто исключительное, дѣйствіе злыхъ силъ, которое въ концѣ концовъ можетъ быть исправлено добрыми, а съ другой—передъ нами строго этическое объясненіе факта, а вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденіе двухъ полюсовъ моральнаго сужденія, которое само собой есть руководящее начало и путь къ дальнѣйшему. То, что отнято грѣхомъ, можетъ быть возвращено добродѣтелю, божественный законъ естества и правды есть такимъ образомъ не только норма, но и обѣтованіе. И когда идею рай вос-

принимаетъ въ послѣдствіи христіанское сознаніе, оно самымъ положительнымъ образомъ ставитъ ее не только началомъ, но и концомъ своей системы. Ибо за страшнымъ судомъ послѣдуетъ для праведныхъ рай.

Психологія крестьянина однако слишкомъ придавлена стихійностью природы и соціальнымъ рокомъ для того, чтобы взять въ свои руки дѣло соціального спасенія. Окруженный со всѣхъ сторонъ чудомъ, крестьянинъ естественно ждетъ чуда тамъ, гдѣ постоянно дѣйствуютъ злые духи и демоны, гдѣ само божество не разъ прибѣгаетъ къ мести и наказанію. Съ другой стороны бѣдствіе было такъ велико, а слѣдовательно, и прегрѣшеніе такъ велико, что лишь исключительная по своему величію жертва могла-бы удовлетворить закону возмездія и послужить выкупомъ за людей. И вотъ, опираясь опять таки на болѣе древніе миѣы, возникаетъ повсемѣстное *сказаніе объ особомъ искупителѣ, спасителѣ и чудотворцѣ*, который, удовлетворивъ божественное правосудіе, поведетъ человечество навстрѣчу воскресшему золотому вѣку, блаженному раю минувшаго. Въ такой роли искупителя выступаютъ у разныхъ народовъ различные герои, цари правды, мессіи и боги, которые или подобно богу Агни сходятъ съ небесъ отъ бога Солнца и воплощаются при помощи непорочной дѣвы Майи, или чудеснымъ образомъ рождаются на землѣ отъ боговъ. Таковы миѣы о Гераклѣ и Аполлонѣ у Эллиновъ, сказаніе о Сигурдѣ и Бальдурѣ у древнихъ германцевъ, ожиданіе мессіи у евреевъ и т. п. Въ высшей степени замѣчательно, что христіанскіе сектанты подобныя же надежды возлагали на Христа, который долженъ установить на землѣ для праведныхъ тысячелѣтнее царство, а въ откровеніи ап. Іоанна подробно изображается райскій городъ изъ драгоценныхъ камней, въ коемъ вмѣсто солнца будетъ сіять самъ Агнецъ.

Образъ искупителя, спасающаго человечество, становится отнынѣ центральнымъ пунктомъ крестьянской идеологіи не только до-христіанскаго, но въ особенности христіанскаго періода. Выраженная въ миѣахъ соціальная программа этимъ самымъ получаетъ законченность и приобрѣтаетъ тотъ идейный

рычагъ, который полагается въ основу дѣйствія. Ибо отъ того, когда и какъ будетъ свершатъ свой подвигъ мессія, самъ-ли онъ непосредственно выступить съ великимъ чудомъ соціальнаго спасенія, или поручить его другимъ, будетъ-ли это истинное воскресеніе Эдема и Царство-Божіе на землѣ, или-же нѣчто въ родѣ духовнаго блаженства на небесахъ— отъ этого зависитъ и подготовка къ великому дню и организація побѣдной арміи спасителя и признаніе тѣхъ или иныхъ предтечъ, пророковъ, служителей мессіи или даже его замѣстителей.

Идейное выраженіе великой крестьянской программы и и притомъ въ формѣ мистико-религіозной идеологіи, конечно, совершилось не безъ помощи *особенно мистически одаренныхъ лицъ*, которыя при помощи своихъ видѣній, прорицаній и законоположеній или навстрѣчу массѣ и выражали ея потребности или интересы. И параллельно тому, какъ росло само движеніе, укрѣплялась организація профессионаловъ-идеологовъ, которые отъ роли свободныхъ вождей и вдохновеннаго пророчества постепенно переходили къ твердому догматическому построению и формальному закону. И нельзя не замѣтить, что какъ разъ божественный характеръ ученія долженъ былъ придать совершенно исключительную силу устойчивости и вліянія авторитету такихъ профессионаловъ мистико-религіознаго руководства. А такъ какъ для мистики вообще особенно характернымъ является какъ разъ интуитивно обоснованное властвованіе, то, само собой, массовое внушеніе и оказалось тѣмъ могучимъ средствомъ, которое сплотило подъ однимъ знаменемъ мессіи трудовыя массы всѣхъ странъ и народовъ.

Роль мистически властвующихъ пророковъ и пастырей еще въ одномъ отношеніи оказалась весьма важной. Ставъ профессиональной группой идеологовъ, получивъ благодаря этому исключительное и привилегированное положеніе вождей самой многочисленной и экономически важной части всего трудового населенія, проповѣдники народнаго идеала естественно стали посетителями своего особаго профессионально-групповаго интереса, который былъ тѣсно связанъ съ не-

прикосновенностью разъ принятой догмы. Ибо только эта догма была основой и оправданіемъ какъ экономическаго обезпеченія, такъ и политическаго властвованія группы. Не удивительно, что въ средѣ какъ разъ мистически властвующихъ вождей наряду съ высокимъ интеллектуальнымъ развитіемъ водворилась рѣдкая нетерпимость и фанатизмъ. И если вообще всякая интеллигентская группа стремится стать исключительной и монопольной кастой, чтобы этимъ путемъ обезпечить себя отъ конкуренціи, то насколько легче осуществленіе этихъ стремленій дается группѣ, которая и безъ того обладаетъ монополіей интеллигентности среди невѣжественнаго крестьянскаго населенія, развиваетъ идеологію абсолютнаго, божественнаго характера, а при помощи мистики легко овладѣваетъ подсознательной психикой массъ.

Жрецы и народъ, клирики и міряне, идеологи-мистики и мистически воспринимающій социальный классъ, вотъ противоположность, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть полярность одной изъ величайшихъ человѣческихъ организацій. Только взятый вмѣстѣ со своими пророками, священниками и жрецами классъ трудового крестьянства есть дѣйствительно организованный, сознающій себя классъ, имѣющій идеологическихъ представителей и вождей. Ибо только вмѣстѣ съ ними онъ можетъ достигъ вождельной земли обѣтованія, рая золотого, царства Божія на землѣ. Классовый интересъ, выраженный какъ разъ въ свойственныхъ психологіи класса идеологическихъ формахъ—вотъ что такъ крѣпко привязываетъ крестьянина къ его духовному лицу, заставляетъ его идти на всяческія жертвы и въ концѣ концовъ доставляетъ духовенству рѣдкую независимость и свободу. И послѣднее обстоятельство создаетъ новую возможность: духовенство какъ представитель крестьянства получаетъ возможность говорить отъ имени его социальной программы и тамъ, гдѣ идетъ дѣло о классовой борьбѣ, о *междуклассовомъ компромиссѣ*. Этимъ путемъ мистическая идеологія оказывается способной къ чрезвычайному расширенію и къ воспріятію чуждыхъ ей по существу идей и стремленій.

Казалось-бы, основной идеаль крестьянства, анархическій

коммунизмъ, какъ онъ воплотился въ идеѣ райскаго блаженства, не допускаетъ никакого компромисса и въ силу этого не способенъ ни къ какому смягченію, или уступкамъ. Такимъ характеромъ отличаются весьма многія ученія древности и новыхъ временъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ сообразно историческимъ условіямъ распадаются на двѣ подгруппы—мирнаго анархизма и революціонно-боевого. Типичнымъ образцомъ первыхъ являются древнееврейскіе ессеи, вторыхъ—сикваріи и zeloty. Первые проповѣдывали и на дѣлѣ осуществляли идею внутренняго перерожденія человѣка, трудового и потребительскаго коммунизма, цѣломудрія и непротивленія злему, вторые—дѣйствовали мѣрами террора и стремились къ насажденію Царства Божія на землѣ мечомъ и кровью. Эти два теченія въ христіанскомъ обществѣ тѣсно сплетаются съ судьбами крестьянства, и на протяжении вѣковъ мы постоянно встрѣчаемъ то мирное возрожденіе первоначальнаго христіанскаго коммунизма, то аграрныя возстанія и бунты (жаверіи, крестьянскія войны), прикрытыя знаменами того или иного мессіи. Достаточно здѣсь вспомнить съ одной стороны исторію такихъ сектъ, какъ альбигойцы, сыны Свободнаго Духа, беггарды, лолларды, сыны пятаго царствія, а съ другой—послѣдователей фра-Дольчино, тоборитовъ, поклонниковъ Тома Мюнцера и имъ подобныхъ. Конечно, подобныя теченія никакого компромисса не допускали, и ихъ анархическій и революціонный характеръ неизбѣжно приводилъ ихъ къ рѣзкому конфликту съ тѣмъ или инымъ существующимъ строемъ. И вполнѣ естественно, что римское государство, встрѣтивъ христіанство въ его наиболѣе чистомъ первоначальномъ видѣ, отвѣтило на его ученіе и жизнь рядомъ жестокихъ преслѣдованій.

Появленіе во главѣ мистически-мыслящихъ массъ профессионально подготовленныхъ идеологовъ въ видѣ духовенства—первый шагъ къ возможному компромиссу. Имперія Константина никогда-бы не могла признать христіанства, если-бы оно къ тому времени уже не продѣлало громадной эволюціи, которая какъ разъ состояла въ извѣстномъ примиреніи съ міромъ,—съ рабовладѣльческимъ хозяйствомъ, по-

литической деспотіей и войной, причѣмъ церковь заняла роль великаго врачевателя существующаго, но отнюдь не революціоннаго созидателя будущаго. Частичная реформа замѣнила собой радикальную перестройку, Царство Божіе было перенесено въ потусторонній міръ, а духовная іерархія взяла на себя временное и мѣстное земное посланничество, установила твердые и формальные пути спасенія и при помощи чудотворенія и благотворительности пошла навстрѣчу тѣмъ жестокимъ и неотложнымъ нуждамъ, которымъ въ революціонномъ идеалѣ должно было удовлетворить коммунистически организованное хозяйство. Такъ анархія смѣнилась церковнымъ порядкомъ, а коммунизмъ—милостыней и церковнымъ имуществомъ.

Но церковь пошла еще дальше. Опираясь на преданія ей души вѣрующихъ, она смогла сыграть крупную политическую роль. Она не только примирила богатаго и бѣднаго, эллина и іудея, она освятила сословныя привилегіи и политическое властвованіе, она вошла въ составъ государственнаго организма и обновила его. И если уже задолго до христіанства дѣлались государственной властью попытки присвоить непосредственно себѣ мессіанское призваніе и авторитетъ, то со времянь примиренія языческаго государства и христіанской церкви, этотъ вопросъ рѣшается путемъ борьбы и послѣдующаго компромисса двухъ началъ: духовнаго и свѣтскаго, государственнаго и церковнаго. Такъ съ одной стороны, римская церковь сама становится государствомъ, чтобы выполнить задачу постепеннаго приуготовленія людей въ царству небесному, съ другой, выступаетъ цѣлый рядъ государственныхъ организацій, начиная съ Византіи и Карла Великаго, которыя пользуются мессіанской идеей для своего безмѣрнаго расширенія.

Такъ замыкается великій идеологическій кругъ, а социальномистическая программа трудящихся массъ, рожденная возстаніемъ крестьянства противъ экономическаго и политическаго угнетенія, становится составной частью сложной государственной идеологіи, которая и устанавливаетъ общій компромиссъ на основѣ преобладанія т. н. господствующихъ классовъ.

Божество угнетенных осѣняетъ своимъ призваніемъ сильныхъ и богатыхъ, служеніе имъ становится религіозной обязанностью трудящихся, и лишь въ новой потусторонней жизни послѣдніе становятся первыми. Таковъ общій идейный поворотъ. И только измѣненіе социальна-экономическихъ условий и выступленіе на арену исторіи новыхъ классовъ приводитъ съ одной стороны къ нѣкоторой эмансипаціи государства отъ вліянія мистико-религіозныхъ идеологій, а съ другой къ значительнымъ преобразованіямъ внутри религіозно-церковныхъ союзовъ. Только въ результатѣ этихъ глубокихъ общественныхъ процессовъ рождается то, что можно назвать освобожденіемъ личной религіозной совѣсти и установленіемъ религіозной свободы.

§ 3. Государство и христіанская религія.

„Всякая душа властемъ предержавшимъ да повинуется. Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть“. „Повинитесь убо всякому челоувѣчу созданію Господа ради: аще царю, яко преобладающу; аще-ли же княземъ яко отъ него посланнымъ во отмищеніе убо злодѣемъ, въ похвалу-же благотворцемъ. Яко тако есть воля Божіа“. „Бога бойтесь, царя чтите“;—вотъ положенія христіанскаго ученія, которыя прекрасно удовлетворяютъ государственной потребности въ освященіи власти. Здѣсь, правда, мы не находимъ еще пока непосредственнаго освященія отдѣльной формы правленія. Но зато здѣсь ярко и опредѣленно осуждается анархія и религіозно оправдывается самый принципъ власти. Ей слѣдуетъ „повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть“. И по толкованію Іоанна Златоуста подчиненіе власти предписывается не какъ дѣло любви и милосердія, а *какъ должно*. На принципѣ власти основанъ порядокъ челоувѣческаго общества, и этотъ порядокъ покоится на волѣ самаго Бога.

Общее оправданіе государства и его власти даетъ въ формулѣ „Божіей милости“ болѣе непосредственное освященіе той или иной конкретнаго формъ правленія. Эта формула сна-

чала была принята вселенскими соборами и епископами, причѣмъ указывала не только на священное происхожденіе ихъ власти, но и на смиреніе ихъ какъ служителей Божіихъ. Поэтому и самая формула принимала разные оттѣнки. То она гласила просто—*χαριτι θεου; dei gratia*,—то часто превращалась въ указаніе особаго милосердія Божьяго—*miseriordia* или *miseratione dei, divina favente clementia, divina dispensatione, dono dei* и т. п.—Отъ духовной власти формула перешла къ свѣтской, императорской и королевской. Въ средніе вѣка и новое время эта формула становится уже специальнымъ атрибутомъ монархической власти, а въ абсолютныхъ государствахъ принимаетъ значеніе неопровержимаго доказательства въ пользу святости и божественнаго происхожденія самодержавія. Въ этомъ смыслѣ эксплуатируется также текстъ изъ псалмовъ Давида, гдѣ говорится объ „Елогимъ“, что значить боги. Такими „богами“ и почитаютъ себя короли и цари, обязанные отвѣтственностью передъ однимъ лишь Богомъ. При помощи библіи создается идеологія Богомъ установленной деспотіи, и она уже рѣзко противопоставляется народоправству. Какъ это и было сказано еще Грознымъ въ его перепискѣ съ Курбскимъ, гдѣ онъ себя называетъ „дѣдичемъ, отчичемъ и наследникомъ прародительскихъ земель Божиимъ изволеніемъ, а не многмятежнаго человѣчества хотѣніемъ“. И подобной точки зрѣнія держались не только защитники Карла I англійскаго (Салмазій) или Людовика XIV (Боссюетъ), но и гораздо болѣе поздніе идеологи монархіи. Такъ въ эпоху европейской реакціи въ началѣ XIX в. сторонники сильной королевской власти, царствующей по „собственному праву“ (Талейранъ, Де-Мэстръ, Шталь) основывали ея притязанія опять таки на христіанскомъ принципѣ.

Характерно, что новыя европейскія республики, основанныя на народномъ суверенитетѣ, также искали религіознаго освященія верховной власти и поэтому неоднократно пользовались различными формулами соответственнаго характера въ своихъ манифестахъ и конституціяхъ. И тогда какъ монархіи преимущественно усвоили себѣ формулу „Божіей милостью“, въ демократическихъ актахъ дѣлаются ссылки слѣ-

дующаго характера: „съ помощью божественнаго Провидѣнія“, въ „присутствіи Божества“, „Высшаго Судіи“, „именемъ Всемогущаго Бога“ и т. п. Такія формулы находимъ мы далеко не въ однихъ только республикахъ „святыхъ“ на подобіе сектантской арміи Кромвеля, но и въ современныхъ демократіяхъ Швейцаріи, сѣверной и южной Америки и Австраліи. И если здѣсь въ одномъ мѣстѣ высказывается „смирненное упованіе на благословеніе Бога всемогущаго“ (Австралійскіе соединенные штаты), то въ другихъ мѣстахъ не только приывается „помощь Всевышняго и законодателя вселенной“ (Доминго), но и самыя конституціи объявляются „отъ имени Господа, высшаго источника всякаго авторитета“ (Колумбія) или „именемъ Бога, всемогущаго Творца и законодателя вселенной“ и т. п.

Добиваясь освященія власти при помощи религіознаго принципа, государство не разъ искало помощи церкви и въ дѣлѣ укрѣпленія такихъ важныхъ общественныхъ институтовъ, какими является: *семья, собственность и существующій порядокъ классового, а въ старину сословнаго строя*. Церковь не только восприняла опредѣленіе брака по римскому праву („nuptiae sunt conjunctio maris et feminae, consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio“), но и возвела его въ понятіе таинства, укрѣпила отеческую власть, связала религіозной связью старшія и младшія поколѣнія. Только въ новѣйшія времена государство отказалось отъ церковнаго брака и принципа его полной нерасторжимости. Христіанство послужило и къ укрѣпленію хозяйской власти, причемъ въ свое время освятило и такую собственность, какъ собственность одного человѣка „сына Божія“, на другого такого-же „сына Божія“; ибо недаромъ сказано: „Рабы, повинуйтеся во всякомъ страхѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. Се бо есть угодно предъ Богомъ“; или въ другомъ мѣстѣ: „Рабы, послушайте господій своихъ по плоти, со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца вашего, якоже и Христа; не предъ очима точію работая, яко челоукоугодницы, но якоже рабы Христовы, творяще волю Божію отъ души“. И неоднократно до отміны рабства и крѣ-

постничества церковь именем Христа, Бога униженныхъ и оскорбленныхъ, оправдывала и благославляла рабскія цѣли на сынахъ своихъ. Само собою разумѣется, что тѣмъ болѣе церковь поддерживала общій порядокъ общественнаго неравенства: „воздадите всѣмъ должная: емуже убо урокъ, урокъ; а емуже дань, дань: а емуже страхъ, страхъ: а емуже честь, честь“. Порядокъ общественнаго господства и подчиненія этимъ путемъ пріобрѣтаетъ не только моральный характеръ, но и значеніе божественнаго закона.

Не менѣе важно и то обстоятельство, что религіозная санеція государственнаго и общественнаго строя открываетъ возможность поставить *государство подъ охрану не только земныхъ, но и небесныхъ наградъ и наказаній*. И если патѣхъ или иныхъ гражданъ недостаточно сильно дѣйствуютъ мотивы временнаго и относительнаго характера, то они могутъ быть заинтересованы въ полученіи вѣчнаго блаженства или избѣжаніи безкопечныхъ адскихъ мукъ. И отсюда могутъ быть сдѣланы различные выводы. Съ одной стороны паличность небесныхъ наградъ можетъ содѣйствовать терпѣливому перенесенію здѣсь на землѣ различныхъ тягостей, лишеній и бѣдствій. Такимъ путемъ внушается населенію надлежащее довольство даже весьма скромной, а то и бѣдственной судьбой; оно охотно приноситъ самыя тяжкія жертвы государству и господствующему классу въ надеждѣ, что оно получитъ за это особую награду на небесахъ, ибо сказано, что „последніе“ будутъ „первыми“ въ Царствѣ небесномъ.

Рядомъ съ такой небесной наградой для массы недостаточнаго, но вѣрнаго государству населенія устанавливаются для грѣшниковъ и небесныя наказанія. Эти послѣднія должны несомнѣнно имѣть устрашающее вліяніе на вѣрующихъ уже потому, что жестокость ихъ безъ всякаго сравненія превосходитъ все, что можетъ примѣнить современное уголовное право. Наказанія государственныя не только временны, но и отличаются вѣдшимъ характеромъ, причемъ имъ не чужда тенденція къ исправленію преступника съ возможностью досрочнаго освобожденія въ случаѣ таковаго исправленія. Наоборотъ, страшный судъ въ будущемъ вѣдѣ устанавливаетъ наказанія

вѣчныя и безконечныя; имъ присущъ характеръ не только суровыхъ мученій вѣшняго характера, но и ужасныхъ духовныхъ страданій, которыя порождаются полной неоправдностью разъ совершенныхъ грѣховъ безъ малѣйшей надежды какаго-бы то ни было успокоенія совѣсти. И если осужденному земнымъ судомъ остается еще упованіе на божественное милосердіе, а церковь предлагаетъ утѣшеніе преступникамъ, казнимымъ на висѣлицѣ и плахѣ и сопровождаетъ палачей, то наказаніе въ той жизни предполагають вѣчное разлученіе съ тѣмъ, кого вѣрующіе почитали своимъ единственнымъ искупленіемъ. Ясно теперь, какое значеніе для государства имѣеть небесная санкція для преступленій противъ его правопорядка и какъ важно, чтобы повинновеніе гражданъ установленнымъ властямъ было подкрѣплено ссылкой на грѣхъ передъ Богомъ и указаніемъ на угрозу со стороны „геены огненной“.

Тѣмъ средствомъ, при помощи котораго устанавливается неразрывная связь между повинновеніемъ государству и исполненіемъ божественной заповѣди, является обыкновенно *присяга, или клятва*. При ея помощи устанавливается неограниченная обязанность повинновенія властямъ подъ страхомъ не только мірскаго и временнаго наказанія со стороны земнаго начальства, но и вѣчнаго божественнаго суда. Страхъ клятвеннаго преступленія и послѣдующей адской муки становится такимъ образомъ прямымъ средствомъ не только къ укрѣпленію и упроченію власти вообще, но и связи между подданнымъ и конкретнымъ ея носителями: клятва въ вѣрности государству можетъ быть легко замѣнена присягой на имя опредѣленнаго царя или властителя. Въ клятву послушанія вообще можетъ быть съ наименьшимъ удобствомъ внесено обѣщаніе повинноваться опредѣленнымъ начальникамъ или лицамъ. Наконецъ, самыя различныя частныя обязанности могутъ быть присоединены къ обязанностямъ общимъ, и точно также покрывается присягой долгъ отдать свою жизнь за родину, какъ обязанность убивать своихъ ближнихъ по приказанію начальства или разорять чужеземныя страны. Судебная присяга свидѣтелей и присяжныхъ засѣдателей, должностная присяга на вѣрность службы чиновниковъ и офицеровъ, военная присяга

новобранцевъ, призванныхъ подъ знамена, присяга монарха и народныхъ представителей на вѣрность конституціи, присяга подданства при вступленіи на престолъ новаго монарха или при зачисленіи въ число полноправныхъ гражданъ чужестранца—безконечный рядъ самыхъ различныхъ клятвенныхъ обѣщаній, приносимыхъ „Именемъ Бога Всемогущаго предъ святымъ Его Евангеліемъ“, „какъ предъ Богомъ и судомъ его страшнымъ отвѣтъ въ томъ дать“ надлежить. Эти клятвы могутъ имѣть весьма различную формулировку болѣе вѣроисповѣднаго или болѣе общаго характера, но суть не вездѣ одна: обязанность передъ людьми или государствомъ превращается въ обязанность передъ Богомъ, нарушеніе-же ея въ грѣхъ передъ Богомъ и совѣстью, причемъ на стражѣ клятвы становится угроза вѣчныхъ мученій въ загробной землѣ.

Къ такому освященію государственнаго порядка присоединяется въ большинствѣ случаевъ еще *внѣшняя символика и обряды, процессіи и молебствія*, при помощи коихъ религія и наружно благословляетъ государство. Молебствіе передъ открытіемъ сессіи въ республиканской Америкѣ, коронованіе монарховъ на европейскомъ континентѣ, освященіе воинскихъ знаменъ, различные молебны по торжественнымъ случаямъ, начиная съ открытія новаго полицейскаго участка и кончая окропленіемъ стѣнъ представительнаго собранія, молитвы за царей и властвующихъ лицъ въ церквахъ различныхъ исповѣданій, молебствія о дарованіи побѣды на сушѣ и на морѣ—все показатель религіозной романтики и символики, которая должна въ глазахъ вѣрующаго поднять ореолъ государственной власти и сдѣлать ее хотя-бы наружно причастной дѣлу вѣчнаго спасенія человѣчества. И нигдѣ еще не протестовала и не протестуетъ церковь противъ того, что знаменіе креста устанавливается на символахъ убійства и войны, красуется на судейскомъ столѣ, украшаетъ собой тоги, мантии и вѣнцы царей. Такъ величайшая организациія политической силы и принужденія облачается въ ризы божественной любви и свободы.

Еще болѣе тѣсная связь устанавливается между рели-

гійей и государствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда само государство принимаетъ на себя опредѣленные религіозныя функціи, становится не только свѣтской организаціей власти, но и частью духовнаго организма церкви или христіанскаго народа, или-же само принимаетъ нѣкоторыя самостоятельныя религіозныя задачи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мірская власть получаетъ своеобразный духовный характеръ, дѣлается со своей стороны какъ-бы причастной благодати и успѣшно конкурируетъ или даже подчиняетъ себѣ власти церковныхъ и религіозныхъ обществъ. Въ образованіи такой государственной церковности, или, какъ правильнѣе было-бы сказать, *государственной религіозности* можно различать нѣсколько идеальныхъ типовъ, которые болѣе или менѣе отчетливо были воплощены въ исторической дѣйствительности, а въ настоящее время встрѣчаются въ пестромъ смѣшеніи въ нѣкоторыхъ крупныхъ фрагментахъ церковно-политическаго строя.

§ 4. Государственная религія.

Остановимся сначала на томъ типѣ религіознаго одухотворенія власти, которое сложилось въ Византіи. Здѣсь мы находимъ полное сліяніе единой господствующей церкви съ единымъ государствомъ, обширныя права императора въ дѣлѣ церковно-религіозной жизни, облеченіе духовныхъ лицъ государственными правами и полномочіями и государственную охрану церковнаго порядка. Вся эта система носить названіе *византизма или цезарепапизма* и коренится въ полномъ смѣшеніи духовнаго и свѣтскаго началъ. Согласно принципамъ византизма *ius sacrum* есть составная часть *ius publici*, а императоръ въ силу самой своей должности есть „вышній епископъ“ или „общій епископъ“; его часто именуютъ еще „царемъ-архіереемъ“, ему приписывается обязанность пасти стадо Христово, имѣть попеченіе не только о тѣлахъ, но и о душахъ подданныхъ, ибо ему присуще учительское и священническое достоинство; онъ есть — „епистимонархъ“ — начальствующій надъ церковной дисциплиной, бодрствующій у вратъ церкви будильникъ. И въ дѣйствительности императоръ

не только созывалъ вселенскіе соборы, но и утверждалъ ихъ постановленія, самъ помимо соборовъ издавалъ церковные законы, наблюдалъ за ихъ исполненіемъ, судилъ въ высшей инстанціи по церковнымъ дѣламъ, назначалъ епископовъ, поручалъ имъ юрисдикцію по гражданскимъ дѣламъ, привлекалъ ихъ къ участию въ городскомъ финансовомъ управленіи, тюремномъ надзорѣ, контролѣ надъ свѣтской администраціей, надъ уголовнымъ судомъ и т. п., съ другой стороны всѣ стороны церковно-религіозной жизни становятся предметомъ вмѣшательства, контроля и руководства свѣтской власти. Даже за хиротоніей клириковъ и епископовъ, за своевременнымъ созывомъ ежегодныхъ соборовъ должны слѣдить провинціальныя намѣстники подѣ страхомъ тягчайшихъ наказаній.

По системѣ цезарепапизма *религія становится дѣломъ самого государства*, единство истинной православной вѣры идеаломъ государственной политики, къ которой она стремится при помощи всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ средствъ. Воля императора рѣшаетъ относительно истины и заблужденія, грѣха и спасенія. „Наша воля“, гласитъ эдиктъ Оеодосія I (380 г.), „состоитъ въ томъ, чтобы всѣ народы, подчиненные нашему кроткому господству, исповѣдывали ту религію, которой апостоль Петръ научилъ римлянъ“. И эта воля не только своей властью установила основы православнаго исповѣданія, но „руководимая небеснымъ вдохновеніемъ“ приговорила тѣхъ, кого она сочла „безумными и сумасшедшими“, неспособными вѣровать по приказу монарха, къ „позорному названію ереси“ и тяжкимъ наказаніямъ „кромѣ божественнаго возмездія“. Смертная казнь была непоследнимъ орудіемъ въ рукахъ кесаря, получившаго власть для того-чтобы „воспитываемый подѣ его вліяніемъ родъ человѣческій призвать на служеніе священнѣйшему закону и подѣ руководствомъ Высочайшаго существа возрастить блаженнѣйшую вѣру“ (Слова Константина). И если по Вальсамону „императоры и пять патріарховъ подобны молотильщикамъ на гумнѣ, которые отдѣляютъ мякину отъ чистой пшеницы лопатою помазанія“, то во истину не легко было положеніе тѣхъ, кто попадалъ въ составъ „мякины“ и въ качествѣ таковой под-

вергался конфискаціямъ, ссылкамъ, тюремному заключенію и усѣченію головы. „Правое исповѣданіе единой истинной и пренепорочной вѣры христіанской“ въ Византіи покупалось нелегко, несмотря на то, что Юстиніанъ объявилъ его „первымъ и высшимъ благомъ всѣхъ людей“.

Такъ создалось великое отображеніе или отблескъ Царства небеснаго на землѣ, причемъ церковь совершенно слилась съ государствомъ, а государство стало церковью. Но господствующимъ въ этомъ соединеніи оказалась не церковь, а именно государство. И было ли церковное управленіе вручено императорамъ церковью, или они захватили ее въ качествѣ преемниковъ языческихъ кесарей,—для дѣла безразлично. Они были высшей главою церкви въ Византіи, имъ принадлежало полновластіе въ духовныхъ, какъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ, а такъ какъ получали они эту власть не лично, а какъ составную часть своего государственнаго „*imperium*“, то и были ихъ церковныя права признакомъ божественности ихъ императорскаго сана, а съ нимъ и божественности государства. Тѣло Христово оказалось въ Византіи заковано въ государственный панцирь, вооружено окровавленнымъ мечомъ и увѣнчано императорскою тиарой.

Слѣдуетъ упомянуть, что система византизма въ значительной степени отразилась на отношеніи церкви и государства въ монархіи Карла Великаго на западѣ и легла въ основу церковно-политическихъ отношеній московскаго государства на востокѣ. Карлъ Великій чувствуетъ себя нисколько не меньше, чѣмъ Θεодосій и Юстиніанъ, орудіемъ „божественной благодати“, правителемъ церкви, поставленнымъ одинаково во главѣ духовнаго и свѣтскаго порядка своей имперіи. И если въ государствѣ Юстиніана по его собственнымъ словамъ: „священство и имперія, собственность церкви и собственность государства не различаются существенно другъ отъ друга“, то въ царствѣ Карла Великаго мы находимъ то же: епископства и монастыри переданы ему Христомъ, а епископы и аббаты суть его помощники, подобно графамъ состоятъ у него на службѣ; получаютъ отъ него указанія на счетъ праздниковъ и проповѣдей; императоръ и здѣсь подобно

Византіи созываетъ соборы, утверждаетъ ихъ постановленія. Недаромъ пишетъ Карлу Алкуинъ: „Чудно и единственно въ тебѣ то, что ты не только извнѣ защищаешь и распространяешь церкви, но и внутри ее поддерживаешь и отъ ученій безбожниковъ очищаешь“. Церковь и здѣсь поглощается государствомъ, смѣшивается съ нимъ до того, что въ концѣ концовъ становится трудно различить, гдѣ кончается одно и начинается другое. Отъ этого выигрываетъ только государство. Не мѣняя своей сущности, оно претворяется въ церковь.

По византійскому образцу строились и московскіе церковно-политическіе порядки. Греко-римскія идеи нашли здѣсь весьма подготовленную почву. И здѣсь именуютъ царя „богочественнымъ поспѣшникомъ истинѣ“, „высочайшимъ исходатаемъ благовѣрія, мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ божественнаго закона... истинныя вѣры православія, боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси“. Въ силу этого государь становится „естествомъ подобель всѣмъ человѣкамъ, властію-же подобель вышнему Богу“, его „Богъ въ себѣ мѣсто избралъ на земли и на свой престоль вознесъ, посади, милость и животь положи“ у него, „мечъ вышнія божія десницы вручи ему“. Такъ въ его власти оказалось все, не только мірское, но „и церковное и монастырское“, онъ сталъ „непоколебимымъ столпомъ“, „недвижнымъ основаніемъ христовой церкви“, „браздодержателемъ святыхъ божіихъ церквей, престоломъ всѣхъ епископовъ и причтовъ, мудрымъ кормчимъ великаго корабля всего міра“. Практическіе выводы отсюда тоже не замедлили. Московская церковь была цѣликомъ подчинена царю, церковные обряды, дисциплина, церковно-юридическій строй, преслѣдованіе ересей и церковное управление—все это оказалось въ рукахъ царя, этого миѳическаго потомка кесаря Августа, владыки третьяго Рима, наслѣдника „константинопольской вотчины“. Только въ одномъ отношеніи московскіе подражатели не могли достигъ высоты своего царьградскаго образца: по малому просвѣщенію своему не дерзали они законодательствовать въ области догмата и въ этомъ отношеніи были не всегда умѣлыми хранителями уже развѣ на всегда установленнаго. Отсюда и сфера фактическаго вліянія ихъ

была уже нежели въ Византіи. Принципіально однако и здѣсь растворялась въ государствѣ церковь, чтобы дать ему свое небесное озареніе и авторитетъ. Недаромъ про Москву говорили, что здѣсь и „Божье достояніе и Божій судъ были переписаны на царское имя“...

Другимъ типомъ подобной-же системы поглощенія церкви и религіи государствомъ является тотъ *территориализмъ*, который былъ тѣсно связанъ съ идеями національной церкви и церковной реформаціи. Первымъ основаніемъ территориальной системы было установленіе національной самостоятельности той или иной мѣстной церкви, на которую государство и налагало свою тяжелую руку. Уже „католическіе короли“ *Кастиліи* и *Арагоніи* сумѣли воспользоваться союзомъ съ папой для того, чтобы захватить управленіе монашескими орденами и ихъ средствами, назначенію епископовъ и ввести „святую инквизицію“, которая, состоя изъ духовныхъ лицъ, подвергала жестокому преслѣдованію всѣхъ враговъ абсолютной власти, конфисковала въ пользу королевской казны крупныя состоянія „еретиковъ“ и этимъ путемъ высоко подняла моральный авторитетъ и матеріальныя средства испанскаго самодержавія. По этому образцу дѣйствовали и французскіе „христианнѣйшіе“ короли, которые при помощи знаменитыхъ четырехъ статей галликанской церкви захватили въ свои руки французское духовенство и монастыри съ ихъ громадными богатствами и использовали вселенское римское исповѣданіе для укрѣпленія своей неограниченной власти. Такого рода католическая „реформація“, не касаясь существа религіи или догмы, на самомъ дѣлѣ совершенно изолировала ту или иную національную церковь отъ папскаго центра и ставила ее въ разрядъ одного изъ государственныхъ учрежденій. Между Римомъ и національной церковью становился монархъ, который и превращался фактически въ папу своихъ земель. Нечего говорить, что испанскимъ и французскимъ примѣрамъ охотно слѣдовали и другіе болѣе мелкіе католическіе суверены.

Само собою разумѣется, что поработенная государствомъ церковь не жалѣла аргументовъ и эпитетовъ въ дѣлѣ вос-

хваленія королевской власти. *Французскіе богословы и юристы единодушно сошлись въ общемъ обоженствленіи королевскаго абсолютизма.* „Короли дѣйствуютъ, поучаетъ насъ епископъ Боссюеть, какъ служители и намѣстники Бога на землѣ. Это при ихъ посредствѣ осуществляется царство Божіе въ здѣшнемъ мірѣ... Королевскій тронъ поэтому не есть тронъ чловѣка, но престоль самого Бога“. Будучи „представителями божественнаго величества“, монархи предназначены провидѣніемъ къ выполнению его предначертаній. Отсюда „служеніе Богу и почитаніе королей—это вещи нераздѣльные“. „Самъ Богъ придавъ князьямъ нѣчто божественное“. Почитаніе ихъ это почитаніе „второго величества“, князья являются даже сами „богами и участвуютъ нѣкоторымъ образомъ въ независимости самого Бога“. Неудивительно теперь, что уже свѣтскіе легисты сдѣлали соотвѣтственные выводы. И хотя въ галликанскихъ пунктахъ (*Cleri Gallicani de Ecclesiastica Potestate Declaratio*) было сказано, что „духовныя дѣла и относящіяся до вѣчнаго спасенія“ подлежатъ „святому Петру и его преемникамъ, намѣстникамъ Христовымъ“, а также „самой церкви“, однако на практикѣ сложилось все совершенно иначе; и уже у Эмбара де ла Тура мы читаемъ, что „Единство вѣры вызываетъ здѣсь и единство государственнаго общества; общество вѣрующихъ совпадаетъ здѣсь съ народомъ... сама королевская власть пріобрѣтаетъ религіозный характеръ, она почти священство“; отсюда-же „французскій король—король христіаннѣйшій, епископъ вѣншій“...

Въ *Англии* мы находимъ еще болѣе упрощенные порядки. Здѣсь церковная реформація совершилась не по католическому образцу, но и не по протестантскому. „Хранитель вѣры“, король Англій, просто объявилъ уничтоженной палскую власть и не только фактически, какъ это было во Франціи и Испаніи, но и юридически присвоилъ себѣ церковную „супрематію“. Такимъ путемъ безъ дальнѣйшихъ догматическихъ или религіозныхъ основаній король, дѣйствующій самостоятельно или совмѣстно съ парламентомъ, то отмѣнялъ, то снова устанавливалъ таинства вродѣ пресуществленія даровъ во время Евхаристіи, то вводилъ латинскую мессу, то англійскую, предписывалъ

валъ сначала одинъ молитвенникъ, а черезъ нѣсколько времени другой, дѣлалъ обязательными четыре статьи вѣроисповѣданія; а затѣмъ тридцать девять, а всѣхъ несогласныхъ вѣровать по королевскому произволу убѣждалъ въ спасительности новой королевской вѣры при помощи тюрьмы и смертной казни. Конечно, и здѣсь государственная власть постаралась извлечь всѣ возможныя выгоды изъ такого положенія. И если съ одной стороны обширнѣйшія и богатѣйшія владѣнія англійской церкви были безъ дальнѣйшихъ церемоній конфискованы, то съ другой—новая чисто государственная церковь доставила въ высокой степени „божественные“ аргументы королямъ въ ихъ борьбѣ съ парламентомъ. Недаромъ король Яковъ I такъ много и усердно занимался богословіемъ.

И въ цѣломъ рядѣ трактатовъ, проникнутыхъ духомъ „высокой церкви“, находимъ мы *обожествленіе королевской англійской власти*. „Наилучшіе на землѣ монархи не только намѣстники Божіи, но и самимъ Всевышнимъ именуется „богами“. Ихъ власть такимъ образомъ въ нѣкоторомъ смыслѣ уподобляется Божіей власти, и не безъ основанія, такъ-какъ атрибуты ея близки къ тѣмъ, которые принадлежатъ Богу“. „Короли установлены не народомъ, утверждаетъ другой памфлетъ, а Богомъ. Отъ него получили они свою власть, сопротивляться королю то-же, что сопротивляться Божьему намѣстнику“. И подобно тому, какъ свѣтскіе чины становятся орудіемъ короля въ мірской области, епископы принимаютъ характеръ королевскихъ сановниковъ, „дженгельменовъ“, поставленныхъ управлять „духовною паствою“. Въ помощь этимъ „дженгельменамъ“ была создана Высокая Комиссія, которая и приняла на себя инквизиціонныя функціи преслѣдованія еретиковъ, пресвитеріанъ, индепендентовъ, квакеровъ и католиковъ, что было тѣмъ труднѣе, что согласно вапризу королевскаго велѣнія само вѣроисповѣданіе весьма часто измѣнялось, а тѣ, кто еще вчера были правотѣрными, на слѣдующій день неожиданно для себя оказывались на положеніи преслѣдуемыхъ еретиковъ. Не даромъ король по акту о супрематіи сталъ „единственнымъ верховнымъ главой и опекуномъ англійской церкви“, котораго величали „священ-

нымъ величествомъ“ и „новымъ Соломономъ“, — онъ неустанно работалъ въ области спасенія душъ своихъ подданныхъ и изобрѣталъ имъ новые и новые догматы. Только благодаря революціи и послѣ нея превратилась королевская религія въ реформированную, и наконецъ сложилась устойчивая организація церкви, соединившей протестантскія воззрѣнія и епископальное устройство.

Протестантское движеніе на континентѣ сопровождалось не меньшимъ обожествленіемъ государства. И здѣсь „единный христіанскій народъ“ сталъ единственнымъ источникомъ обѣихъ властей, причемъ именно свѣтская власть оказалась вооруженной „мечомъ и лозою“ для водворенія порядка „несмотря ни на кого, будь онъ папа, епископъ, священникъ, инокъ, монахиня, или кто бы онъ ни былъ“. Церковныя права монарха здѣсь основываются на слѣдующихъ положеніяхъ. Во-первыхъ, по божественному закону мірской власти вручено храненіе обѣихъ скрижалей закона (*custodia utriusque tabulae*; а отсюда вытекаетъ обязанность монарха въ силу его „особаго служенія Богу“ дѣломъ и словомъ исповѣдывать „истинную вѣру“, „служить славу Божіей“, прекращать „мерзости“ — католической мессы и наказывать „богохульство и ложные догматы“. Во-вторыхъ, свѣтской власти принадлежитъ право реформированія (*jus refoimandi*); оно состоитъ въ правѣ очищать догматы отъ ересей, реформировать церковь, принимать для себя и для подданныхъ то или иное вѣроисповѣданіе, причемъ какова религія князя, такова должна быть и вѣра подданныхъ (*cu jus regio, ejus religio*). Третьимъ основаніемъ религіозно-церковной власти князя является его мѣсто въ церкви, гдѣ онъ выступаетъ въ качествѣ „первенствующаго члена церкви“ (*praecipuum membrum ecclesiae*); на этомъ основаніи въ случаѣ надобности или нужды христіанскій монархъ принимаетъ на себя должность „епископа по нуждѣ“; и если „всеобщее священство“ вѣрующихъ даетъ право каждому христіанину совершать въ случаѣ крайности даже таинство крещенія, то монарху, какъ выдающемуся члену общества вѣрующихъ, тѣмъ болѣе присвоаются необходимые церковныя полномочія.

Церковно-религіозныя права свѣтской власти въ протестантскихъ государствахъ вполнѣ припесли свои плоды. Простымъ актомъ монарха или республиканскаго магистрата (совѣта, коллегіи) „исправлялась“ та или иная вѣра въ государствахъ Швейцаріи, Германіи или Скандинавіи, въ одномъ мѣстѣ вводилось лютеранское, а въ другомъ кальвинское исповѣданіе, создавались новые догматы и отвергались прежніе, предписывались молитвенники и символы вѣры, устанавливались богослуженіе и обряды, создавались консисторіи и духовныя должности, организовывалась дисциплина и каноническое право. Само собою разумѣется, что и здѣсь обратной стороной медали была секуляризація духовныхъ имуществъ, лишеніе папистовъ политическихъ, а часто и гражданскихъ правъ и преслѣдованіе еретиковъ, кончающееся огненной смертью или смертной казнью за „богохульство“, „атеизмъ“ и подобныя преступленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтская власть становилась на недостижимую высоту, какъ правильно воскликнулъ Лютеръ: „сатана продолжалъ быть сатаной; при полахъ онъ вмѣшалъ церковь въ государство, въ наше время онъ вмѣшиваетъ государство въ церковь“. И всемогущее въ церковныхъ дѣлахъ свѣтское начальство тѣмъ болѣе чувствовало себя полновластнымъ въ дѣлахъ мірскихъ или свѣтскихъ; князь вѣдь обязанъ заботиться не только о тѣлѣ подданныхъ, но и о душѣ; онъ долженъ научить людей божественнымъ дѣламъ, вѣрѣ, правотѣ, дисциплинѣ и миру; ему вслѣдствіе этого надлежитъ повиновеніе не только за страхъ, но и за совѣсть, не только подати и повинности, но и честь. Въ случаѣ-же бу та или возстанія правителю дана великая заповѣдь: „Свое писаніе, т.-е. Библия, говоритъ Лютеръ въ 1526 г., уподобляетъ власть тюремщику и погонщику, который долженъ хлестать осла прутомъ, иначе онъ не сдвинется съ мѣста. Точно также и власть обязана бить, гнать, душить, вѣшать, убивать и колесовать чернь, чтобы внушить ей страхъ и, такимъ образомъ, обуздать народъ; ибо Богъ не желаетъ, чтобы законъ былъ направленъ на защиту народа, но долженъ его подгонять, управлять имъ и силой заставлять работать“. „Слово

Божіе повелѣваетъ почитать короля и уничтожать мятежниковъ“.

Какъ очевидно, и протестантство не менѣе реформированнаго католицизма могло оказать энергичную поддержку государственной власти. Однако, нельзя не замѣтить, что всѣ перечисленные нами формы использования религіи и церкви въ интересахъ свѣтскаго владычества страдали однимъ весьма важнымъ недостаткомъ: связывая государство съ одной опредѣленной религіей и какой-нибудь одной господствующей церковью, всѣ онѣ предполагали со стороны государства необходимую компенсацію по адресу такой вѣры и церкви. И эта компенсація опредѣляется господствующей вѣрой, самымъ исповѣданіемъ ея. И какъ ни странно, казалось-бы, представить себѣ исповѣданіе вѣры, которое по существу есть исключительно дѣло личности, приписаннымъ не личности, а корпораціи или государству, но подобное нехристіанское воззрѣніе никогда для христіанъ никакихъ затрудненій не представляло, а *государство, не имѣющее ни личной совѣсти, ни личной ответственности, ни сознанія, самымъ благополучнымъ образомъ зачислялось въ разрядъ „вѣрующихъ“*. Проявленіемъ такой „вѣры“ со стороны государства почитается: во-первыхъ, объявленіе даннаго вѣроисповѣданія обязательнымъ для государства закономъ, нарушеніе котораго считается преступленіемъ; во-вторыхъ, обезпеченіе той или иной церкви различныхъ государственныхъ правъ и привилегій и, въ третьихъ, государственное преслѣдованіе всѣхъ отпавшихъ отъ государственной церкви, раскольниковъ и еретиковъ. Такое обнаруженіе вѣры, конечно, имѣетъ весьма мало общаго съ тѣмъ глубокимъ внутреннимъ актомъ, который происходитъ въ душѣ вѣрующаго человѣка, когда онъ, исполненный единенія съ Богомъ въ духѣ и истинѣ, исповѣдуетъ законъ правды подвигомъ любви, мученичества или самоотверженія. Такого исповѣданія самое „вѣрующее“ государство дать не можетъ уже потому, что у него, какъ внѣшняго политическаго союза, нѣтъ ни души, ни сердца, ни святости, ни грѣха, но каждый даетъ, что можетъ, и служеніе мечомъ и силой здѣсь признается достаточнымъ для того, чтобы сообщить характеръ

праведности власти, а съ ней вмѣстѣ и государству. Въ христіанствѣ такое сочетаніе представляется еще болѣе интереснымъ не только потому, что здѣсь дѣло идетъ о религіи любви и мира, но и въ силу того, что по ученію церкви нельзя спастись, не принявъ крещенія и не будучи причастнымъ таинствамъ, сообщающимъ дары благодати. Крестить и причащать св. тайнъ, однако, можно только людей, но не государство. Такимъ образомъ государство, даже состоящее изъ крестьянъ, само оказывается некрещенымъ. Это обходится тѣмъ, что государство отождествляется съ властями или начальствомъ, а послѣдніе съ тѣми людьми, которые управляютъ различными должностями. Исповѣданіе властвующихъ почитается за исповѣданіе самого государства.

Но даже такое исповѣданіе неминуемо сопряжено съ цѣлымъ рядомъ весьма существенныхъ неудобствъ. И въ историческихъ судьбахъ своихъ это въ достаточной степени испытали различные христіанскія государства. И прежде всего весьма пагубно отразилась на государствѣ та взаимная связь, которая установилась между религіозной догмой и политическимъ строемъ. Всякое потрясеніе въ одной области неизбежно отражается и на другой. *Всякая борьба за религіозную истину принимаетъ характеръ политической, партийной борьбы.* Всякій метафизическій споръ о единосущности или единоподобіи Отца и Сына, объ отношеніи божескаго и человѣческаго естества въ Спасителѣ, объ единствѣ Его воли, объ истинномъ характерѣ не только Христородицы, но и Богородицы, объ исхожденіи Духа Святого, все это неминуемо приводитъ къ раздорамъ и междуусобіямъ, къ бунтамъ и возмущеніямъ. Аріане не желаютъ признавать законной власти афанасіанъ, монофелиты—православныхъ или монофизитовъ, приверженцы эфесскаго собора—сторонниковъ халкедонскаго и т. д. И заинтересованная въ своей собственной безопасности и въ общемъ порядкѣ власть неминуемо вмѣшивается во все эти раздоры, прибѣгаетъ къ принужденію, переходитъ отъ одной догмы къ другой, компрометируетъ себя и препятствуетъ спокойному и объективному обсужденію вопроса. И такъ было не только въ Византіи, гдѣ громадная имперія

заплатила своимъ существованіемъ за ревностное участіе въ догматическихъ спорахъ, но и на западѣ, гдѣ не только протестантская, но и католическая реформація сопровождались серьезнѣйшими политическими потрясеніями, войнами и междоусобіями. И даже въ новое время, когда значительно ослабѣла связь между церковью и государствомъ, провозглашеніе догмата непогрѣшимости папы повлекло за собой цѣлый рядъ политическихъ осложненій въ современной Германіи. *Государство, опирающееся на религію и догматы, естественно страдаетъ отъ всякаго его преобразования и переменны.*

Исповѣдывать вѣру—значить вмѣстѣ съ тѣмъ почитать ту или иную церковь. Такая церковь становится не только тѣломъ Божиимъ, но и государственной корпораціей съ привилегіями, вольностями и правами. Государство надѣляется ее своей властью. И, опираясь на свое высшее призваніе, она пользуется этой властью, какъ чѣмъ-то ей присущимъ и принадлежащимъ ископи. Такъ, даже государству подчиненная, государствомъ опекаемая церковь обладаетъ чрезвычайной способностью въ силу своего божественнаго источника *стать государствомъ въ государствѣ*, использовать свои богатства, власть и авторитетъ въ свою собственную пользу. Такъ, уже въ Византіи создалось своего рода восточное папство въ константинопольскомъ патріархатѣ, при помощи западной священной имперіи Карла Великаго, папство изъ подчиненной государству силы стало всемірной теократіей, изъ французской галиканской церкви выросъ французскій клерикализмъ, и то же совершилось и въ другихъ странахъ. Даже въ Россіи, гдѣ по византійскому образцу церковь находилась въ полномъ подчиненіи государству, при патріархахъ, въ особенности при Никонѣ, мы находимъ попытку провозглашенія верховенства церкви надъ государствомъ. И въ такомъ оборотѣ дѣла нельзя не видѣть нѣкоторой принципиальной логичности, ибо если власть опирается на Бога, а пользование свѣтской властью со стороны духовной считается допустимымъ, то церковь во всякомъ случаѣ стоитъ ближе къ Богу, какъ источнику власти, чѣмъ государство, а слѣдовательно и обладаетъ первенствомъ передъ государствомъ и въ самомъ

ея осуществленіи. *Борьба государства и церкви—неизбѣжный результатъ такого порядка, а послѣдствіи такой борьбы—необходимая плата государства за его пользованіе религіознымъ чувствомъ въ политическихъ цѣляхъ.*

Еще больше приходится государству платить за церковную поддержку въ области сохраненія единства вѣры, защиты правовѣрія и преслѣдованія иновѣрцевъ и еретиковъ. Здѣсь государству приходится прямо обращаться противъ своихъ собственныхъ интересовъ. *Религіозныя преслѣдованія—довольно дорогая вещь.* Приходится отрывать отъ дѣла и судить массы еретиковъ и схизматиковъ, подвергать ихъ заключенію, пыткамъ и казни, въ лучшемъ случаѣ изгонять ихъ изъ государства, приходится этимъ путемъ терять способныхъ ремесленниковъ и промышленниковъ, а съ ними и значительные государственные доходы. И такую потерю не всегда возможно возмѣстить даже конфискаціей имущества иновѣрцевъ и еретиковъ. Многихъ и многихъ такихъ способныхъ людей лишилась Византія при своемъ безжалостномъ истребленіи язычниковъ и еретиковъ; цѣлыя области были опустошены на западѣ во время альбигойскихъ религіозныхъ войнъ; навсегда обезплодила свою промышленность и торговлю Испанія при помощи святаго инквизиціи, изъ Франціи во время преслѣдованія гугенотовъ ушли въ сосѣднія страны наиболѣе трудолюбивые и просвѣщенные элементы; къ полному разоренію страны и ея обезлюденію привела тридцатилѣтняя война въ Германіи; къ переселенію въ Америку были принуждены религіозной нетерпимостью лучшіе умы Англии; вѣковой отсталостью платится Россія за преслѣдованіе иновѣрцевъ. Неудивительно теперь, что съ появленіемъ сколько-нибудь здоровой экономической политики и финансовой системы преслѣдованія еретиковъ и иновѣрцевъ были сочтены весьма убыточной роскошью государственной религіозности, и отъ нетерпимости рѣшено было перейти къ терпимости, хоть и съ ущербомъ для государственной вѣры.

§ 5. Религіозная эманципація государства.

Какъ очевидно, для предотвращенія тѣхъ бѣдствій, которыя влечетъ за собой слишкомъ тѣсная зависимость государства отъ религіи, надо было найти способъ, который, лишая свѣтской власти религіозной поддержки, въ то же время гарантировалъ бы ее отъ слишкомъ большихъ потерь во имя государственнаго исповѣданія вѣры. Иначе „исповѣданіе вѣры“ становилось невыгоднымъ и вмѣсто пользы приносило вредъ. Подобный способъ и былъ въ дѣйствительности найденъ. Онъ былъ примѣненъ прежде всего въ формѣ такъ называемаго *полицейскаго государства*, нашедшаго одинаково приютъ и подѣ сънью просвѣщеннаго абсолютизма и революціонной диктатуры во Франціи. Его сущность состояла въ посягательствѣ на самое содержаніе религіи, на духъ, ее проникающій. *Религія должна была остаться*. Ибо печѣмъ было замѣнить понятіе карающаго и милующаго Божества, столь необходимаго для обуздавія пороковъ и своевольства, а также для смигченія земной нужды и горя. Могла остаться въ крайнемъ случаѣ и христіанская церковь, столь нужная для темныхъ массъ и давно уже чуждая просвѣщеннымъ жрецамъ полицейскаго государства. *Но у религіи должно быть вырвано ея жало*. И если религія до сихъ поръ являлась лишь скрытымъ орудіемъ государственной власти, то отнынѣ она должна открыто стать тѣмъ, о чемъ давно мечтали раціональные политики—мистическимъ придаткомъ къ государству, могучимъ средствомъ воспитанія добрыхъ гражданъ и патріотовъ, апофеозомъ государственнаго Левіаѳана и не больше. И хотя съ одной стороны для невѣжественной массы въ отсталыхъ государствахъ (Австрія, Баварія, Пруссія, Россія) сохранялся христіанскій ритуаль, организація и дисциплина, но въ передовыхъ странахъ (Франція) уже становилась явной истинная сущность вѣры, прикрытая различными „предразсудками“,—и это естественная религія разума и природы, давно воспринятая высшимъ классомъ общества. Такая религія прекрасно была формулирована Руссо: „Догмы гражданской религіи должны быть простыми, немногочисленными,

возмѣщенными въ точныхъ выраженіяхъ, безъ разьясненій и комментарий. Существованіе могущественнаго, благодѣтельнаго божества, обладающаго предвидѣніемъ и провидѣніемъ, жизнь будущаго вѣка, блаженство праведныхъ и наказаніе злыхъ, святость общественнаго договора и законовъ, — вотъ и всѣ положительныя догмы“. Христіанство здѣсь совершенно устранено.

Осуществленіе идеала „естественной“, „гражданской“, а вѣрнѣе государственной и полицейской религіи въ разныхъ странахъ было проведено различно. И какъ ни далеко, казалось-бы, стоитъ римское католичество отъ подобнаго идеала, однако и оно фигурировало въ Австріи и Баваріи въ качествѣ такой просвѣщенной морали, насаждаемой при помощи полицейскаго принужденія. И если нельзя было изъ этого исповѣданія за одинъ пріемъ выбросить всю его вѣками сложившуюся мистическую основу, лишитъ церковь ея стройно организованной іерархіи, а церковно-христіанскую мораль— характера богодухновеннаго ученія, то возможно было такъ истолковать всѣ эти метафизическія, мистическія, моральныя и ритуальныя положенія, чтобы съ виду оставалась единая римско-католическая и апостольская церковь, а съ другой подъ ея вѣщиностью дѣйствовалъ-бы беззанимочный аппаратъ казеннаго патріотизма, государственной благопадежности и всяческой полиціи, начиная съ разведенія племенного скота и кончая ловлей бродягъ и контрабанды. При Иосифѣ II совершилось это удивительное дѣло очищенія и приспособленія католичества къ предписаніямъ естественной вѣры, причемъ въ основу здѣсь было напередъ положена мысль, что если бы въ католичествѣ „находился хоть единственный принципъ, который слишкомъ бы касался верховной власти или вообще не подходилъ къ видамъ мудраго правительства“, то эта религія „въ вѣчному несчастію человѣчества“ „вовсе не могла бы быть принята государствомъ“. „Намѣреніе Искупителя“ толкуется въ актахъ іозефинизма такимъ образомъ, что „все, что идетъ противъ общаго блага, что задерживаетъ его успѣхи, что перекрещиваетъ пути повелѣніямъ государя, изданнымъ въ цѣляхъ возрастанія блаженства подданныхъ, — все это не

можетъ считаться хотя-бы частью христіанской религіи“. И отсюда *полное отождествленіе грѣха и государственнаго преступленія, неповиновенія Богу и сопротивленія начальству.*

Совершенно подобное находимъ мы и въ другихъ католическихъ государствахъ эпохи просвѣщенія. *Въ наполеоновской Франціи* на первый планъ выдвигаются „неразрывныя связи, которыя объединяють служителей культа съ интересами отечества“, именно въ интересахъ отечества должны они пользоваться своей „силой и властью надъ человѣческими душами“. „Богъ мира“, смотря по надобности, превращается въ спеціально французскаго „Бога арміи“, который „сражается вмѣстѣ съ тѣми, кто защищаетъ независимость и свободу Франціи“, „счастье отечества и счастье человѣчества по-прежнему дѣлаются основой отношенія государства къ религіи“, которая въ свою очередь уже хранить въ себѣ не „тайну воплощенія, но тайну соціального порядка“. И если съ одной стороны, именно религія научаетъ каждаго гражданина обязанности „принести свою жизнь въ жертву своему государю и отечеству“, то, съ другой стороны, „она водворяетъ на небѣ идею равенства, этимъ на землѣ мѣшаетъ бѣдняку зарѣзать богатаго“ и становится видомъ „предохранительной прививки“ отъ нашей „страсти къ чудесному“. Кажется, нельзя выразиться болѣе опредѣленнымъ и вмѣстѣ циническимъ образомъ. По этой схемѣ *религія прямо становится оболочкой для казармы и полицейскаго участка*, а едипственнымъ благимъ результатомъ крестной смерти Спасителя оказывается преуспѣяніе наполеоновскаго штыка и имъ обоснованнаго „счастья отечества“...

Нечего говорить, что *Баварія* эпохи Максимилиана-Госифа IV, имѣя передъ собой столь поучительные образы, не замедлила отождествить „принципы публичнаго права“, „духъ христіанства“ и „промышленность“. И здѣсь всѣ стороны религіозной и церковной жизни были надлежащимъ образомъ объединены съ свѣтской, „въ томъ-же духѣ и въ томъ-же направленіи, хотя и въ различномъ полѣ дѣйствія“, и въ „дирекціи“ государственной власти оказались не только промышленность, но и религія; само собой разумѣется, что руково-

дять этой столь благодѣтельной опорой нравственнаго порядка и культуры, „удалить изъ религіи все, что только можетъ ослабить ея дѣйственное вліяніе на благополучіе... подданныхъ“ или при помощи „невѣрія и суевѣрія“ его „разрушить“—возможно не иначе, какъ при помощи непосредственнаго воздѣйствія на дѣла вѣры и церкви, или, иначе говоря, „духовной полиціи“...

И до какой степени была безразлична та или иная исторически сложившаяся историческая религія, какъ матеріалъ для изготовленія государственнаго исповѣданія или „естественной“, „гражданской“ религіи, показываетъ хотя-бы тотъ фактъ, что совершенно тѣ-же принципы, которые примѣнялись въ строго-католическихъ государствахъ, мы находимъ въ странахъ съ протестантскимъ и православнымъ исповѣданіемъ. Образомъ перваго является *Пруссія* Фридриха II, образомъ втораго—*Россія* Петра Великаго и Екатерины II. Въ прусскомъ земскомъ правѣ цѣликомъ выражены фридриціанскія начала, здѣсь прямо государству приписывается власть запрещать тѣ „религіозныя принципы“, которые противорѣчатъ основной цѣли всякаго „церковнаго общества“, формулированной въ законѣ; она же состоитъ въ томъ, чтобы „внѣдрить въ своихъ сочленахъ благоговѣніе по отношенію къ Божеству, послушаніе относительно законовъ, вѣрность по отношенію къ государству и нравственно-добрыя чувства по отношенію къ согражданамъ“. Какъ очевидно, здѣсь никто другой, какъ свѣтская власть, судить о томъ, исполняютъ-ли „церковное общество“ свою цѣль, и только государство „послѣ утвержденія“ придаетъ церковнымъ правиламъ силу, „равную другимъ полицейскимъ законамъ“.

Въ *Россіи* же духовный регламентъ устанавливаетъ вмѣсто церкви духовное правительство, дѣйствующее „на добро общее повелѣніемъ самодержца“, отъ котораго „не опасатися отечеству мятежей и смущенія“; такое правительство ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ установленій не отличается: „коллегіумъ-же правительское подъ державнымъ монархомъ есть и отъ монарха установлено“; оно учреждено „на пользу державы“ и приставлено къ „именнымъ нѣкимъ дѣламъ, часто

или всегда въ отечествѣ бываемымъ“; „крайнимъ Судией“ коллегіи является самъ монархъ, а величайшей обязанностью „духовныхъ служителей и управителей“ служеніе государству: „проповѣдали-бы проповѣдники твердо, съ доводовъ священнаго писанія о покаяніи, о направленіи житія, о почитаніи властей, паче-же самой высочайшей власти царской о должностяхъ всякаго чина; истребляли-бы суевѣріе; вкореняли-бы въ сердца людскія страхъ Божій“ и т. п. И эти начала утвердились на много лѣтъ въ славянской имперіи, гдѣ послѣдующіе акты всесторонне развили институтъ духовной полиціи, въ силу котораго управа благочинія „миръ и тишину православной церкви охраняеть, слѣдитъ за исполненіемъ обрядовъ“, ибо „главная обязанность гражданина есть религія“, и пресѣкаетъ въ области вѣры „всякіе всѣмъ соблазны, не въ видѣ ересей, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка“, или развитіе „явнаго соблазна, нарушающаго общій порядокъ и спокойствіе“.

Каковы-же результаты указанной здѣсь системы католической, протестантской и православной духовной полиціи, построенной при помощи „естественной“ или „гражданской“ религіи. Они въ своей сущности во всѣхъ указанныхъ странахъ одинаковы. Догматическое ученіе той или иной церкви осталось болѣе или менѣе неприкосновеннымъ. Съ точки зрѣнія полицейскаго государство это было въ значительной степени мелочами, вещь второстепенной, которая не имѣла особеннаго значенія, разъ только въ катехизисъ можно было ввести и къ нему прибавить догматъ о священномъ верховенствѣ, непогрѣшимости и великомъ достоинствѣ абсолютнаго государства и его принципа. И разъ это было гарантировано и религія сливалась съ государственной благонадежностью— все было сдѣлано, и по существу государство не дѣлало особыхъ различій между исповѣданіями. Отсюда и возможность нѣкоторой, весьма своеобразной, *терпимости полицейскаго государства*. Говоря словами Фридриха Великаго: „каждый можетъ спастись на свой фасонъ“, и если неохотно допускаются новыя и еретическіе культы, то, во-первыхъ, потому, что совершенно не испытана ихъ пригодность съ точки зрѣнія

государствомъ водворяемаго блаженства, во-вторыхъ, за ними труднѣе услѣдить, а въ-третьихъ, допущеніе такихъ культовъ поощрить ихъ массовое появленіе, а слѣдовательно приведетъ къ нарушенію единообразія и порядка. Но съ другой стороны каждое господствующее-ли или просто терпимое исповѣданіе должны быть безусловно подчинены государству и его цѣлямъ, ихъ іерархіи объявляется состоящей на государственной службѣ, вся дѣятельность духовныхъ властей подчиняется самому мелочному и внимательному контролю и опеку со стороны свѣтской власти, и правительство по своему усмотрѣнію не только готовить, назначаетъ, смѣняетъ, судить и увольняетъ духовныхъ лицъ, но и пользуется ими какъ государственными органами для своихъ надобностей, ничего общаго съ религіей не имѣющими; такъ черезъ священниковъ и при ихъ активномъ содѣйствіи производится ловля бродягъ и правдошатающихъ, умиряются мятежи и бунты (особенно крѣпостныхъ крестьянъ), организуется надзоръ за арестантами, предупреждаются эпидеміи, совершаются казни, пропагандируются улучшенные способы земледѣлія, производится сыскъ въ области государственной благонадежности и т. п. И если главной задачей духовенства остается дѣятельность педагогическая, то какъ очевидно, на подобіе всякаго иного органа полиціи, оно обязано содѣйствіемъ всякому другому органу того-же государства, будь то тюремщикъ, сыщикъ или заплечныхъ дѣлъ мастеръ. Такъ *духовная полиція входитъ въ общей составъ исполнительныхъ органовъ государства и становится орудіемъ „общаго блага“...*

Можетъ показаться при взглядѣ на полицейскую систему естественной религіи, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ величайшимъ религіозно-политическимъ переворотомъ, который неминуемо долженъ былъ привести къ революціонному подъему. Подобное явленіе находимъ мы однако въ одной лишь Франціи въ донаполеоновскій періодъ, гдѣ дѣйствительно въ виду непреоборимой враждебности новому строю со стороны католическаго духовенства была сдѣлана попытка предложить официально *„религію разума“*. Въ другихъ странахъ дѣло обошлось значительно проще; и, несмотря на ожесточенное под-

часъ сопротивленіе части духовенства, остальное охотно пошло на встрѣчу свѣтской власти и примиряло догму той или иной отероженной религіи съ практикой „естественной“ и „разумной“ полиціи. Болѣе того въ такихъ государствахъ сохранилась въ значительной степени религіозная исключительность, ибо въ одномъ мѣстѣ католичество, а въ другомъ протестанство или православіе были возведены въ значеніе единой истинно-государственной, патріотической и разумной вѣры; всѣ-же ереси оказались безуміемъ и бунтомъ. Людямъ просвѣтительной эпохи такое рѣшеніе задачи казалось идеальнымъ и окончательнымъ. На дѣлѣ это было не такъ. И не только потому, что этимъ путемъ порождалось колоссальное противорѣчіе между мистическимъ существомъ вѣры и ея полицейскимъ извращеніемъ. Но духовенство, объединенное и окрѣпшее на государственной службѣ, воспитанное въ государственной школѣ и просвѣщенное въ свѣтскомъ духѣ могло преклониться лишь передъ дѣйствительно сильнымъ государствомъ. Стоило однако революціи расшатать устои властнаго абсолютизма, и церковь немедленно воспользовалась своимъ могуществомъ для того,—чтобы очистить въ свою очередь догму отъ принциповъ естественной религіи, а іерархію—отъ рабства передъ свѣтской властью. И государству, если оно нуждалось въ поддержкѣ религіи, пришлось снова мѣнять свою тактику.

Въ эпоху реакціи начала XIX в. какъ разъ государство очутилось на положеніи слабѣвшей стороны. Потрясенное сначала наполеоновскимъ нашествіемъ, а затѣмъ рядомъ революціонныхъ взрывовъ, оно естественно искало въ церкви опоры и оправданія. И это было тѣмъ болѣе цѣлесообразно, что разочарованіе въ политическихъ идеалахъ и усталость послѣ сильнаго общественнаго подъема бросило широкіе слои населенія въ объятія романтики и мистицизма. И церковь воистину не отказала въ своей поддержкѣ потрясеннымъ тронамъ. Католическій клерикализмъ и протестантскій піетизмъ, православная аскеза и сектантская мистика—все объединилось въ стремленіи укрѣпить низвергнутые авторитеты и ослабѣвшую власть. И государство должно было за это заплатить. Изъ

полицейскаго католическаго, протестанскаго или православнаго съ обожа́ніемъ „естественнаго“ государственнаго суверинитета оно должно было стать и дѣйствительно превратилось въ „христианское“. Такая формула представляла много удобствъ. Она лишала государство узко - конфессіональнаго характера и вмѣстѣ съ тѣмъ давала ему религіозно-нравственный ореоль. Уже не исповѣданіе положительной „вѣры“ требуется отъ государства, но только нѣкоторой, проникнутой „христианствомъ“ морали. Это значительно шире, свободнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне допускаетъ терпимость по крайней мѣрѣ „христианскихъ“ исповѣданій, притомъ не только крупныхъ церковныхъ обществъ, но и нѣкоторыхъ сектъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ власть въ глазахъ вѣрующихъ лишается своего грубаго, матеріальнаго характера; она стремится въ противоположность революціоннымъ домогательствамъ не къ земному только благу, она основываетъ свои требованія на христианско-любовномъ отношеніи къ подданнымъ, она не можетъ быть и подчинена холодной мѣрѣ рачіональнаго расчета, взаимной выгоды или корысти. И если она даже больше беретъ у подданныхъ, чѣмъ даетъ, то это только кажется, т. е. самымъ подчиненіемъ ей уже покупается великое благо нравственнаго порядка, вершина котораго покоится на христианскихъ побесахъ.

Согласно пресловутому акту священнаго союза, объединившаго католическаго, протестанскаго и православнаго монарховъ тогдашней Европы, въ основу христианскаго государства положены „высокія истины, внушенныя вѣчнымъ закономъ Бога Спасителя“, заповѣди „святой вѣры“, „любви, правды и мира“; такъ создается соединеніе христианскихъ государствъ въ „единый народъ христианскій“, „единое семейство“. Такое христианское государство внутри отмѣчается по ученію своего главнаго теоретика (Штала) слѣдующими чертами: кромѣ любви и гуманности, проникающими его дѣятельность, оно признаетъ божественныя полномочія власти, святость историческихъ, по Божьему соизволенію установившихся, правъ, божественный планъ расчлененія сословій и въ силу этого требуетъ христианскаго исповѣданія для государственныхъ чиновниковъ, поддерживаетъ христианскій поря-

доть брака и семьи, христіанскіе нравы и публичную благопристойность; отношеніе государства къ церкви опредѣляется началами единства и гармоніи, причемъ *христіанство становится государственной религіей*, опредѣленная церковь, сохраняя нѣкоторое самоуправленіе, становится публичнымъ (государственнымъ) учрежденіемъ, ея служители и культъ пользуются государственными привилегіями; терпимость осуществляется лишь постольку, поскольку государство имѣетъ дѣло съ христіанскими сектами (признающими апостольскій символъ и чудеса); и хотя никакого преслѣдованія за вѣроотступничество и ересь не полагается, однако съ одной стороны не допускается существованіе деистическихъ или атеистическихъ сектъ, а нехристіане, въ частности деисты и евреи, лишаются права государственной службы и участія въ народномъ представительствѣ; и послѣдняя мѣра принимается только потому, что иначе можетъ получить преобладаніе нехристіанскій образъ мыслей или установится представленіе равноцѣнности христіанства и нехристіанства. 14 статья прусской конституціи слѣдующимъ образомъ формулируетъ общіе принципы „христіанскаго“ государства: „Христіанская религія полагается въ основаніе при тѣхъ установленіяхъ государства, которыя стоятъ въ связи съ отправленіемъ религіи“.

Христіанское государство, созданное, по выраженію Наполеона, „союзомъ государей противъ ихъ народовъ“, могло существовать лишь весьма непродолжительное время. И какъ только утвердилась новая форма конституціоннаго и представительнаго строя, государственная власть предпочла опереться непосредственно на широкія массы населенія, а не на церковь, которая отнюдь не была склонной жертвовать собою государству. Въ виду этого вмѣстѣ съ лозунгомъ такъ называемаго *правового государства* родилась и довольно устойчивая *тенденція къ освобожденію государства отъ какаго-бы то ни было религіознаго исповѣданія*. Это было тѣмъ необходимѣе, что интересы общества и государства потребовали не только терпимости, но и полной свободы вѣроисповѣданія и равныхъ правъ для всѣхъ гражданъ,

независимо отъ ихъ религіозныхъ убѣжденій. Впервые только правовое государство возвратилось, можно сказать, къ самому себѣ, нашло свою истинную родину, стало „политическимъ“, а не „религіознымъ“. Конечно, это совершилось, какъ совершается и все въ общественной средѣ, не сразу, и не путемъ механической операціи, которая радикально ампутируетъ тѣ или иныя образованія и формы. Какъ мы уже видѣли выше, въ идеологической основѣ современной государственности тамъ и здѣсь неизбѣжно проскальзываютъ религіозныя формулы, христіанскіе девизы и обращенія. Но всѣ эти пережитки вмѣстѣ съ нѣкоторыми церемоніями и обрядами уже обозначаютъ далеко не то, что было раньше. Сами формулы получили нѣкоторый отвлеченный деистическій характеръ, среди исповѣданій вѣры открыто допущенъ атеизмъ, бракъ, благодаря его гражданскимъ формамъ, принялъ чисто свѣтскую государственную форму, изъ школы постепенно исчезаетъ вѣроисповѣдныи элементъ, присяга замѣняется торжественнымъ обѣщаніемъ, а церковь, которая въ нѣкоторыхъ, болѣе отсталыхъ, государствахъ еще носитъ характеръ единой привилегированной корпораціи, въ другихъ дѣлитъ эти преимущества съ основными важнѣйшими даже нехристіанскими исповѣданіями, а въ третьихъ становится наконецъ на положеніе частнаго сообщества, подобно всякому обществу вообще.

Этотъ процессъ, взятый въ цѣломъ, нельзя не считать своеобразной эманципаціей государства отъ религіи въ самомъ его государственномъ составѣ. Это — *процессъ внутренняго освобожденія государства, очищенія его отъ чуждыхъ и постороннихъ примѣсей* и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенной рационализаціи его идеологіи, перехода отъ мистическихъ идей и чудовищныхъ образовъ къ языку юриспруденціи и науки. *Государство становится человѣческимъ и свѣтскимъ*, царствомъ отъ міра сего, а слѣдовательно подлежащимъ воздѣйствію простаго человѣческаго разума въ столь-же необходимыхъ человѣческихъ интересахъ. Этотъ процессъ вызываетъ ужасъ и смятеніе въ рядахъ фанатичныхъ приверженцевъ великой ортодоксіи. И здѣсь сходятся одинаково католики и православные, лютеранскіе ортодоксы и кальвинисты. „ИндиFFE-

рентизмъ есть самая опасная форма враждебности къ религіи — провозглашаетъ православный канонистъ (проф. Бердниковъ), „Государство становится апостатомъ“, „такъ выростетъ по-вольніе, которое достигнетъ исключительнаго отчужденія отъ Бога и одичанія“, такъ восклицаетъ протестантъ, проникнутый идеями „христіанскаго государства“ и предвѣщаетъ наступленіе „тираніи атеизма“ (Тиршъ). И достойно завершаетъ эти мнѣнія пресловутый „Syllabus errorum aetatis nostrae“ папы Пія IX, гдѣ среди *проклятыхъ заблужденій* нашего времени значится весь цѣль положеній, характеризующихъ собой новое, лишенное исповѣданія, свободное, свѣтское и правовое государство.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. А. Рейснеръ.

НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ВЪ ДѢЛѢ ОРГАНИЗАЦІИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРОДОВОЛЬСТВІЯ.

Октябрьская революція, которая принесла съ собой всеобщую ломку въ политической и хозяйственной жизни страны, привела и въ области продовольственного дѣла къ его коренному переустройству.

Продовольственный кризисъ, который уже давно разразился надъ страной, былъ съ самаго начала предметомъ заботъ правительственной власти. Старый режимъ своими неумѣлыми и бессмысленными мѣропріятіями въ конецъ дезорганизовалъ хозяйственную жизнь Россіи. Принявъ тяжкое наслѣдство стараго режима, Временное Правительство дѣятельно принялось за организацію продовольственного дѣла, стремясь смягчить острый продовольственный кризисъ.

Во главѣ всего продовольственного дѣла было поставлено Министерство Продовольствія. При Министерствѣ Продовольствія подъ предѣдательствомъ Министра Продовольствія состоялъ Общегосударственный Продовольственный Комитетъ.

Въ основѣ этого Общегосударственного Комитета лежалъ принципъ коалиціи. Въ составъ его входили: 4 уполномоченныхъ отъ И. К. Государственной Думы, семь представителей Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, семь отъ Всероссійскаго Крестьянскаго Союза, по четыре отъ Всероссійскаго Союза Городовъ и Земствъ, шесть отъ кооперативовъ, три отъ Военно-Промышленнаго Комитета, три отъ

Совѣта Съѣздовъ промышленности и торговли, одинъ отъ Совѣта Всероссийскихъ кооперативныхъ Съѣздовъ и два отъ сельско-хозяйственной налаты. Тотъ-же принципъ коалиціи проводился и на мѣстахъ.

Въ составъ Губернскихъ Продовольственныхъ Комитетовъ, которые стояли во главѣ продовольственнаго дѣла въ данной губерніи, входили: три представителя отъ Губернскаго Земскаго Собранія, 3 представителя отъ Городской Думы губернскаго города, по одному отъ мѣстнаго отдѣленія Всероссийскаго Земскаго Союза, отъ Союза Городовъ и военно-промышленнаго комитета, по пяти отъ мѣстныхъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и крестьянскаго союза, шесть отъ кооперативовъ и т. д.

Этотъ же коалиціонный принципъ проводился также и въ городскихъ, уѣздныхъ и волостныхъ продовольственныхъ комитетахъ.

Но вотъ 25-го октября коалиціонное Правительство Керенскаго было низвергнуто, и вмѣстѣ съ тѣмъ погибла идея коалиціи, которая проводилась въ нашей общественной и экономической жизни. Новая революція прошла подъ лозунгомъ: „Вся власть Совѣтамъ“ какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ. Этотъ лозунгъ сталъ сразу-же проводиться въ жизнь, и онъ коснулся вскорѣ, не безъ нѣкоторой борьбы, и продовольственнаго дѣла.

Продовольственный вопросъ является настолько большимъ, что къ нему нужно было отнестись съ чрезвычайной осторожностью. Нельзя было ломать старыя учрежденія по государственному продовольствію, не создавъ новыхъ.

И въ первыя недѣли октябрьской революціи создается извѣстный компромиссъ.

Во главѣ продовольственнаго дѣла становится Всероссийскій Продовольственный Комитетъ, въ составъ котораго входятъ, какъ представители большевиковъ, такъ и представители тѣхъ политическихъ теченій нашей демократіи, которые стоятъ лѣвѣе кадетовъ. Но этотъ компромиссъ, эта коалиція, въ средѣ социалистическихъ партій, не могла долго существовать. Она была нежизненна. Ибо ходъ событій октябрьской рево-

люди все глубже и глубже проводилъ въ жизнь лозунгъ: „Вся власть Совѣтамъ“.

Между Всероссийскимъ Продовольственнымъ Комитетомъ и Комиссаромъ по продовольствію происходили все время тренія, которыя перешли въ открытый конфликтъ.

Такой конфликтъ между высшимъ руководящимъ и высшимъ исполнительнымъ органами не могъ не быть чреватымъ по своимъ послѣдствіямъ въ положеніи продовольственного дѣла.

Необходимо было сдѣлать выборъ между двумя борющимися сторонами. И сила вещей, сила создавшихся условій заставили сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы окончательно порвать съ идеей компромисса, и провести въ продовольственное дѣло идею единой, Совѣтской власти. Этого требовала сама жизнь, ибо на мѣстахъ отдѣльные Совѣты уже стали забирать въ свои руки продовольственные органы. Надо было регулировать то новое положеніе, которое создавала жизнь.

Поэтому 14-го января былъ созванъ 3-й Всероссийскій Продовольственный Съѣздъ изъ представителей мѣстныхъ Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ и онъ рѣшилъ дальнѣйшую судьбу продовольственного дѣла въ духѣ октябрьской революціи.

Принципы Совѣтской власти въ дѣлѣ государственнаго продовольствія ярко и опредѣленно проводится въ нижеслѣдующей резолюціи, принятой Съѣздомъ: „Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ по продовольствію по вопросу о созданіи продовольственныхъ органовъ въ центрѣ и на мѣстахъ постановилъ:

1) Продовольственные органы какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ должны быть созданы Совѣтами Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ;

2) Исходя изъ вышеозначеннаго принципа, какъ основного, Всероссийскій Продовольственный Съѣздъ избираетъ Коллегію, которая и составляетъ основное ядро высшаго продовольственнаго центра Совѣтской Республики;

3) Всѣ прочіе продовольственные центры, какъ высшій Продовольственный Совѣтъ, Всероссийскій Продовольственный

Комитетъ, делегація, выбранная на Московскомъ совѣщаніи 28—31 декабря и т. п. организаціи, съ момента созданія означенной коллегіи, упраздняются“.

На основаніи этихъ пожеланій Всероссийскаго Съѣзда Совѣтовъ по продовольствію, для руководства и завѣдыванія дѣлами снабженія организуются въ центрѣ—Всероссійскій Совѣтъ снабженія при Ц. И. К. Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ, Крестьянскихъ и Казачьихъ Депутатовъ, а на мѣстахъ—Отдѣлы снабженія при мѣстныхъ Совѣтахъ Рабочихъ, Солдатскихъ, Крестьянскихъ и Казачьихъ Депутатовъ.

Каковъ-же составъ этихъ органовъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ ярче всего даетъ намъ картину того новаго принципа однородности, который проводится теперь въ жизнь.

Въ составъ Всероссийскаго Совѣта Снабженія входятъ 35 человекъ, при чемъ 29 были избраны Продовольственнымъ Съѣздомъ; такимъ образомъ онъ состоитъ изъ 29 представителей Совѣтовъ; остальные 6 мѣсть, какъ постановилъ Съѣздъ, предоставляются партіи большевиковъ, которая по своему усмотрѣнію можетъ пригласить желательныхъ ей лицъ.

При сравненіи состава Всероссийскаго Совѣта Снабженія съ таковымъ Общегосударственнаго Продовольственнаго Комитета, мы увидимъ, что въ первомъ уже нѣтъ представителей союза городовъ и земствъ, кооперативовъ, а также промышленныхъ и торговыхъ организацій. Онъ исключительно состоитъ изъ представителей Совѣтовъ. По партійному составу своему въ немъ имѣются лишь представители большевиковъ и лѣвыхъ с.-р.

Мѣстные Отдѣлы Снабженія состоятъ при Областныхъ, Губернскихъ, Уѣздныхъ, Городскихъ и Волостныхъ Совѣтахъ.

Что касается организаціи и компетенціи этихъ Отдѣловъ Снабженія, то мы къ сожалѣнію можемъ пока лишь руководствоваться проектомъ, составленнымъ членомъ Всероссийскаго Совѣта Снабженія Малютинымъ, до сихъ поръ не утвержденнымъ высшей властью.

Но, если даже проектъ объ организаціи продовольственнаго дѣла на мѣстахъ въ деталяхъ разоидется съ декретомъ.

который будетъ издавъ по этому вопросу, то, конечно, общій принципъ однородности будетъ оставленъ въ силѣ.

По проекту Малютина въ составъ Губернскихъ Отдѣловъ Снабженія входятъ 18 представителей, избранныхъ Губернскимъ Съездомъ Совѣтовъ, 6 представителей отъ Губернскаго Центра Профессіональныхъ Совѣтовъ, 3 отъ представителей Фабрично-Заводскихъ Комитетовъ и 10 отъ Бюро Эмиссаровъ.

Таковымъ долженъ быть также и составъ Городскихъ, Уѣздныхъ и Волостныхъ Отдѣловъ Снабженія. Разница состоитъ лишь въ количествѣ представителей участвующихъ въ нихъ организацій.

Сравнивая составъ Губернскихъ Отдѣловъ Снабженія съ составомъ Губернскихъ Продовольственныхъ Комитетовъ, мы опять замѣчаемъ отсутствіе первыхъ кооперативныхъ, торговыхъ, промышленныхъ и другихъ буржуазныхъ и мелкобуржуазныхъ организацій.

Такимъ образомъ во главѣ продовольственнаго дѣла становятся отнынѣ однородные по своему составу органы, которые являются какъ бы отдѣлами Центральныхъ и Мѣстныхъ Совѣтовъ, Рабочихъ, Крестьянскихъ, Солдатскихъ и Казачьихъ Депутатовъ. Лозунгъ октябрьской революціи: „Вся власть Совѣтамъ“ — проводится какъ основной принципъ и въ дѣлѣ государственнаго продовольствія.

Кромѣ принципа однородности въ дѣлѣ организаціи государственнаго продовольствія, все болѣе рѣзко и опредѣленно выявляется со времени октябрьской революціи новый принципъ въ дѣлѣ управления государственнаго продовольствія. Это принципъ централизаціи въ области обезпеченія и снабженія населенія предметами первой необходимости.

Коалиціонное Временное Правительство установило твердыя цѣны на хлѣбъ, введя монополію. Но въ то же время оно не имѣло силы установить твердыя цѣны на фабрикаты. Получилось то невыносимое положеніе, послѣдствія котораго мы всѣ переживаемъ. Крестьяне на тѣ деньги, которыя они получаютъ за хлѣбъ, не имѣютъ возможности пріобрѣсти необходимые имъ фабрикаты, какъ то: гвозди, мануфактуру, сапоги, косы и т. п. Поэтому крестьяне съ большой неохотой

продаютъ хлѣбъ и другіе съѣстные продукты, что, конечно, весьма тяжело отражается на дѣлѣ снабженія продовольствіемъ городовъ и потребляющихъ губерній.

Октябрьская революція, низвергнувъ власть буржуазіи, взяла на себя руководство по производству и справедливому распредѣленію фабрикатовъ среди населенія, установивъ при этомъ твердыя цѣны на нихъ.

На пленарномъ засѣданіи 21 Января по вопросу о товарообмѣнѣ, Всероссийскій Продовольственный Съѣздъ постановилъ:

1) въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго снабженія городского населенія хлѣбомъ, сельскаго—предметами промышленности, необходимо введеніе государственной монополіи на всѣ отрасли промышленности и установленія твердыхъ цѣнъ на всѣ предметы первой необходимости.

2) Для этого необходимо энергичное проведеніе въ жизнь рабочаго контроля надъ производствомъ и созданіе въ промышленныхъ центрахъ рабочихъ органовъ, вѣдающихъ съ одной стороны учетомъ производимыхъ продуктовъ, съ другой стороны—распредѣленіемъ ихъ среди населенія.

3) Губернскіе Отдѣлы снабженія, учитывая наличность предметовъ фабричнаго производства въ губерніи, должны представлять свѣдѣнія о результатахъ учета Всероссийскому Соѣзту Снабженія.

4) Распредѣленіе предметовъ первой необходимости на мѣстахъ должно происходить подъ контролемъ мѣстныхъ Соѣзтовъ, слѣдящихъ за соблюденіемъ твердыхъ цѣнъ и пресѣкающихъ спекуляцію.

5) Немедленно реорганизовать „Центроткань“ въ единый центръ „Хлопка, шерсти, льна, ткани и нитокъ“, создавъ его изъ представителей Совѣтскихъ организацій.

6) вмѣстѣ съ тѣмъ Съѣздъ считаетъ необходимымъ, въ интересахъ усиленія нашего товарообмѣна съ границей и предотвращенія расхищенія богатствъ страны,—введеніе государственной монополіи нашего ввоза и вывоза.

На основаніи этого постановленія всѣ текстильно-тканцево-набивныя издѣлія берутся на учетъ, при чемъ фабрично-за-

водскіе комитеты обязаны не выпускать товаровъ безъ разрѣшенія Всероссійскаго Совѣта Снабженія или уполномоченныхъ имъ лицъ.

Установивъ твердыя цѣны на фабрикаты и, взявъ ихъ распредѣленіе среди населенія въ свои руки,—Всероссійскій Совѣтъ Снабженія, будучи автономнымъ въ предѣлахъ своей компетенціи, тѣмъ самымъ входитъ въ самый тѣсный контактъ съ Высшимъ Совѣтомъ Народнаго Хозяйства по тѣмъ вопросамъ, коими вѣдаетъ В. С. Н. Х.

Если мы внимательно рассмотримъ постановленія съѣзда по вопросу о товарообмѣнѣ, то мы увидимъ, что оно приводитъ отчасти въ жизнь тѣ идеи Прудона, которыя онъ высказалъ въ своемъ „Resumé de la question sociale“. Прудонъ въ этой книгѣ стремится доказать, что для реформированія права собственности, необходимо реформировать механизмъ современнаго товарнаго хозяйства.

Движущей силой, которая руководитъ обращеніемъ товаровъ, являются деньги. Денежный капиталъ долженъ утратить свою власть и необходимо установить обмѣнъ товаровъ.

Конечно, побудительныя причины установленія товарообмѣна и самый способъ его осуществленія теперь въ нашей странѣ весьма различаются отъ взглядовъ Прудона на этотъ вопросъ.

Ходъ нашей октябрьской революціи въ дѣлѣ государственнаго продовольствія на вышеозначенныхъ принципахъ не останавливается.

Идеи социализма въ области крупнаго производства проводятся настойчиво. Контроль фабрично-заводскими комитетами есть не что иное, какъ этапъ къ переходу фабрикъ и заводовъ въ руки трудящихся.

Но и въ область народнаго хозяйства все глубже стало проникать поступательное движеніе октябрьской революціи, и оно начинаетъ касаться и вопроса объ измѣненіи системы распредѣленія продуктовъ среди населенія.

На Всероссійскомъ Продовольственномъ Съѣздѣ Совѣтовъ Комиссаръ Шлихтеръ представилъ на разсмотрѣніе Съѣзда свой проектъ о потребительскихъ коммунахъ.

Въ проектѣ указывается на причины, вызвавшія необходимость проведенія въ жизнь закона о потребительскихъ коммунахъ.

„Война“, говоритъ проектъ, „вызванная борьбой между капиталистами изъ-за дѣлежа ихъ грабительской добычи, привела къ неслыханной разрухѣ. Преступная спекуляція и погоня за наживой, особенно въ средѣ богатыхъ классовъ, обострила еще болѣе эту разруху, доведя до мученій голода и безработицы сотни тысячъ и миллионы людей“.

„Необходимость чрезвычайныхъ мѣръ“,—говорится тамъ далѣе—„для помощи голоднымъ и для безпощадной борьбы со спекулянтами побуждаетъ Рабочее и Крестьянское Правительство установить, какъ законъ Россійской Республики, слѣдующія правила:

1) Всѣ граждане государства должны принадлежать къ мѣстному потребительному обществу, объединяющему всѣхъ жителей каждаго населеннаго пункта, а именно: въ городахъ, селахъ, деревняхъ и поселкахъ.

Примѣчаніе: а) въ городахъ и значительныхъ селахъ потребительныя общества могутъ объединять населеніе не всей данной территоріи, а какой-либо части ея, наприм., районъ, кварталъ, улицу или часть ея и т. д.

Примѣчаніе: б) установленіе территоріи потребительнаго объединенія предоставляется Мѣстнымъ Совѣтамъ Рабочихъ, Крестьянскихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, а гдѣ еще такихъ нѣтъ (напримѣръ: въ сельскихъ мѣстностяхъ), Общимъ Собраніямъ всѣхъ потребителей мѣстнаго пункта, имѣющихъ не менѣе 18 лѣтъ отъ роду и находящихся въ моментъ рѣшенія вопроса въ данномъ населенномъ пунктѣ.

Примѣчаніе: в) населеніе хуторовъ или объединяется въ особыя потребительныя общества, охватывающія опредѣленную территорію, или приписывается подворно къ какому-нибудь сельскому потребительному обществу по своему усмотрѣнію.

Примѣчаніе: г) кромѣ территоріальной группировки допускается потребительное объединеніе семей по профессиональнымъ и подворноотчетнымъ признакамъ; наприм.: профессиональныхъ союзовъ или фабрикъ, но съ тѣмъ условіемъ,

что каждая семья ходитъ лишь въ одно какое-либо потребительное общество: или территориальное или профессиональное.

2) Существующія потребительныя общества націонализировуются, обязуясь включить въ свой составъ все населеніе данной мѣстности поголовно. Территорія, подлежащая такому включенію, опредѣляется Мѣстными Совѣтами Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.

3) Каждому потребительному обществу предоставляется автономное право производить закупку и распредѣленіе любыхъ продуктовъ потребленія съ соблюденіемъ слѣдующихъ ограничительныхъ условій:

а) закупка продуктовъ монополизированнаго производства можетъ производиться лишь по твердымъ цѣнамъ, устанавливаемымъ общегосударственнымъ аппаратомъ и лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя указываются общегосударственнымъ планомъ снабженія для территоріи даннаго потребительнаго общества;

б) полученіе продуктовъ изъ-за границы регулируется тѣми ограничительными правилами, которыя могутъ быть установлены для заграничнаго ввоза;

в) распредѣленіе продуктовъ, подвергнутыхъ нормировкѣ въ общегосударственномъ масштабѣ, не можетъ быть выше той нормы, какая устанавливается общегосударственнымъ аппаратомъ.

Примѣчаніе: для удешевленія накладныхъ расходовъ по закупкѣ и перевозкѣ продуктовъ потребительныя общества могутъ вступать въ союзныя объединенія, каковыя располагаютъ всѣми правами, предоставляемыми настоящимъ декретомъ отдѣльнымъ потребительнымъ обществамъ.

4) Каждый членъ потребительнаго общества можетъ покупать продукты только въ томъ складѣ, къ какому онъ приписанъ мѣстнымъ Комитетомъ снабженія.

5) Кромѣ закупки и распредѣленія продуктовъ каждое потребительное общество вѣдаетъ дѣломъ сбыта мѣстныхъ продуктовъ.

6) Продукты эти производителями обязательно сдаются въ мѣстный Комитетъ снабженія по вольнымъ цѣнамъ, за

исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда устанавливаются закономъ твердыя цѣны. Деньги, слѣдующія въ уплату за продукты, записываются на текущій счетъ собственника (онъ-же членъ мѣстнаго потребительнаго общества) въ мѣстномъ (сельскомъ, городскомъ, фабричномъ и проч.) отдѣленіи Народнаго (Государственнаго) Банка.

Примѣчаніе: продукты, подлежащіе обязательной сдачѣ въ мѣстные потребительныя общества, опредѣляются постановленіемъ Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства и опубликовываются въ газетѣ Временнаго Рабочаго и Крестьянскаго Правительства.

7) Перевозка продуктовъ, закупленныхъ мѣстнымъ комитетомъ снабженія, производится лишь по разрѣшительнымъ удостовѣреніямъ мѣстнаго Губернскаго или Областнаго Комитетовъ снабженія.

Далѣе статья 10 гласитъ:

Средства для закупки продуктовъ и на разные операціонныя расходы отпускаются изъ государственной казны въ видѣ безпроцентныхъ возвратныхъ ссудъ. Отчетъ въ израсходованіи этихъ средствъ подлежитъ утвержденію Государственныхъ контрольныхъ органовъ.

Правила отчетности будутъ объявлены особо.

11) Всѣ комитеты снабженія дѣйствуютъ подъ контролемъ и по указаніямъ мѣстныхъ Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.

12) Каждый Совѣтъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ обязанъ составить группы контролеровъ, ревизоровъ и инструкторовъ для содѣйствія населенію въ устройствѣ потребительныхъ обществъ и для провѣрки ихъ отчетности, а равно всего веденія дѣлъ ими.

На основаніи этого проекта Всероссийскій Продовольственный Съѣздъ Совѣтовъ вынесъ слѣдующую резолюцію:

1) Признать своевременнымъ и необходимымъ немедленно приступить къ организаціи потребительскихъ коммунъ, въ цѣляхъ распредѣленія всѣхъ нормированныхъ и монополизированныхъ продуктовъ потребленія.

2) Все населеніе группируется въ коммунахъ.

3) Всѣ существующія потребительныя общества націонализуются.

4) Проведеніе въ жизнь организаціи коммунъ требуетъ немедленной выработки декрета о націонализаціи торговли—всей вообще или по отдѣльнымъ отраслямъ товарообмѣна.

5) Потребительскія коммуны получаютъ оборотныя средства изъ народной казны.

6) Выработка декрета, согласно вышеприведеннымъ принципамъ, поручается Всероссийскому Совѣту Снабженія съ внесеніемъ его на утвержденіе Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

И такъ на очереди дня стоитъ вопросъ о введеніи такого чрезвычайно сложнаго и трудно осуществимаго дѣла, какимъ является вопросъ о потребительскихъ коммунахъ.

Изъ исторіи мы уже знаемъ о попыткѣ коммунизациі потребления.

Въ 1823 г. великій представитель утопическаго социализма Оуэнъ хотѣлъ создать изъ кооперативной общины ячейку будущаго социальнаго строя.

Но если его община въ Нью-Гармони была основана на принципѣ неограниченной свободы, то въ проектѣ Шлихтера выявляется принципъ принудительнаго прикрѣпленія.

Мы не закрываемъ глаза на всю сложность и всю трудность проведенія въ жизнь проекта о потребительскихъ коммунахъ.

Недаромъ великій основатель научнаго социализма Марксъ съ предубѣжденіемъ относился къ идеѣ потребительныхъ обществъ, не видя въ нихъ фундамента для укрѣпленія социалистическаго строя.

„Мы совѣтуемъ“ —гласитъ резолюція, предложенная Марксомъ на Женевскомъ конгрессѣ Интернаціонала, — „рабочимъ обратить гораздо больше вниманія на кооперативное производство, чѣмъ на кооперативныя лавки“.

Кооперативное производство находится еще въ начальномъ періодѣ своего развитія, а потому и проведеніе въ жизнь потребительскихъ коммунъ является нѣсколько преждевременнымъ.

Изъ проекта Шлихтера видно, что мы имѣемъ дѣло съ

отдѣльными публично-правовыми хозяйственными единицами, въ которыхъ принудительно прикрѣпляются граждане Россійской Республики.

Хотя дѣйствительно война и спекуляція довели страну до гибели, обнищанія и голода, то все же мѣры, намѣчаемые даннымъ проектомъ, встрѣтять такія практическія затрудненія, что врядъ ли ихъ можно будетъ провести въ жизнь.

Статья 10-я проекта гласитъ: „Средства для закупки и на разные операціонные расходы отпускаются изъ государственной казны, въ видѣ безпроцентныхъ возвратныхъ ссудъ“.

При нынѣшнемъ катастрофическомъ положеніи нашихъ финансовъ, когда расходы государства предполагаются по бюджету на 1918 г. въ 29 милліардовъ рублей, а доходы исчисляются лишь въ 8 милліардовъ, врядъ ли цѣлесообразнымъ является выбросить нѣсколько милліардовъ рублей на дѣло, осуществленіе и проведеніе котораго въ жизнь наталкивается на серьезныя препятствія.

Проектъ имѣетъ въ виду учредить потребительныя коммуны на всей территоріи Республики. Но установленіе коммунъ должно быть основано на какомъ либо фундаментѣ. Такимъ фундаментомъ являются нынѣшнія кооперативныя организаціи.

На всемъ пространствѣ Россіи имѣлось до 50.000 кооперативовъ. Принимая во вниманіе территорію Республики, такое количество нужно считать весьма ограниченнымъ, и поэтому придется въ громадномъ количествѣ устраивать новыя лавки.

Между тѣмъ для технического оборудованія потребительскихъ коммунъ необходимы, напримѣръ, вѣсы, гири и т. п., которыхъ негдѣ достать, и если можно будетъ достать, то по весьма дорогой цѣнѣ. Это обстоятельство отразится главнымъ образомъ на успѣшности проведенія въ жизнь потребительныхъ коммунъ въ деревняхъ.

Мы не будемъ останавливаться на деталяхъ всего проекта, который также вызываетъ большія сомнѣнія въ смыслѣ цѣлесообразности проведенія ихъ въ жизнь. Мы считаемъ, что сказанное достаточно говоритъ за то, что проведеніе въ жизнь потребительскихъ коммунъ, еще возможное въ городахъ,—въ деревняхъ натолкнется на большія препятствія.

Въ повременной печати появились статьи, критиковавшія лишь отдѣльными части проекта, но въ то-же время привѣтствовавшіе основныя его положенія.

При современномъ слабомъ развитіи у насъ коопераціи, при теперешнемъ экономическомъ состояніи страны, при полномъ отсутствіи необходимыхъ техническихъ средствъ, при катастрофическомъ состояніи нашихъ финансовъ, при неподготовленности къ этому деревенскихъ массъ, при условіи современнаго тревожнаго состоянія страны, при которомъ дѣятельность коммунъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ будетъ всячески тормозиться, проведеніе въ жизнь проекта сейчасъ вызоветъ многочисленныя затрудненія.

Если мы теперь подведемъ итоги того поваго, что было сдѣлано октябрьской революціей въ области государственнаго продовольствія, то мы видимъ, что красной нитью проходитъ три основныхъ принципа, которыхъ эта революція стремится провести въ жизнь.

Это: во-первыхъ, принципъ однородности въ дѣлѣ организаціи государственнаго продовольствія. Центральные и мѣстные продовольственные органы должны быть органами Совѣтской власти.

Во вторыхъ, принципъ централизаціи въ дѣлѣ распределенія не только органическихъ продуктовъ, какъ это было при Временномъ Правительствѣ, но и фабрикатовъ; причемъ надзоръ за правильнымъ распределеніемъ фабрикатовъ возлагается на трудящееся населеніе въ лицѣ фабрично-заводскихъ комитетовъ.

Въ третьихъ, принципъ социализаціи потребленія, путемъ учрежденія потребительскихъ коммунъ вмѣстѣ съ принудительнымъ прикрѣпленіемъ къ нимъ всего населенія.

И если къ проведенію въ жизнь первыхъ двухъ принциповъ страна подготовлена, то это отнюдь нельзя сказать про третій принципъ—принципъ социализаціи потребленія, несмотря на то, что основныя положенія его заслуживаютъ привѣтствія.

М. Смильгъ.

ВОЙНА И ДВИЖЕНІЕ ПРЕСТУПНОСТИ ВЪ 1911—1916 Г.Г.

I.

Вопросъ о паденіи преступности въ связи съ открытіемъ военныхъ дѣйствій и запрещеніемъ продажи питей въ 1914 г. привлекло вниманіе многочисленныхъ изслѣдователей въ самомъ началѣ міровой войны, причемъ, въ большинствѣ случаевъ, имѣлось въ виду доказать благоприятное вліяніе дезальголизаціи населенія на движеніе числа преступленій. Цифровыя данныя за первые полтора или два года войны дѣйствительно указываютъ на несомнѣнное сокращеніе общаго числа возникшихъ дѣлъ, а также подсудимыхъ и осужденныхъ общими и мировыми установленіями. Однако на третій годъ (1916) картина измѣнилась, и, какъ увидимъ далѣе, стали замѣчаться случаи новаго подъема преступной волны въ особенности среди городского населенія, по дѣламъ о кражѣ, а также о преступленіяхъ и проступкахъ, совершенныхъ малолѣтними въ возрастѣ до 17 лѣтъ. Между тѣмъ, данныя о преступности за 1916 г. до сихъ поръ не могли еще подвергаться изслѣдованію, такъ какъ отчетныя вѣдомости могли быть составлены подлежащими судебными органами только въ началѣ 1917 г., а именно въ это время вспыхнула революція, и дальнѣйшія событія совершенно отвлекли общественный интересъ отъ изслѣдованія преступности за послѣдніе годы стараго режима.

Однако преступность населенія вскорѣ дала сама себя

почувствовать весьма остро, и всѣмъ извѣстные, ежедневно повторяющіеся на пространствѣ всей Россіи „экспессы“ уголовного характера (независимо отъ волненій политическихъ или социальныхъ въ собственномъ смыслѣ слова) невольно заставляютъ вновь присмотрѣться къ цифрамъ уголовной статистики, которая хотя отчасти могутъ дать извѣстные указанія по вопросу о томъ, почему, несмотря на осуществленіе политической свободы и связанныхъ съ нею благъ, преступность за послѣднее время развернулась такимъ пышнымъ цвѣтомъ и угрожаетъ еще большимъ развитіемъ въ будущемъ въ связи съ демобилизаціей арміи при глубокомъ разстройствѣ экономической и политической жизни страны. Конечно, цифровыхъ данныхъ за 1917 г. мы не имѣемъ, и эти данные, если онѣ и будутъ впоследствии разработаны, по роду своему едва ли могутъ быть сравниваемы съ цифрами предыдущихъ лѣтъ, вслѣдствіе введенія новыхъ формъ суда, иногда на короткое сравнительно время („временные“ суды) и по другимъ причинамъ. Но во всякомъ случаѣ общій ростъ наиболѣе тяжкихъ преступленій, хотя бы и не зарегистрированныхъ или только частью зарегистрированныхъ въ 1917 г., не подлежитъ сомнѣнію, и вслѣдствіе этого интересно разобраться въ цифрахъ преступности за годы, непосредственно примыкающіе ко времени великой русской революціи.

Для того, чтобы сравнить числа, относящіеся къ преступности періода войны (1914—1916), съ предыдущими данными, мы рѣшили взять данные за 6 лѣтъ съ 1911 по 1916 г. включительно. При этомъ пришлось нѣсколько ограничить территорію наблюденія, взявъ не все пространство русскаго государства, а лишь нѣкоторые избранные районы. Дѣло въ томъ, что, начиная съ 1914 г., уже невозможно, для сужденія о движеніи преступности въ Россіи, пользоваться общими итоговыми цифрами по всей странѣ. Какъ это уже было указано въ замѣткахъ о численности поступившихъ справокъ о судимости ¹⁾, для сравненія дан-

¹⁾ См. Журн. Мин. Юст. за 1915 и 1916 г.г.

ныхъ, относящихся напр. къ 1915 г., съ предыдущими, необходимо выдѣлить тѣ окружные суды, районы которыхъ были заняты непріателемъ (округъ Варшавской судебной палаты и нѣкоторые другіе суды). Кромѣ того, по дѣламъ мировой юстиціи, должны быть изъяты изъ сравненія десять южныхъ губерній, въ которыхъ съ 1914 г. былъ введенъ мѣстный судъ по закону 15 іюня 1912 г., тогда какъ въ остальной Россіи до половины 1917 г. дѣйствовали еще ранѣе установленныя судебно-административныя учрежденія. Работа по вычисленію указанныхъ изъятій, особенно въ связи съ распредѣленіемъ по категоріямъ различныхъ преступленій и подсудимыхъ, повлекла бы за собою большую трату времени, тѣмъ болѣе, что цифровой матеріалъ за 1916 г., по обстоятельствамъ, вызваннымъ условіями военнаго времени, еще не законченъ разработкой ¹⁾. Въ виду изложеннаго, предпочтительнѣе было ограничиться выборкой извѣстныхъ районовъ, преступность которыхъ можетъ представить особый интересъ. Съ этою цѣлью были выдѣлены окружные суды, находящіеся въ крупнѣйшихъ городскихъ центрахъ Европейской Россіи, причемъ оказалось возможнымъ показать отдѣльно движеніе преступности въ главномъ городѣ и въ сельскомъ населеніи, а также взрослыхъ подсудимыхъ и не достигшихъ 17-лѣтняго возраста. Свѣдѣнія эти, несмотря на ограниченность территории, касаются столь значительнаго числа случаевъ за 1911—16 г.г. (до 300.000 возникшихъ у судебныхъ слѣдователей слѣдствій и до 2.000.000 дѣлъ мировой юстиціи), что представляютъ достаточную гарантію въ устойчивости и закономѣрности построенныхъ на нихъ соотношеній и выводовъ.

II.

По степени своей тяжести и общественно-моральнаго значенія заслуживаютъ рассмотрѣнія прежде всего престу-

¹⁾ По отчетнымъ вѣдомостямъ, ежегодно доставляемымъ подлежащими судебными мѣстами и лицами. Что касается листовъ о личности осужденныхъ, то къ разработкѣ ихъ за 1916 г. осенью 1917 г. еще не было приступлено.

пленія, дѣла о которыхъ подвѣдомственны общимъ судебнымъ установлениямъ. Съ этою цѣлью разберемъ въ свѣдѣніяхъ о числѣ дѣлъ, возникшихъ у судебныхъ слѣдователей слѣдующихъ окружныхъ судовъ: Петроградскаго, Рижскаго, Московскаго, Нижегородскаго, Казанскаго, Саратовскаго, Астраханскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Одесскаго ¹⁾). Выдѣлимъ по этимъ судамъ число слѣдствій, возникшихъ непосредственно въ губернскихъ и столичныхъ городахъ въ теченіе 1911—1916 г., и на основаніи этихъ чиселъ составимъ слѣдующую таблицу:

		Годы: 1911	1912	1913	1914	1915	1916
Петроградъ . . .	Общее число возникшихъ слѣдствій . . .	7330	8135	8928	8724	7203	— ²⁾
	Въ относительныхъ числахъ ²⁾	100	111	122	119	98	— ²⁾
Москва	Общее число слѣдствій	7774	8132	8381	7850	8463	11645
	Относит. „ „	100	105	108	101	109	150
Н.-Новгородъ . . .	Общее число слѣдствій	819	865	862	802	550	949
	Относит. „ „	100	106	105	98	68	116
Казань	Общее число слѣдствій	612	637	631	505	404	600
	Относит. „ „	100	104	103	83	66	98
Саратовъ	Общее число слѣдствій	784	725	985	1008	930	1183
	Относит. „ „	100	92	126	129	119	151
Астрахань	Общее число слѣдствій	966	938	952	753	764	1112
	Относит. „ „	100	97	99	78	79	115
Харьковъ	Общее число слѣдствій	1486	1589	1888	1801	1718	2301
	Относит. „ „	100	107	127	121	117	155
Кіевъ	Общее число слѣдствій	3293	3493	3676	3136	2807	3526
	Относит. „ „	100	106	112	95	85	107
Одесса	Общее число слѣдствій	3273	3616	3877	3528	2784	2963
	Относит. „ „	100	110	118	108	85	91
Рига	Общее число слѣдствій	1994	2146	2518	2355	1508	1697
	Относит. „ „	100	108	126	118	76	85
Итого по 9 городамъ ⁴⁾	Общее число слѣдствій	21001	22141	23770	21738	19928	25976
	Относит. „ „	100	105	113	104	95	124

¹⁾ Свѣдѣнія извлечены изъ сводныхъ отчетныхъ вѣдомостей, ежегодно доставлявшихся председателями окружныхъ судовъ, о распредѣленіи возникшихъ слѣдствій по роду ихъ и по мѣсту совершенія преступленій.

²⁾ Принимая число 1911 года за 100.

³⁾ Отчетныя вѣдомости и вся статистическая отчетность по Петроградскому суду уничтожены пожаромъ 28 февраля 1917 г.

⁴⁾ Безъ г. Петрограда.

Общее впечатлѣніе отъ приведенной таблицы таково, что почти во всѣхъ большихъ городахъ Европейской Россіи число возникшихъ слѣдствій довольно равномерно повышалось въ теченіе трехлѣтія 1911—1913 г.г. (какъ и въ предшествовавшіе годы). Затѣмъ, въ 1914 г., съ наступленіемъ войны и запрещеніемъ продажи алкоголя, общее число слѣдствій (во второе полугодіе) замѣтно сократилось и понизилось до минимума въ 1915 г. (минимальный годъ въ шести или семи городахъ изъ 10). Однако, въ слѣдующемъ 1916 году число дѣлъ у судебныхъ слѣдователей не только не продолжало уменьшаться, но, наоборотъ, быстро увеличилось и, въ большинствѣ случаевъ, превысило уровень начального 1911 года, а въ пяти городахъ (Москва, Н.-Новгородъ, Саратовъ, Астрахань и Харьковъ) поднялось до максимума за шестилѣтіе 1911—1916 г.г., такъ что и въ общемъ итогѣ число слѣдствій въ 1916 г. на 24% больше, чѣмъ въ 1911 г., и на 29% выше уровня 1915 года. Въ Харьковѣ, Саратовѣ и Москвѣ число слѣдственныхъ дѣлъ въ 1916 г. даже на 50% и болѣе превышаетъ число 1911 года, при чемъ въ названныхъ трехъ городахъ и цифры 1915 г. выше средней, такъ что вліяніе войны и отрезвленія населенія въ этихъ значительныхъ центрахъ почти совсѣмъ не замѣтно.

По Петрограду свѣдѣній о числѣ слѣдствій (а также подсудимыхъ и осужденныхъ по дѣламъ окружнаго суда) за 1916 г. къ сожалѣнію не имѣется, и они не могутъ быть получены вслѣдствіе уничтоженія ихъ пожаромъ, но, по аналогіи съ другими городскими центрами, надо предполагать, что и въ сѣверной столицѣ обнаружилось приблизительно то же явленіе, т. е. увеличеніе числа преступленій въ 1916 г. Даже въ ближайшей къ Петрограду Ригѣ, на половину эвакуированной уже въ 1915 г. и занятой преимущественно военными элементами вслѣдствіе непосредственной близости непріятеля, тѣмъ не менѣе преступность гражданскаго населенія нѣсколько увеличилась въ 1916 г. по сравненію съ 1915 г., хотя и не могла вернуться къ уровню 1911 г. Въ Петроградѣ минимумъ 1915 г. выразился очень слабо (всего на 2% ниже 1911 года) и поэтому въ 1916 г.

подъемъ числа слѣдствій, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ не ниже средняго для девяти городовъ (24%).

Если таково было движеніе общаго числа возникшихъ слѣдствій въ десяти главнѣйшихъ городахъ Европейской Россіи, то отсюда еще не слѣдуетъ заключать, что и отдѣльные виды преступленій описывали въ 1911—1916 г.г. ту же кривую, какъ общая ихъ сумма: въ движеніи главнѣйшихъ категорій преступности замѣчается существенное различіе отъ средней, какъ можно убѣдиться на основаніи слѣдующей таблицы, представляющей сводку данныхъ по восьми городамъ (Москва, Н.-Новгородъ, Казань, Саратовъ, Астрахань, Харьковъ, Кіевъ и Одесса ¹⁾). Число начальнаго 1911 г. принято за 100, абсолютныя числа, въ цѣляхъ экономіи мѣста и большей ясности таблицы, опущены.

Названія преступленій.	Относительныя числа возникшихъ слѣдствій (въ городахъ).					
	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Политическія преступленія	100	84	46	45	43	41
Убійство	100	113	115	101	94	113
Тѣлесныя поврежденія	100	102	99	74	46	49
Поджоги	100	93	107	106	51	40
Разбой и грабежъ	100	105	110	74	40	48
Кража	100	101	111	104	111	153
Остальныя преступленія ²⁾	100	114	118	115	102	122
Всѣ преступленія ³⁾	100	105	112	102	97	128

Въ приведенной таблицѣ можно различить двѣ группы преступленій: первая группа характеризуется слабымъ увеличеніемъ или даже отсутствіемъ подъема въ 1911—1913 г.г. и засимъ глубокимъ и почти безповоротнымъ пониженіемъ въ 1914—1916 г.г. Сюда относятся политическія преступленія, поджоги, тѣлесныя поврежденія, а также насильственное похищеніе имущества. Вторая группа, включающая въ себѣ

¹⁾ Петроградъ, за отсутствіемъ свѣдѣній по 1916 г., и Рига, вслѣдствіе особой пертурбаціи ея статистической отчетности, благодаря нахожденія почти на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, изъ таблицы исключены.

²⁾ Преимущественно служебныя преступленія, противъ порядка управленія, нарушенія различныхъ уставовъ и друг.

³⁾ Итогъ нѣсколько отличается отъ чиселъ предыдущей таблицы вслѣдствіе исключаенія г. Риги.

убійство, кражу и нѣкоторые другіе виды преступленій, отличаясь повышеннымъ ростомъ въ 1911—1913 г.г., весьма мало была задѣта понижательнымъ вліяніемъ событій 1914—1916 г.г. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно наиболѣе распространеннаго преступленія—кражи въ различныхъ ея видахъ. Число слѣдствій о кражѣ въ 8 городахъ едва замѣтно сократилось въ 1914 г., превышая всетаки уровень 1911 г., въ 1915 г. вернулось къ высотѣ 1913 г., а въ 1916 г. внезапно поднялось до максимума, на 53% выше начального года. Подъемъ этотъ можетъ быть названъ прямо таки колоссальнымъ, если принять во вниманіе, что онъ произошелъ, несмотря на отливъ взрослого мужского населенія на войну и прекращеніе продажи питей, два столь могучихъ фактора въ дѣлѣ уменьшенія преступности. Подобнаго рода фактъ отмѣчается уголовною статистикою впервые, и ни разу не происходило чего либо подобнаго въ исторіи прошлыхъ войнъ, во время которыхъ уже существовала судебная отчетность ¹⁾. Замѣчательно, что необыкновенный подъемъ числа слѣдствій о кражѣ въ 1916 г. произошелъ во всѣхъ восьми городахъ, вошедшихъ въ вышеприведенную таблицу, при чемъ въ семи (исключеніе составляетъ Одесса) на 1916 годъ приходится максимумъ числа дѣлъ о кражѣ за 1911—1916 г.г. Если этотъ поразительный фактъ можетъ быть сравнительно легко объясненъ ростомъ нужды бѣднѣйшей части городского населенія вслѣдствіе общей дороговизны и наплывомъ нищихъ бѣженцевъ, то труднѣе понять одновременное паденіе родственнаго преступленія—разбоя и грабежей, которые въ 1916 г. сократились на 52% сравнительно съ 1911 г., тогда какъ кража возросла на 53%. Объясненіе отчасти можно найти въ томъ фактѣ, что насильственное похищеніе имущества совершается преимущественно мужчинами при томъ въ возрастѣ старше 17 лѣтъ, тогда какъ въ кражѣ (тайномъ похищеніи) значительно больше участіе женщинъ и въ особенности малолѣтнихъ (до 17 л.), преступность которыхъ, какъ увидимъ далѣе, чрезвычайно повысилась въ

¹⁾ См. Журн. Мин. Юст. 1915, іюнь. Вліяніе войнъ на движеніе преступности.

критическіе 1914—1916 г.г. Именно эти элементы (женщины и малолѣтніе) и повысили число дѣлъ о кражѣ, тогда какъ по разбоямъ и грабежамъ преобладающая масса дѣятелей была отвлечена на военную службу.

Что касается менѣе многочисленнаго, чѣмъ кража, но зато наиболѣе тяжелаго преступленія — убійства, то оно, хотя и понизилось въ первые полтора года войны, но очень незначительно и въ 1916 г. повысилось, по примѣру кражи, но далеко не такъ стремительно: на 19% по сравненію съ 1915 г. (кража поднялась на 42% противъ 1915 г.). Убійство и въ особенности дѣтоубійство, какъ было замѣчено и по статистикѣ предшествовавшихъ войнъ ¹⁾, вообще мало поддается задерживающему вліянію ухода мужского населенія на войну, но родственное преступленіе — нанесеніе тѣлесныхъ поврежденій (сюда входятъ и смертельныя поврежденія) сократилось весьма чувствительно — на 54% въ 1915 г. и на 51% въ 1916 г. по сравненію съ 1911 г. Въ данномъ случаѣ можно видѣть вліяніе отмены продажи спиртныхъ напитковъ, подъ вліяніемъ которыхъ ранѣе совершалось не мало дракъ и нанесенія ранъ и увѣчій. Если дезалкоголизация (хотя бы и относительная) населенія не отразилась столь же замѣтно на движеніи числа дѣлъ объ убійствѣ, то, главнымъ образомъ, потому, что убійство преступленіе сложное, вытекающее изъ различныхъ и несходныхъ между собою мотивовъ. Въ особенности мало зависитъ отъ потребленія алкоголя убійство, предумышленное или основанное на корыстныхъ мотивахъ, которое, въ періоды обостренной экономической нужды, можетъ возрасти въ числѣ помимо вліянія алкоголизма.

Два преступленія, о которыхъ мы еще не упоминали, — политическія и поджоги — сравнительно малочисленны, первыя вообще въ населеніи Россіи, а вторыя — въ городахъ. Большой интересъ представляютъ, конечно, государственныя преступленія. Число ихъ, въ 8 городахъ какъ видно изъ таблицы, все время шло на убыль въ теченіе 1911—1916 г.г., и

¹⁾ Журн. Мин. Юст., 1915, іюль.

въ послѣднемъ году на 59% меньше, чѣмъ въ первомъ. Вообще по движенію численности государственныхъ преступленій нельзя было бы судить о возможности столь быстрого и успѣшнаго наступленія революціи. По Петрограду свѣдѣній за 1916 годъ нѣтъ, но и въ 1915 г. число политическихъ дѣлъ въ столицѣ было въ три раза меньше, чѣмъ въ 1911 г. Въ Москвѣ то же явленіе. Уголовная статистика въ данномъ случаѣ не могла бы служить барометромъ политической погоды. Не потому однако, что ея данныя вообще не заключаютъ въ себѣ достаточныхъ элементовъ истины, а потому, что область политическихъ настроеній и конфликтовъ гораздо труднѣе поддается какому либо учету, чѣмъ сфера обычной уголовной преступности, составляющей будничное массовое явленіе, легко подлежащее статистической регистраціи и разработкѣ. Весьма возможны случаи составленія обширныхъ политическихъ заговоровъ или стихійнаго нарастанія недовольства въ народныхъ массахъ, которыя до времени могутъ и не обнаруживаться въ какихъ либо эксцессахъ, дающихъ возможность подлежащимъ органамъ начать дѣло или „вчинить“ обвиненіе.

III.

Приведенныя выше числа относятся однако только къ преступности опредѣленнаго числа городовъ, между тѣмъ городское населеніе въ его цѣломъ составляетъ въ Россіи не болѣе 15 или 20% общей народной массы. Въ виду этого необходимо сопоставить свѣдѣнія о числѣ слѣдствій, возникшихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, съ уже изслѣдованными данными по городской преступности. Съ этой цѣлью возьмемъ число слѣдствій въ уѣздахъ (за исключеніемъ городовъ) въ тѣхъ же восьми окружныхъ судахъ ¹⁾, по которымъ были приведены данныя о преступности большихъ городовъ, при чемъ получается слѣдующая таблица съ рас-

¹⁾ Окружные суды: Московскій, Нижегородскій, Казанскій, Саратовскій, Астраханскій, Харьковскій, Кіевскій и Одесскій.

предѣленіемъ преступленій по роду ихъ. Таблица составлена въ относительныхъ числахъ, принимая число 1911 года за 100.

Названіе преступленій.	Относительныя числа возникшихъ слѣдствій (въ уѣздахъ).					
	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Государственныя преступленія	100	93	83	87	83	55
Убійство	100	105	110	93	67	66
Тѣлесныя поврежденія	100	109	121	84	39	36
Поджоги	100	82	81	57	31	28
Разбой и грабежь	100	101	98	76	35	45
Кража	100	101	103	90	79	112
Остальныя преступленія	100	108	107	93	74	74
Всѣ преступленія	100	102	103	85	64	75

Въ сельскихъ мѣстностяхъ (уѣздахъ) наблюдается иная картина движенія преступности, чѣмъ въ городахъ. Если остановиться сперва на общемъ числѣ возникшихъ слѣдствій, то оказывается, что въ первые три года (1911—1913 г.г.) преступность возрастала въ уѣздахъ вообще медленно, чѣмъ въ городскихъ центрахъ (увеличеніе на 3% противъ 12% въ городахъ), что можетъ зависѣть отъ болѣе быстраго роста городского населенія. Въ слѣдующее затѣмъ роковое трехлѣтіе 1914—1916 г.г. деревенская преступность повизилась гораздо глубже, чѣмъ городская: минимумъ 1915 г. въ уѣздахъ (64% числа 1911 года) на 33% ниже, чѣмъ въ городахъ (97%). Въ 1916 г. общая преступность нѣсколько поднялась (на 11%) и въ уѣздномъ населеніи, но въ гораздо слабѣйшей степени, чѣмъ въ городахъ (подъемъ на 31% сравнительно съ 1915 г.). Общее число возникшихъ слѣдствій въ уѣздахъ за 1916 годъ на 25% меньше, чѣмъ въ 1911 г., а въ городахъ—на 28% больше.

Изъ отдѣльныхъ преступленій слѣдуетъ отмѣтить, что кража въ уѣздахъ описала въ теченіе 1911—1916 г.г. кривую приблизительно такого же рода, какъ и въ городахъ, съ тѣмъ однако существеннымъ отличіемъ, что провалъ 1915 г. въ деревняхъ (79%) гораздо глубже, чѣмъ въ городахъ, гдѣ такого провала въ сущности и не было (111%), а подъемъ 1916 г. слабѣе: на 33% выше, чѣмъ въ 1915 г., и на 12% выше 1911 г., въ городахъ же

соответствующія числа—42 и 53%. Засимъ, остальные преступленія въ большинствѣ понизились въ уѣздахъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ городѣ. Если взять для сравненія 1911 и 1916 г.г., то оказывается, что убійство въ деревнѣ сократилось на 34%, тогда какъ въ городѣ увеличилось на 13%, тѣлесныя поврежденія уменьшились въ уѣздахъ—на 64%, въ городахъ—на 51%, разбой и грабежи въ деревнѣ—на 55% уменьшеніе, въ городахъ—на 52%, поджоги—уменьшеніе на 72% и на 60%.

Такимъ образомъ задерживающее вліяніе на преступность войны и дезалколизаціи въ деревняхъ проявилось гораздо значительнѣе, чѣмъ въ городскомъ населеніи, и нетрудно понять, почему это такъ случилось. Очевидно, что степень нужды городского пролетаріата, подъ вліяніемъ непрерывнаго роста дороговизны, несравненно острѣе, чѣмъ въ сельскомъ населеніи, живущемъ продуктами сельскаго хозяйства съ собственныя земель и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже выигрывающемъ на подъемѣ цѣнъ предметовъ потребленія. Это различіе хозяйственной обстановки и сказалось въ быстромъ ростѣ числа кражъ въ городахъ, усиленномъ еще наплывомъ разоренныхъ бѣженцевъ изъ западнаго края. Съ другой стороны, принудительное отрезвленіе населенія могло также отразиться болѣе замѣтно на уменьшеніи числа преступленій противъ личности въ деревнѣ, такъ какъ пользованіе разнаго рода суррогатами алкогольныхъ напитковъ въ деревнѣ развито вообще менѣе, чѣмъ въ городѣ, хотя въ извѣстныхъ районахъ весьма развилось въ послѣднее время домашнее производство разнаго рода питей (напр., кумыши въ Вятской губ.).

Сравнивая городскую преступность съ сельскою, мы брали данныя по большимъ (губернскимъ и столичнымъ) городамъ, съ одной стороны и по уѣздамъ—съ другой, какъ противоположныя крайности по характеру расселенія и занятій. Мелкіе (уѣздные) города по движенію преступности, какъ того и слѣдовало ожидать, занимаютъ среднее мѣсто между большими городами и деревней, какъ видно изъ слѣдующей таблицы (по 8 окружнымъ судамъ).

	Относительное число возникших слѣдствій.					
	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Губернскіе и столичные города	100	105	112	102	97	128
Уѣздные города	100	103	107	95	85	107
Уѣзды (сельское населеніе)	100	102	103	85	64	75

Преступность уѣздныхъ городовъ въ критическіе 1914—1915 г.г. понизилась въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ губернскихъ и столичныхъ, но менѣе чувствительно, чѣмъ въ сельскомъ населеніи. Подъемъ 1916 года точно также въ мелкихъ городахъ не такъ высокъ, какъ въ крупныхъ, но значительно выше, чѣмъ въ уѣздахъ. Очевидно, что уѣздные города, представляя переходную ступень между деревнею и большими городами (свыше 100.000 жит.), и въ сферѣ преступности отражаютъ свое посредствующее, переходное положеніе. Абсолютная масса преступности уѣздныхъ городовъ района восьми окружныхъ судовъ, при ихъ незначительности, сравнительно не велика: въ 1916 г., напр., возникло въ восьми большихъ городахъ 24279 слѣдствій, въ уѣздахъ тѣхъ же районовъ—24259, а въ уѣздныхъ городахъ—только 4759. Въ виду того, что подобное число, составляющее менѣе $\frac{1}{10}$ общаго числа слѣдствій въ городскихъ и сельскихъ участкахъ, не можетъ оказать существеннаго вліянія на процентныя соотношенія, нами уже установленныя, мы можемъ не останавливаться долѣе на преступности малыхъ городовъ, тѣмъ болѣе, что и въ качественномъ отношеніи она не можетъ дать какихъ либо новыхъ данныхъ, могущихъ измѣнить полученные нами выводы о различіи движенія городской и сельской преступности за 1911—1916 г.г.

Мы пользовались въ нашемъ изслѣдованіи числомъ возникшихъ слѣдствій отчасти по тому, что это число можно считать болѣе близкимъ къ дѣйствительному количеству совершенныхъ преступныхъ дѣяній, отчасти же потому, что въ отчетныхъ вѣдомостяхъ судебныхъ слѣдователей раздѣленіе на городскіе и сельскіе участки имѣется только по возникшимъ дѣламъ, число же обвиняемыхъ дается въ итогѣ по всему району окружнаго суда, безъ распредѣленія по отдѣльнымъ участкамъ. Тѣмъ не менѣе, для полноты картины, слѣдуетъ привести и число лицъ, привлеченныхъ въ каче-

ствѣ обвиняемыхъ по возникшимъ слѣдствіямъ, что даетъ въ тому же возможность выяснитъ участіе малолѣтнихъ въ общей преступности (для малолѣтнихъ 10—17 лѣтъ имѣется особая графа въ отчетныхъ вѣдомостяхъ). Сперва сопоставимъ число слѣдствій съ общей суммой привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ.

	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Число возникшихъ слѣдствій въ районѣ 8 окружн. судовъ ¹⁾ (городск. и сельск. участки)	55883	57582	59492	51185	42810	53297
То же въ относительныхъ величинахъ	100	103	106	92	77	95
Число лицъ, привлеченныхъ по симъ слѣдствіямъ въ качествѣ обвиняемыхъ	24852	26234	25296	21036	17983	19884
Въ относительн. величинахъ	100	106	102	85	72	80

Если принять число начального 1911 г. за 100, то оба ряда чиселъ (слѣдствія и обвиняемыхъ) описываютъ приблизительно одинаковую кривую въ 1911—1916 г.г.: сперва нѣкоторый подъемъ, затѣмъ паденіе, въ 1915 г.—минимумъ, въ 1916 г. новый подъемъ. Однако число обвиняемыхъ опустилось ниже въ 1915 г. и меньше поднялось въ 1916 г. сравнительно съ количествомъ слѣдствій. Это произошло, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ связи съ ранѣе отмѣченнымъ преимущественнымъ передъ другими преступлениями увеличеніемъ числа кражъ: число виновныхъ, оставшихся необнаруженными, особенно велико именно по дѣламъ о кражахъ (тѣмъ болѣе въ городахъ), такъ что ростъ числа дѣлъ о кражахъ можетъ и не соотвѣтствовать движенію численности обвиняемыхъ въ тайномъ похищеніи. По Московскому, напр., окружному суду число слѣдственныхъ дѣлъ о кражѣ на 52% больше въ 1916 г. по сравненію съ 1911 г., а число привлеченныхъ по обвиненію въ кражѣ, наоборотъ, въ 1916 г. меньше, чѣмъ въ 1911 г., на 25%. Очевидно, что число кражъ несомнѣнно увеличилось²⁾, но розыскъ и обнаруженіе

¹⁾ Московскій, Нижегородскій, Казанскій, Астраханскій, Саратовскій, Харьковскій, Кіевскій и Одесскій.

²⁾ Въ 1911 г. по Московскому окружному суду возникло 7640 слѣдствій съ 3714 обвиняемыхъ, а въ 1916 г.—11511 слѣдствій и 2801 обвиняемыхъ.

виновныхъ „оказались не на высотѣ положенія“, и въ результатѣ получилось, что численность обвиняемыхъ сократилась, несмотря на усиленный ростъ имущественной преступности. Приведенный примѣръ показываетъ въ то же время, какъ осторожно слѣдуетъ относиться къ числамъ обвиняемыхъ (и еще болѣе—осужденныхъ), какъ показателю движенія преступности во времени. Это показателю мало надежный, и имъ можно пользоваться только въ связи съ другими числовыми данными (о числѣ возникшихъ дѣлъ, произведенныхъ дознаній и пр.).

Свѣдѣнія о числѣ обвиняемыхъ представляютъ однако для насъ интересъ въ другомъ отношеніи, именно позволяютъ намъ выдѣлить интересную категорію малолѣтнихъ преступниковъ (въ возрастѣ 10—17 лѣтъ). Эта категорія численно не велика, но движеніе ея въ 1911—1916 г.г. представляетъ любопытныя особенности, которыя необходимо отмѣтить въ настоящемъ изслѣдованіи, сопоставивъ оба ряда чиселъ обвиняемыхъ: не достигшихъ 17-лѣтняго возраста и перешедшихъ этотъ возрастъ. Цифровыя данныя относятся къ тѣмъ же 8 окружнымъ судамъ, свѣдѣнія по которымъ были помѣщены въ предыдущихъ таблицахъ, въ общей суммѣ по городамъ и по сельскимъ участкамъ (отдѣльно обвиняемые по городамъ не показываются въ вѣдомостяхъ).

1911 г. 1912 г. 1913 г. 1914 г. 1915 г. 1916 г.

Число обвиняемыхъ по возникшимъ слѣдствіямъ старше 17 лѣтъ по 8 окружнымъ судамъ	23975	25240	24104	20059	16817	18173
Въ относительн. величинахъ	100	105	101	84	70	76
Число обвиняемыхъ (по тѣмъ же слѣдствіямъ), не достигшихъ 17 лѣтъ	879	994	1192	977	1166	1711
Въ относительн. величинахъ	100	113	136	111	133	195
Процентъ малолѣтнихъ (до 17 л.) къ общему числу обвиняемыхъ	3.5	3.8	4.7	4.2	6.5	8.6

Эта небольшая табличка вскрываетъ передъ нами поразительный фактъ усиленнаго роста дѣтской преступности до и во время войны наряду съ уменьшеніемъ числа взрослыхъ

обвиняемыхъ. Сравнѣваемые два ряда чиселъ движутся по безусловно расходящимся линіямъ. Въ 1916 г. число обвиняемыхъ старше 17 лѣтъ на 24% меньше, чѣмъ въ 1911 г., а число малолѣтнихъ, напротивъ того, за тѣ же годы увеличилось на 95% или почти удвоилось. Въ первый годъ войны дѣтская преступность еще нѣсколько сократилась, по сравненію съ 1913 г., но въ послѣдніе два года и особенно въ 1916 г. прогрессировала съ ужасающей быстротой. Соответственно увеличился конечно и процентъ малолѣтнихъ въ общемъ числѣ обвиняемыхъ съ 3.5% въ 1911 г. до 8.6% въ 1916 г. Если обратить при этомъ вниманіе на то, что и до 1911 г. преступность малолѣтнихъ возрастала въ Россіи самымъ угрожающимъ образомъ¹⁾, то невольно чувствуется весьма понятная тревога за будущее подрастающихъ поколѣній (особенно неимущихъ классовъ), моральная неуравновѣшенность которыхъ столь явно обнаруживается цифрами уголовной статистики. Уже въ 1913 г. мы высказывали опасеніе, что трудно надѣяться на пониженіе въ будущемъ числа преступленій, совершаемыхъ подростками, безъ немедленнаго усиленія и развитія всевозможныхъ мѣръ борьбы съ дѣтскою преступностью, а теперь мы можемъ только съ грустью констатировать тотъ фактъ, что и въ ближайшемъ будущемъ, при условіи общаго разстройства и разрухи, вызванныхъ небывалой войной и внутренними потрясеніями, нельзя рассчитывать на какое либо улучшеніе въ сферѣ дѣтской, да и общей преступности. Систематическія мѣры борьбы съ дѣтскою преступностью требуютъ расходованія значительныхъ средствъ и спокойнаго внутренняго состоянія общества, не отвлекаемаго въ сторону политическими кризисами и обостренною борьбою классовъ. Все это условія, которыя пока для Россіи представляется, увы, недостижимыми.

Слѣдуетъ по поводу дѣтской преступности еще добавить, что ростъ ея во многихъ окружныхъ судахъ значительно превышаетъ среднее увеличеніе (95%) за шесть лѣтъ. Вотъ цифры по тѣмъ окружнымъ судамъ, въ которыхъ число обви-

¹⁾ См. Журн. Мин. Юст., 1913 г., Декабрь. Преступность несовершеннолѣтнихъ въ Россіи за 1901—1910 г.г.

няемыхъ 10—17 лѣтъ болѣе, чѣмъ удвоилось за 1911—1916 г.г.

Окружные суды.	Число обвиняемыхъ въ возрастѣ 10—17 лѣтъ.	
	1911 г.	1916 г.
Московскій	242	549
Нижегородскій	78	168
Саратовскій	122	277
Астраханскій	33	72
Харьковскій	80	242

По Петроградскому суду, какъ уже было упомянуто, свѣдѣній за 1916 г. нѣтъ, но врядъ ли Петроградъ составляетъ въ данномъ случаѣ исключеніе, хотя возможно, что абсолютное число привлеченныхъ малолѣтнихъ по Петроградскому району и не удвоилось въ 1916 г. по сравненію съ 1911 г., какъ не произошло этого удвоенія въ Кіевскомъ и Одесскомъ судахъ. Во всякомъ случаѣ, въ процентномъ отношеніи къ общему числу обвиняемыхъ количество малолѣтнихъ возросло въ Петроградѣ, какъ и въ другихъ крупныхъ городскихъ центрахъ, что мы увидимъ еще далѣе, при разсмотрѣніи движенія мелкой преступности по дѣламъ, разбираемымъ мировыми судьями.

IV.

До сего времени изслѣдованіе наше касалось преступлений болѣе серьезнаго характера, дѣла о которыхъ разрѣшаются общими судебными установленіями. Слѣдуетъ однако обратить вниманіе и на проступки, подвѣдомственные мировой юстиціи. Многіе изъ нихъ могутъ быть названы мало-важными и не имѣющими особаго значенія для общихъ устоевъ народной жизни, но все же, по своей численности (а иногда и по связи съ преступлениями болѣе тяжкими, какъ напр. кража или нанесеніе побоевъ и легкихъ ранъ), эти проступки представляютъ довольно цѣнный для уголовной статистики матеріалъ, хотя и менѣе достовѣрный, чѣмъ доставляемый свѣдѣніями о числѣ преступленій въ общихъ судебныхъ установленіяхъ. При разработкѣ цифрового матеріала по мировой юстиціи необходимо имѣть въ виду, что

видимое движеніе нѣкоторыхъ маловажныхъ проступковъ нерѣдко можетъ далеко не соответствовать ихъ дѣйствительной численности, вслѣдствіе напр. уменьшенія энергіи со стороны органовъ надзора или ослабленія реакціи со стороны населенія по дѣламъ частнаго обвиненія и т. п. Однимъ словомъ, степень обнаруживаемости проступковъ по дѣламъ мировой юстиціи значительно ниже обнаруживаемости преступленій, подсудныхъ окружнымъ судамъ, вродѣ напр. убійства или грабежа, которые не могутъ пройти совершенно никѣмъ не замѣченные, хотя бы виновные и успѣли заблаговременно скрыться. Иное дѣло кабая нибудь напр. мелкая кража въ трамваѣ: случаи такого рода несомнѣнно весьма многочисленны, но лишь немногіе изъ нихъ доходятъ до суда, большинство же проходитъ безслѣдно, ибо, за необнаруженіемъ виновнаго, потерпѣвшій, слишкомъ поздно замѣтившій пропажу, рѣшаетъ „махнуть рукой“, такъ какъ украденнаго все равно не вернуть. Послѣ этой, необходимой для яснаго пониманія дальнѣйшихъ чиселъ, оговорки, сообщимъ свѣдѣнія объ относительной величинѣ дѣлъ, возникшихъ у мировыхъ судей девяти городскихъ округовъ, соответствующихъ тѣмъ окружнымъ судамъ, которые были взяты для изслѣдованія въ предыдущемъ изложеніи. По мировой юстиціи можно было воспользоваться данными по Петроградскому мировому округу (городскому), такъ какъ дѣла столичнаго мирового съѣзда не подверглись уничтоженію, какъ то было съ дѣлами окружнаго суда. За то г. Ригу пришлось совершенно исключить, такъ какъ за 1915 г. отчетныхъ свѣдѣній по Рижско-Вольмарскому мировому округу совсѣмъ не поступало, а за 1916 г. свѣдѣнія хотя имѣются, но числа несоответственно малы и несравнимы съ предыдущими годами. Число 1911 г. принято за 100.

Города.	Относительное число возникшихъ у мировыхъ судей уголовныхъ дѣлъ.					
	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Петроградъ	100	102	106	100	50	47
Москва	100	98	113	94	56	57
Нижній-Новгородъ . . .	100	94	68	71	47	39
Казань	100	123	125	108	78	93
Саратовъ	100	96	116	125	67	72

Астрахань	100	104	101	93	64	42 ¹⁾
Харьковъ	100	142	125	117	92	90
Кіевъ	100	114	120	108	48	58
Одесса	100	100	107	108	68	55
Итого ¹⁾ во 9 городахъ .	100	103	109	100	57	54
Число осужденныхъ мировыми судьями по 9 городамъ ²⁾	100	97	95	112	55	42

Приведенная таблица показываетъ намъ нѣсколько иное движеніе числа возникшихъ у мировыхъ судей дѣлъ, чѣмъ то, которое было обнаружено по слѣдствіямъ, возникшимъ у судебныхъ слѣдователей тѣхъ же городовъ. Въ первое четырехлѣтіе еще замѣчается извѣстная параллельность въ относителномъ числѣ слѣдствій у судебныхъ слѣдователей и дѣлъ у мировыхъ судей: именно постепенное увеличеніе въ обоихъ случаяхъ. Въ 1914 г. прірость этотъ пріостанавливается также въ обоихъ случаяхъ. Но засимъ параллельность прерывается: въ 1915 г. число дѣлъ у мировыхъ судей очень низко опускается, на 43% ниже уровня 1915 года, тогда какъ у судебныхъ слѣдователей пониженіе составляетъ всего 3%. Въ 1916 г. различіе проявляется въ еще большей степени: предварительныя слѣдствія повышаются на 28% противъ уровня 1911 г. и на 31% сравнительно съ 1915 г., дѣла же мировыхъ судей, напротивъ того, продолжаютъ понижаться—на 3% по отношенію къ 1915 г. и на 46% противъ 1911 г. Пониженіе 1915—1916 г.г. является общимъ для всѣхъ 9 городовъ, хотя не вездѣ достигаетъ одинаковаго уровня. Наибольшее пониженіе въ 1916 г. (на 50% и еще ниже уровня 1911 г.) замѣчается въ Петроградѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Астрахани и Кіевѣ. Съ другой стороны, въ Казани и Харьковѣ численность дѣлъ у мировыхъ судей понизилась не болѣе какъ на 7 и на 10%. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что общее количество дѣлъ, а также и осужденныхъ мировыми судьями въ 9 городахъ опустилось

¹⁾ Абсолютныя числа возникшихъ дѣлъ въ общей суммѣ по девяти городовымъ округамъ послѣдовательно съ 1911 по 1916 г. таковы: 361448; 371995; 394870; 361186; 204491; 196027.

²⁾ Тоже въ абсолютныхъ числахъ: 240049; 233360; 226788; 268124; 131958; 105609.

въ 1916 г. до минимальнаго уровня, совершенно несоотвѣтственно тому, что наблюдается въ движеніи числа предварительныхъ слѣдствій.

Объясненіе этому странному на первый взглядъ противорѣчію можно видѣть въ томъ, что сокращеніе числа дѣлъ мировой юстиціи послѣдовало преимущественно по наименѣе важнымъ проступкамъ, какъ напр. нарушенія паспортнаго устава, общественнаго порядка и спокойствія и друг., которые даже не столько уменьшились въ дѣйствительности, сколько перестали привлекать вниманіе соответствующихъ органовъ власти въ тяжелое и тревожное время войны: не до нихъ стало! De minimis non curat praetor ¹⁾, въ особенности такой преторъ, который по горло заваленъ другими, гораздо болѣе серьезными и отвѣтственными дѣлами. Подобное же явленіе мы имѣли случай наблюдать въ смутное время 1905—1907 г.г., когда точно такъ же число дѣлъ и подсудимыхъ у мировыхъ судей существенно уменьшилось, а въ окружныхъ судахъ, напротивъ того, увеличилось ²⁾. Причины расхожденія численности дѣлъ мировыхъ и общихъ судовъ въ оба періода приблизительно одинаковы. Чтобы не вазаться голословными, приведемъ небольшую таблицу движенія относительнаго числа дѣлъ у мировыхъ судей за 1911—1916 г.г. съ выдѣленіемъ нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ категорій проступковъ по тѣмъ же 9 городамъ, которые приведены въ предыдущей таблицѣ, въ общей суммѣ.

Виды проступковъ.	Относительное число дѣлъ, возникшихъ у мировыхъ судей по 9 городамъ.					
	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Бража	100	106	106	99	79	93
Угрозы, насиліе, причиненіе ранъ и поврежденій	100	105	111	89	54	54
Другіе проступки ³⁾	100	102	110	100	53	46
Всѣ проступки	100	103	109	100	57	54

¹⁾ Преторъ не разбираетъ мелкихъ дѣлъ.

²⁾ См. Журн. Мин. Юст. 1909 г., Ноябрь. Движеніе преступности въ Россійской имперіи за 1899—1908 г.г.

³⁾ Преимущественно (по численности) нарушенія порядка и спокойствія, нарушенія паспортнаго устава, проступки противъ порядка управленія и оскорбленія чести.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что наиболѣе важный по дѣламъ мировой юстиціи съ точки зрѣнія законодателя (караемый тюрьмою) проступокъ—кража—численно сократился значительно меньше, чѣмъ всѣ остальные проступки: число 1916 года всего на 7% ниже, чѣмъ въ 1911 г. По г. Москвѣ дѣлъ о кражѣ въ 1916 г. было даже на 28% больше, чѣмъ въ 1911 г. Въ то же время замѣчается характерный подъемъ кражи въ 1916 г. по сравненію съ 1915 г., какъ и по дѣламъ о преступленіяхъ въ окружныхъ судахъ. Что касается наиболѣе выдающагося проступка противъ личности у мировыхъ судей (угрозы и насиліе), то хотя эта категорія дѣлъ и уменьшилась въ 1914—1916 г.г., но въ меньшей степени мѣрѣ, чѣмъ остальные маловажные проступки и въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ соответствующая группа дѣлъ въ окружныхъ судахъ (тѣлесныя поврежденія). Именно число тѣлесныхъ поврежденій сократилось на 51%, а угрозъ и насилій—на 46%. Съ другой стороны нарушенія порядка и спокойствія уменьшились по г. Москвѣ на 73%, нарушенія паспортнаго устава—на 76%. Приблизительно въ такихъ же размѣрахъ эти мелкіе проступки уменьшились въ Петроградѣ и другихъ городахъ. Извѣстное вліяніе на это уменьшеніе оказали конечно и уходъ мужского населенія на войну и отмѣна продажи питей, но, на ряду съ этими общими причинами, дѣйствовали и частныя (ослабленіе репрессивной энергіи со стороны полиціи, а также и частныхъ лицъ), вызванныя затяжкой военныхъ дѣйствій и растущимъ недобольствомъ населенія.

Свѣдѣнія о числѣ осужденныхъ мировыми судьями даютъ намъ возможность прослѣдить ростъ преступности малолѣтнихъ въ большихъ городахъ: онъ оказывается нисколько не меньшимъ по дѣламъ мировой юстиціи, чѣмъ тотъ, который уже нами былъ обнаруженъ по дѣламъ у судебныхъ слѣдователей.

	Относительныя числа осужденных мировыми судьями.					
	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Осужденные въ возрастѣ старше 17 лѣтъ	100	97	94	111	53	42
Осужденные въ возрастѣ 10—17 лѣтъ	100	100	99	137	172	186
Процентъ осужденныхъ до 17 лѣтъ въ общему числу осужденныхъ	1.7	1.8	1.8	2.1	5.4	7.3
Процентъ малолѣтнихъ въ числѣ обвиняемыхъ у судебныхныхъ слѣдователей . .	3.5	3.8	4.7	4.2	6.5	8.6

Расхождение въ числахъ преступности взрослыхъ и малолѣтнихъ выражается пожалуй еще болѣе рельефно по отчетности мировой юстиціи, чѣмъ по дѣламъ судебныхныхъ слѣдователей: въ то время какъ осужденные старше 17 лѣтъ въ 1916 г. составляли всего 42% ихъ числа въ 1911 г., недостижшіе 17-лѣтняго возраста на 86% превысили число начального года. Процентъ несовершеннолѣтнихъ поднялся у мировыхъ судей въ большей относительно мѣрѣ, чѣмъ у судебныхныхъ слѣдователей. Надо впрочемъ имѣть въ виду, что по возникшимъ слѣдствіямъ мы имѣли данныя какъ по городскимъ, такъ и по сельскимъ участкамъ, въ которыхъ конечно дѣтская преступность ниже, чѣмъ въ городахъ ¹⁾. Изъ отдѣльныхъ округовъ можно отмѣтить удвоеніе или еще большее увеличеніе числа малолѣтнихъ осужденныхъ мировыми судьями въ слѣдующихъ городахъ:

	Число осужденныхъ мировыми судьями въ возрастѣ 10—17 лѣтъ.	
	1911 г.	1916 г.
Москва	1169	2488
Харьковъ	45	352
Одесса	256	870

По Петрограду число осужденныхъ мировыми судьями малолѣтнихъ не удвоилось какъ въ Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, и въ 1916 г. было осуждено лишь не-

¹⁾ По мировой юстиціи свѣдѣнія, относящіяся къ уѣздамъ за 1911—1916 г.г., въ большинствѣ случаевъ не могутъ быть приведены, такъ какъ въ уѣздахъ дѣйствовали судебно-административныя учрежденія и волостныя суды, не доставлявшіе отчетности Министерству Юстиціи.

многимъ болѣе (1955 малол.), чѣмъ въ 1911 г. (1917), но процентъ несовершеннолѣтнихъ (до 17 л.) въ общему числу осужденныхъ за тѣ же годы возросъ съ 2% до 5.7%. Въ 1915 г. по Петрограду было осуждено максимальное число малолѣтнихъ—3239 или 6.9% общаго числа осужденныхъ. Вообще говоря, быстрый ростъ дѣтской преступности за послѣдніе годы тѣмъ болѣе поразителенъ, что именно въ это время были впервые приняты болѣе серьезныя мѣры борьбы съ преступностью малолѣтнихъ (дѣтскіе суды, особыя попечительства надъ малолѣтними подсудимыми и пр.). Очевидно, что причины, вызвавшія ростъ числа обвинительныхъ приговоровъ по дѣламъ о малолѣтнихъ, оказались болѣе сильными, чѣмъ мѣры противодѣйствія, ослабленныя дезорганизаціей вслѣдствіе тяжелыхъ условій военнаго времени. При этомъ, запрещеніе продажи питей не могло значительно отразиться на дѣтской преступности, такъ какъ неумѣренное потребленіе алкоголя въ дѣтскомъ возрастѣ, несмотря на отдѣльныя печальныя исключенія, все же не можетъ быть особенно распространеннымъ. Въ то же время, малолѣтніе судятся преимущественно не за преступленія противъ личности, а за кражу, проступокъ, который, сравнительно съ нападеніями на личность, довольно рѣдко совершается въ состояніи опьяненія.

Таковы тѣ немногочисленныя, но довольно показательныя данныя, которыя были нами разработаны по отчетнымъ вѣдомостямъ судебныхъ слѣдователей и мировыхъ судей за 1911—16 г.г. въ районахъ крупнѣйшихъ городскихъ центровъ Россіи. Изъ нихъ можно вывести то общее заключеніе, что современная небывалая въ исторіи война и на движеніе преступности оказала своеобразное вліяніе, которое не вполне сравнимо съ воздѣйствіемъ войнъ прошлаго времени ¹⁾. Первые полтора или два года войны еще замѣчается общая депрессія численности преступленій и проступковъ, какъ того и слѣдовало ожидать, въ виду массоваго отвлеченія мужской молодежи на войну и принуди-

¹⁾ Журн. Мин. Юст. 1915, іюнь.

тельного отрезвления. Но на третій (1916) годъ вызванна войною же необычайная дороговизна и разстройство народного хозяйства перевѣсили дѣйствіе вышеуказанныхъ факторовъ и повлекли за собою повышение преступности, особенно числа квалифицированныхъ кражъ. Если численность мелкихъ проступковъ продолжала падать и на третій годъ, то это паденіе въ значительной мѣрѣ объясняется начавшейся дезорганизаціей власти стараго режима и разстройствомъ дѣятельности полиціи. О движеніи преступности въ 1917 г. конечно пока говорить въ статистическомъ изслѣдованіи не приходится, но, если въ будущемъ окажется возможность произвести разработку данныхъ и за этотъ годъ, а равно и слѣдующіе за нимъ, то крайне интересно будетъ сопоставить имѣющіе быть полученными выводы съ тѣми, которые установлены въ настоящей работѣ. Во всякомъ случаѣ, полное и радикальное измѣненіе политическихъ и экономическихъ условій жизни въ Россіи неминуемо должно глубоко отразиться и въ сферѣ преступности. Конечно, за недостаткомъ регистраціи въ бурную революціонную эпоху, врядъ ли возможно будетъ точно прослѣдить тѣ или другія измѣненія числа преступленій въ критическій 1917 годъ, но въ послѣдующіе годы, по всѣмъ вѣроятіямъ, уже представится возможнымъ приступить къ хотя бы частичному выясненію вопроса, насколько измѣнилась преступность въ Россіи, отчасти подъ вліяніемъ войны, а затѣмъ и въ особенности подъ вліяніемъ великихъ событій 1917 года.

Е. Н. Гарновскій.

РУССКИЙ ЦАРЬ ПЕРЕДЪ ПРУССКИМЪ СУДОМЪ.

Кенигсбергскій процессъ ¹⁾.

(СТРАНИЧКА ПРОШЛАГО).

I.

Священный Союзъ русскаго абсолютизма и прусскаго феодализма—явленіе далеко не вчерашняго дня. Еще въ эпоху тройственнаго альянса монарховъ было заложено начало едино-христіанской борьбы противъ языческихъ началъ равенства, братства и свободы. Еще въ 1815 году благословенный Александръ въ сопровожденіи мирноносицы, баронессы Крюднеръ, прошелъ по Германіи, утверждая принципы благочестія, смиренномудрія и любви. Замѣчательнымъ адресомъ черезъ прусскаго короля Фридриха Вильгельма III привѣтствовало тогда прусское рыцарство носителя оливковой вѣтви и, опираясь на мнѣніе лучшей части націи, ея деревенскаго народа“, требовало уничтоженія такъ называемыхъ

¹⁾ Königsberg. Der Geheimbund des Zaren. Der Königsberger Process wegen Geheimbündelei, Hochverrat gegen Russland und Zarenbeleidigung vom 12 bis 25 Juli 1904. Nach den Akten und Stenographischen Aufzeichnungen mit Einleitungen und Erläuterungen herausgegeben von Kurt Eisner. Berlin, 1904. 1—334. Въ основу настоящей статьи положено нѣмецкое изданіе кенигсбергскаго процесса, заключающее въ себѣ полный стенографическій отчетъ, а также рядъ замѣтокъ редактора изданія Курта Эйенера, бывшаго во время процесса главнымъ редакторомъ „Vorwärts'a“. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ мы пользовались сокращеннымъ переводомъ актовъ на русск. языкѣ г. Катенина, по брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Азіатъ. Русское правительство передъ судомъ Европы (Кенигсбергскій процессъ)“. В. I—II, Берлинъ, 1905—1906.

„народныхъ представителей“ и возстановленія добрыхъ старыхъ порядковъ. Николай I былъ столь-же великой опорой прусско-русскаго союза противъ революцій; и въ то время, когда еврейскій теоретикъ консервативнаго христіанства, Фридрихъ Шталь, совокуплялъ нѣмецкія православіе, самодержавіе и народность, Николай I украшалъ орденомъ прусскаго министра-президента въ воздаяніе его неустанныхъ заслугъ въ дѣлѣ укрѣпленія „законнаго порядка“ въ Пруссіи. Тогда Россія великодушно поддерживала Пруссію, и въ 1851 г. прусскій посоль въ Петербургѣ писалъ съ великимъ воодушевленіемъ: „русскій императоръ былъ бы радъ видѣть и принять къ свѣдѣнію, что вступленіемъ генерала Врангеля въ Берлинъ въ Ноябрь 1848 г. были отрѣзаны корни у революціи“. Однако, несмотря на конституцію, Николай I не оставлялъ своего вѣнценоснаго друга: черезъ посла онъ высказывалъ твердую увѣренность въ томъ, „что королевское— прусское министерство со всею рѣшительностью сумѣетъ отстаивать право короны и консервативные принципы противъ созданныхъ уже камеръ“. „Сурово усмирій возстанія,—писалъ Николай I прусскому монарху,—безъ пощады потопа въ крови совратителей народной массы, ибо снисхожденіе къ нимъ есть жестокость противъ народа. Всякій-же неудобный парламентъ посылай безъ разсужденія по домамъ“.

Неудивительно поэтому, что во время знаменитаго Кельнскаго процесса коммунистовъ 1852 г. прусскія власти въ видѣ особой милости выпросили въ качествѣ свидѣтеля русскаго шпиона, Штабера, который, по выраженію Фридриха Вильгельма IV, долженъ былъ быть „драгоценною личностью, способной размотать клубокъ освободительнаго заговора и дать прусской публикѣ столь долго и справедливо ожидаемое зрѣлище открытаго и наказаннаго Komplotta“. И дѣйствительно, всемилостивѣйше пожалованный Штаберъ обнаружилъ передъ публикой великолѣпные образцы шпионскаго искусства; взломы, кража, поддѣлки, ложная присяга—все это было продемонстрировано передъ судомъ, происходившимъ по указкѣ кельнской и берлинской полиціи, и обвинительный приговоръ увѣнчалъ это блестящее дѣло, бывшее, по выраженію Маркса,

настоящей Іеной продажной совѣсти бюргерскаго присяжнаго суда.

Таковы были услуги, оказанныя Россіей Пруссіи въ эпоху нѣмецкой революціи, берлинскихъ и дрезденскихъ баррикадъ, великаго баденскаго вооруженнаго возстанія. Въ XX вѣкѣ этотъ долгъ стала уплачивать реакціонная Пруссія пробуждающейся Россіи, и въ борьбѣ съ русскимъ освобожденіемъ приняли участіе королевско-пруссіе прокуроры и „шүцманы“, также какъ имперско-германскіе канцлеры, статсъ-секретари и министры. Уже въ 1866 г. графъ Бисмаркъ предлагалъ русскому двору учредить въ Берлинѣ особую организацію шпионовъ и провокаторовъ, которые могли-бы „произвести секретное разысканіе и разслѣдованіе... посредствомъ особыхъ довѣренныхъ отъ каждаго правительства лицъ,... направляли бы все дѣйствіе къ достиженію одной общей цѣли“ и такимъ образомъ раскрыли бы „злоумышленные намѣренія противъ нѣсколькихъ царственныхъ особъ“. И дѣйствительно, подъ сѣнью новаго тройственнаго союза, императора французовъ, короля прусскаго и російскаго самодержца, подъ главенствомъ пресловутаго Штабера, высокоцѣнимаго самимъ Бисмаркомъ, было положено начало международной организаціи „недженгельменовъ“, которые должны были бороться съ русской крамолой и революціонными происками, „съ каждымъ днемъ завоевывающими почву въ Европѣ“¹⁾. При выдачѣ въ 1881 г.—1892 г. Станислава Мендельсона²⁾, а въ 1884 г. Льва Дейча Бисмаркъ не только доказалъ свои истинно-русскія чувства, но далъ принципиальныя основанія полицейской миссіи великой конституціонной Пруссіи.

Какъ извѣстно, случай съ Мендельсономъ произошелъ не особенно удачно: находясь подъ вліяніемъ „правовыхъ иллюзій“, прусскія власти, изгнавъ Мендельсона черезъ русскую границу, забыли однако уведомить объ этомъ русскихъ жандармовъ; въ силу этого Мендельсону удалось убѣжать, а

¹⁾ Былое, Іюнь 1907 г. Графъ Бисмаркъ, организаторъ русской политической агентуры за границей.

²⁾ Польскаго революціонера.

Бисмаркъ съ величайшимъ сокрушеніемъ принималъ реприманды, дѣлаемые ему изъ Петербурга, при чемъ дѣлалъ покаинныя резолюціи самаго жалкаго содержанія. „И по праву“, писалъ Бисмаркъ, по поводу выраженія неудовольствія съ русской стороны, „ибо поведеніе нѣмецкихъ властей въ данномъ случаѣ стоитъ во вредномъ для русскихъ отношеній противорѣчій съ тѣми усиліями, которыя я употребляю, чтобы возбудить во мнѣ довѣріе въ Петербургѣ“. И если, съ одной стороны, Бисмаркъ юридически оправдывалъ выдачу Мендельсона, — подѣ видомъ его изгнанія, такъ какъ „почиталъ необходимымъ изъ политическихъ видовъ идти на встрѣчу желаніямъ“ русскаго правительства, то, съ другой стороны, онъ не находилъ словъ, чтобы извинить оплошность королевско-пруссскихъ властей. „Принятое производство“, — писалъ онъ въ Петербургѣ, — „стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ моими намѣреніями, и я сожалею живѣйшимъ образомъ, что... русскому правительству данъ основательный предлогъ къ тому, чтобы усомниться въ искренности данного ему раньше обѣщанія“.

Случай съ Дейчемъ былъ гораздо удачнѣе: здѣсь также указывалъ великій канцлеръ на необходимость „для поддержанія политическихъ отношеній въ Россіи идти на встрѣчу справедливымъ желаніямъ русскаго правительства и выдать ему этого обѣжавшаго изъ русскихъ тюремъ, обозначеннаго въ качествѣ опаснаго и дерзкаго, русскаго/революціонера“. Въ данномъ случаѣ Бисмаркъ особенно заботился о томъ, чтобы Дейчъ попалъ въ русскія руки; и на случай, если-бы нужныя для выдачи бумаги запоздали, онъ предлагалъ прибѣгнуть къ изгнанію его черезъ русскую границу, но съ непремѣннымъ условіемъ, „чтобы русскимъ властямъ была обезпечена полная возможность его захватить на русской территоріи“. Таково было непремѣнное желаніе русскаго правительства, и германскій канцлеръ ни минуты не колебался „ради поддержанія отношеній къ Россіи“ нарушить всѣ требованія международнаго права. Впрочемъ, у Бисмарка были здѣсь и другія основанія: онъ ссылаясь при этомъ обстоятельствѣ на „русскую конституцію“, эта-же послѣдствія, по

мнѣнію Бисмарка, состоитъ въ томъ, что „личныя убѣжденія и впечатлѣнія императора являются руководящими для политики нашей великой сосѣдней имперіи“... ¹⁾).

Возрастающая сила русскаго революціоннаго движенія заставила естественно и нашихъ заграничныхъ жандармовъ увеличить свою бдительность надъ русскими крамольниками и бунтарями. Самый разнообразный надзоръ былъ установленъ за этими общественными „нигилистами“ и „анархистами“, и уже съ 1892 г. берлинское полицейское управленіе ведетъ согласно тайному отчету 26 Апрѣля 1904 г. неослабное наблюденіе за лицами „заподозрѣнными въ русскихъ нигилистическихъ стремленіяхъ“. Этотъ надзоръ принимаетъ самыя различныя формы: съ одной стороны, онъ осуществляется прусскимъ университетскимъ начальствомъ совмѣстно съ политическимъ отдѣленіемъ прусской общей полиціи и направленъ къ тому, чтобы преградить доступъ въ университеты русскимъ неблагонадежнымъ студентамъ. Въ послѣдніе годы прусскія университеты усвоили даже чисто русскую практику и не только прямо требовали свидѣтельства о благонадежности, но и не принимали лицъ, когда-либо замѣшанныхъ въ студенческихъ беспорядкахъ. Въ надзорѣ за русскими студентами въ благородномъ рвеніи конкурировала прусская полиція съ русскими заграничными агентами и шпіонами и постепенно восприняла всѣ приемы опытныхъ въ дѣлѣ политическаго сыска восточныхъ сосѣдей. Интерпелляція о русскихъ полицейскихъ шпіонахъ, внесенная соціально-демократами въ германскій рейхстагъ и рассмотрѣнная въ засѣданіи отъ 19 Февраля 1904 г., раскрыла во истину ужасающія, совершающіяся подъ кровомъ германской конституціи вещи, которыя къ тому-же относятся уже не къ однимъ студентамъ, а ко всѣмъ проживающимъ въ Германіи русскимъ.

Въ обоснованіи интерпелляціи депутатомъ Гаазе были приведены слѣдующія во истину удивительныя факты. Было доказано, прежде всего, что въ Берлинѣ и его окрестностяхъ

¹⁾ Рѣчь графа Бюлова въ засѣданіи рейхстага отъ 29 Февраля 1914 г. Цитирую по Эйсеру в. н. с. стр. 13 и слѣд.

на службѣ русскаго правительства находится громадная организація шпионовъ. Это настоящее вѣдомство во главѣ съ важнымъ чиновникомъ, Гартингомъ, съ цѣлымъ рядомъ его помощниковъ, съ болѣе мелкими агентами и множествомъ отдѣльныхъ филеровъ, шпионовъ и провокаторовъ. Среди послѣднихъ много и нѣмецкихъ подданныхъ. И эти господа не стѣсняются ни въ какихъ средствахъ, чтобы выслѣживать русскихъ „анархистовъ и нигилистовъ“, къ которымъ причисляются и толстовцы, и социаль-демократы, и земскіе либералы временъ союза Освобожденія. Къ излюбленнымъ приемамъ русской шпионской банды принадлежали, согласно обоснованію интерпелляціи, подкупъ квартирныхъ хозяевъ, тайные обыски русскихъ квартиръ въ отсутствіи хозяевъ, взломы дверей у русскихъ квартиръ, подкупъ почтовыхъ чиновниковъ и добываніе у нихъ корреспонденціи, подлоги разныхъ документовъ для полученія чужихъ вещей и писемъ, наконецъ провокаторскія предложенія отдѣльнымъ лицамъ, насчетъ изготовленія фальшивыхъ паспортовъ и т. п. бумагъ. И нѣмецкая полиція во всемъ поддерживала русскихъ гастролеровъ; между дѣйствіями двухъ союзниковъ была лишь та разница, что первая совершала свои дѣянія секретно, вторая же вполне открыто и считала себя въ полномъ правѣ совершать всевозможныя беззаконія по отношенію къ русской революціонной „дичи“. Обыски, самый грубый и навязчивый надзоръ, зачисленіе въ разрядъ „тягостныхъ иностранцевъ“, произвольный арестъ, совершаемый безъ какихъ-либо правовыхъ гарантій,—таковы мѣры, которыя удачно дополняютъ русское шпионство за границей и ставятъ каждого русскаго на положеніе паря подъ кровомъ одноглаваго орла²⁾.

Одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ такого подчиненія нѣмецкихъ властей интересамъ русскаго стараго режима является безспорно особая цензурная дѣятельность германскихъ таможенныхъ учреждений. Эти послѣдніе, не будучи обязаны и не имѣя никакого права подвергать какой-либо политической цензурѣ сочиненія, не запрещенныя въ

²⁾ Азіатъ, Русскіе шпионы въ Германіи. Берлинъ, 1904 г., стр. 13 и слѣд.

Германіи закономъ, и не изъятый уголовнымъ судомъ, приняты по приказанію свыше особую практику по отношенію къ произведеніямъ на русскомъ языкѣ. Всѣ русскія печатныя произведенія отсылались таможенной въ отдѣльных образчикахъ мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, а отсюда передавались русской политической полиціи для цензуры, причѣмъ въ качествѣ критерія здѣсь примѣнялся не нѣмецкій принципъ свободы слова, а русскій—дореформеннаго цензурнаго усмотрѣнія. Этимъ путемъ въ корнѣ подрывалась всякая дѣятельность русской зарубежной печати, направленной къ пропагандѣ конституціонныхъ и социалистическихъ идей, а контрабандисты-провокаторы на границѣ дополняли это дѣломъ, что переправляли зарубежную литературу прямо въ руки пограничныхъ русскихъ властей. Въ 1901—1902—1903 г.г. въ особенности была сильна дѣятельность нѣмецкихъ таможенныхъ и полицейскихъ чиновъ въ дѣлѣ высылки живаго вполнѣ легальной въ Германіи, но еще не легальной тогда въ Россіи, русской политической литературы. Какъ обнаружилось во время Кенигсбергскаго процесса, нѣмецкая полиція вела подробнѣйшіе списки провозимой черезъ Германію „запрещенной“, „анархистской“, „запрещенной въ Россіи“, „повидимому анархистской“, „нигилистической“, „революціонной“, „возмутительной“, „демагогической“ мятежной печати „соціаль-демократическаго нигилистическаго или анархистическаго содержанія“. Само собою разумѣется далѣе, что ни имена, ни адреса отправителей и адресатовъ этой литературы не оставались исключительнымъ достояніемъ прусской полиціи; она трогательно дѣлилась ими со своей русской, хотя и зарубежной, сестрой ¹⁾.

Наиболѣе сильнымъ средствомъ, однако, для борьбы съ русской революціей, находящимся въ рукахъ прусскаго правительства, оставалась та своеобразная высылка подозрительныхъ лицъ изъ Пруссіи черезъ русскую границу, которая предавала этихъ „тягостныхъ иностранцевъ“ непосредственно въ объятія русскихъ жандармовъ. Такая практика является изобрѣ-

¹⁾ Eisner, Königsberg, стр. 26 и слѣд., 88 и слѣд., 162 и слѣд.

тепиемъ графа Бисмарка и уцѣлѣла въ Германіи до послѣд-
няго времени. Это—замаскированная выдача всѣхъ жела-
тельныхъ для русскаго правительства лицъ, которая отличается
отъ формальной выдачи лишь своимъ болѣе свободнымъ, лег-
кимъ и такъ сказать семейнымъ характеромъ. Сама формаль-
ная выдача обставлена въ Пруссіи такъ легко, что прихо-
дится удивляться, зачѣмъ понадобился еще болѣе облегченный
способъ. И въ самомъ дѣлѣ, договоръ о выдачѣ между Рос-
сіей и Пруссіей 1885 г. устанавливаетъ такія условія для
выдачи, которыя и безъ того объединяли Пруссію и Россію
въ одинъ громадный жандармскій участокъ.

Напомнимъ вкратцѣ положеніе этого договора. Какъ
было высказано въ объяснительной запискѣ: „тѣ переговоры,
которые велись послѣ смерти императора Александра II между
различными правительствами съ цѣлью установить основы
для взаимной защиты противъ анархистическихъ происковъ
и преступленій, привели къ соглашенію только между Прус-
сіей и Россіей“, къ нему впоследствии присоединилась и Ба-
варія. Такимъ образомъ эти „правительства, въ виду сосѣд-
скихъ отношеній... и дружбы царствующихъ домовъ, которая
образуетъ основу добрыхъ отношеній обѣихъ странъ, сочли
своимъ долгомъ принять по крайней мѣрѣ тѣ мѣры отъ за-
щиты дальнѣйшихъ преступленій, которыя можно провести
безъ содѣйствія прочихъ правительствъ“. Цѣлью подобнаго
соглашенія было удовлетвореніе „ближайшей потребности Рос-
сіи“, причемъ именно третья статья договора должна была
противодѣйствовать тому заблужденію, что будто бы то об-
стоятельство, что преступленіе совершено съ политической
цѣлью, можетъ лишить его самаго свойства преступности и
сообщить ему неприкосновенность въ области общаго права“. Этимъ
путемъ объяснительная записка признаетъ „право
убѣжища въ случаяхъ гражданскихъ войнъ и насильственной
борьбы партій“, такъ какъ въ этомъ случаѣ „сомнительны
признаки преступленія, и не ясенъ вопросъ виновности“, и,
распространяя его даже на случай „государственныхъ пере-
воротовъ“, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ по
отношенію къ тѣмъ „анархистическимъ убійцамъ“, въ кото-

рымъ, какъ извѣстно, были отнесены и всѣ дѣятели Народной Воли. И если припомнить, что по договору 1885 г. къ такимъ преступленіямъ „анархистическаго“ свойства, лишеннымъ международной защиты, относятся не только храненіе динамита, взрывчатыхъ веществъ, но и простое оскорбленіе монарха, а при всѣхъ прочихъ преступленіяхъ опредѣляющимъ является лишь фактъ „дружески-сосѣдскихъ отношеній“, то неудивительнымъ покажется утвержденіе свободомыслящаго депутата, Гислинга, въ Прусской палатѣ депутатовъ, который сказалъ, что „въ силу нашего правового положенія всякій политическій преступникъ можетъ быть безъ дальнѣйшихъ разсужденій выданъ русскому государству—положеніе, которое заставляеть слово остановиться въ гортани“¹⁾.

Формальная выдача все-же требовала предварительнаго производства, предъявленія изъ Россіи особаго ходатайства, надлежащихъ къ нему мотивовъ, въ лучшемъ случаѣ обращенія къ дружескимъ чувствамъ сосѣдней полицейской державы. Какъ ни какъ, это все-же было безпокойствомъ для такихъ высокихъ особъ, какъ русскіе превосходительства, и услужливые пруссаки, одушевленные ревностью къ ниспроверженію заразы, рѣшили великодушно избавить сосѣдей отъ всякихъ трудовъ и прямо преподносить имъ на блюдѣ всѣхъ „нигилистовъ“, „анархистовъ“, „соціалистовъ“ и вообще всѣхъ подозрительныхъ. Для этого было принято слѣдующее производство: по доносамъ русскаго шпіона нѣмецкая полиція рѣшается открыть въ данномъ русскомъ свойства „тягостнаго иностранца“; для этого его арестовываютъ, и у него производится обыскъ съ цѣлью отыскать что-либо, дѣлающее его „тягостнымъ“. Для этого считается достаточнымъ старый номеръ Vorwarts'a, центрального органа нѣмецкой социаль-демократіи. Такъ, для высылки Каляева съ русскимъ жандармомъ было вполне достаточно, чтобы среди 104 найденныхъ при немъ листовъ и брошюръ была одна съ текстомъ „Варшавянки“ и фальшивой цитатой изъ этой пѣсни. Министръ Рихтгофенъ вполне оправдывалъ выдачу подозрительнаго студента русскимъ вла-

¹⁾ Verhandl. d. Hauses d. Abd. 20 Legisl. I Session 1904, 115 Sitzung.

сгнать... Послѣ того, какъ „тягостныя свойства“ русскаго крамольника такимъ образомъ установлены, прусская полиція не только предъявляетъ ему требованіе оставить территорію Пруссіи, но и заботливо „изгоняетъ“ его, подъ собственной стражей, прямо по направленію къ русской границѣ, гдѣ „изгнаніе“ и заканчивается передачей путешественника изъ рукъ въ руки голубымъ русскимъ братьямъ. Характерно, что въ случаѣ Каляева онъ былъ арестованъ буквально въ двухъ шагахъ отъ австрійской границы и немедленно-же былъ изгнанъ черезъ русскую границу въ его „отечественное государство“... Конечно, бывали случаи, когда предупредительность пруссаковъ заходила такъ далеко, что сами русскія власти не могли найти никакой вины за препровожденными къ нимъ крамольниками, это, само собой, не останавливало рвенія нашихъ сосѣдей, и только Кенигсбергскій процессъ на нѣкоторое время приостановилъ эту высоко-культурную практику ¹⁾).

При отвѣтѣ на интерпеляцію 19 января 1904 г. въ рейхстагѣ баронъ Рихтгофенъ, статсъ-секретарь иностранныхъ дѣлъ, выразился совершенно опредѣленно по вопросамъ русско-германской охранной солидарности. „Имперскому канцлеру извѣстно, сказалъ онъ, что одному русскому чиновнику, принадлежащему къ здѣшнему русскому посольству, поручено его правительствомъ слѣдить за дѣйствіями и происками находящихся въ Германіи русскихъ анархистовъ и постоянно увѣдомлять объ этомъ русское правительство... Устраненіе существующихъ условій представляется канцлеру ненадлежащимъ, т. е. это въ интересѣ имперіи, чтобы за происками иностранныхъ анархистовъ слѣдили органы ихъ отечественнаго государства, насколько это, конечно, возможно безъ осуществленія публичной должности... Я охотно объявляю, что мы никоимъ образомъ не намѣрены оказывать содѣйствія возбуждавшимся подданнымъ дружественнаго и сосѣдскаго государства, мы не имѣемъ никакихъ основаній заявлять о какомъ бы то ни было участіи къ фанатичнымъ врагамъ существующаго правового строя въ этомъ сосѣднемъ

¹⁾ Eisner, Königsberg, стр. 118 и слѣдующая.

государствѣ. Въ общемъ—это не только въ интересѣ Россіи, но въ общемъ интересѣ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ бороться съ анархическими происками... Вы не можете требовать, чтобы съ такими опасными индивидами обращались въ бархатныхъ перчаткахъ. Я думаю, что это нашъ долгъ содѣйствовать съ особеннымъ стараніемъ... самому тѣсному соприкосновенію полицейскихъ установленій различныхъ сосѣднихъ государствъ... Русскихъ анархистовъ невозможно препровождать ни въ какое другое мѣсто, какъ только на русскую границу; не думаете ли вы, что пріемъ высланныхъ русскихъ анархистовъ доставитъ удовольствіе какому нибудь третьему сосѣднему государству? Но, господа, чего не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ, не дѣлай другому. Мы отклоняемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ препровожденіе такихъ высланныхъ къ намъ и не можемъ ставить въ вину сосѣднимъ государствамъ, что они дѣлаютъ то же. Выдачей же это не является уже потому, что здѣсь не предъявляется требованія о выдачѣ со стороны русскаго правительства... При рѣшеніи такого серьезнаго вопроса, какъ вопросъ объ анархистахъ, никакая сентиментальность съ нашей стороны не у мѣста. Мы захватываемъ этихъ людей, гдѣ они становятся для насъ неудобными, и переправляемъ ихъ черезъ ту границу, которая намъ представляется наиболѣе правильной. Если они этого не желаютъ, то пусть они смирно ведутъ себя. Мы не принуждаемъ ихъ, и никто ихъ не принуждаетъ быть анархистами. Если, однако, они желаютъ быть таковыми, то они должны нести и послѣдствія ихъ дѣяній. Это, конечно, очень удобно этимъ господамъ пребывать здѣсь, у насъ, гдѣ они, можетъ быть, себя лучше чувствуютъ, чѣмъ въ своемъ собственномъ отечествѣ, и они желаютъ къ тому-же еще носить вѣнецъ политическаго мученичества. Поощрять это мы не имѣемъ никакихъ основаній, и эти господа и... дамы—я думаю, дамы даже очень сильно здѣсь представлены, и притомъ въ области свободной любви ¹⁾—(здѣсь рѣчь министра была

¹⁾ Намекъ на „безнравственность“ русскаго студенчества, особенно студентовъ, аналогичный тому, который былъ слышанъ въ свое время княземъ Мадерскамъ.

перебита бурными возгласами среди социаль-демократовъ). Если эти люди приходятъ сюда въ довѣрїи къ правамъ гостя и гостепріимства... пусть они лучше этого довѣрїи не имѣютъ, довѣрїе къ праву гостепріимства могутъ имѣть только такіе люди, которые намъ прїятны; анархисты же для насъ совершенно непрїятны, и чѣмъ скорѣе они покинутъ нѣмецкую почву, тѣмъ лучше“ ¹⁾...

Въ засѣданїи прусской палаты депутатовъ 23 февраля 1904 г. прусскіе министры, отвѣчая на интерпеляцію, снова возвратились къ оправданію своей борьбы противъ русской революціи подъ видомъ „анархизма“. Министръ юстиціи Шёнштедтъ подтвердилъ здѣсь еще разъ, что „борьба противъ анархизма есть общее дѣло всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, и если ени здѣсь не протянутъ другъ-другу руки, то они не овладѣютъ въ теченїи времени этимъ движеніемъ, т. к. мы въ нашемъ собственномъ дѣлѣ боремся противъ анархизма, если даже ого цѣли въ началѣ и направлены только противъ иностраннаго правительства“. И другой министръ, Гаммерштейнъ, пояснилъ не только особую опасность русскихъ анархистовъ ссылкой на русскую революціонную литературу, но и прославилъ еще разъ нѣмецкую практику выдачи русскихъ политическихъ. „Они вовсе не такъ невинны, эти люди“ сказалъ ораторъ относительно русскихъ революціонеровъ. „И это обязанность полицїи всѣхъ государствъ, будь то республиканскія или монархическія, быть всегда на стражѣ противъ этихъ людей... возмущенїе массъ или, чтобы говорить техническимъ выраженїемъ, „терроръ“ или употребленїе силы—такова конечная цѣль массы попытокъ распространенїя подобныхъ социаль-демократически-революціонныхъ, а слѣдовательно и анархическихъ произведенїй печати“. И заимствуя изъ польскаго журнала „Пролетарїатъ“ ²⁾ его положенїя о систематическомъ террорѣ, г. Гаммерштейнъ такъ изложилъ ихъ „своими словами“: „терроризмъ, смертная казнь для всѣхъ вредныхъ людей, которые могутъ препятствовать распространенїю нашихъ идей, начиная съ низшихъ и кончая самыми высокими,

¹⁾ Азіатъ, русскіе шпіоны, стр. 37—43.

²⁾ Декабрьскій номеръ 1900 г., найденный при арестѣ Каллеза.

отъ воли которыхъ зависитъ все“—такова сущность русскаго анархизма. „Исполняя все ужасомъ и страхомъ, устраняя всѣхъ, начинаю съ жандармовъ и кончая самыми высокими особами — таковъ единственный путь, на которомъ можно лишь думать о перемѣнѣ политическихъ отношеній“, „повсюду должны быть созданы боевыя организаціи и силою должны быть съ корнемъ вырваны царизмъ“. „Впередъ, въ кровавой борьбѣ“ закончилъ министръ свои цитаты вольнымъ переводомъ „Варшавянки“... „Въ крови потопимъ мы подгнившіе троны, страшная мечь нынѣшнимъ палачамъ! Повстанцы бьютъ и вѣшаютъ магнатовъ, висѣлицей они мстятъ за себя“¹⁾.

Послѣ этихъ фантастическихъ ссылокъ и цитатъ Гаммерштейну уже не трудно было оправдать свою практику русскихъ изгнаній; „у насъ въ Пруссіи“, сказалъ онъ, „по общему правилу изгнанный можетъ оставить страну на всякой ему желательной границѣ, и если онъ обладаетъ денежными средствами, то даже принудительная высылка совершается черезъ ту границу, которую изберетъ высылаемый. Здѣсь, конечно, тоже существуетъ опасность его обратной высылки со стороны сосѣдняго государства, и тогда высылка совершается неуклонно черезъ границу его отечественнаго государства. Отъ такого постояннаго правила имѣется только одно исключеніе, и оно установлено для анархистовъ. Подъ влиянемъ опасности анархизма всѣ народы чувствуютъ себя солидарно, и изгнаніе совершается поэтому постоянно черезъ границу отечественнаго государства высылаемаго. Этотъ обычай установленъ отчасти въ силу особыхъ соглашеній, частью-же коренится въ общемъ чувствѣ всѣхъ культурныхъ государствъ, которыя не желаютъ навязывать подобные элементы третьему совершенно непричастному государству“.

И въ рейхстагѣ въ засѣданіяхъ 27 и 29 февраля 1904 г. самъ князь Бюловъ выступилъ въ походъ противъ русскихъ революціонно-соціально-демократическихъ-нигилистовъ и анархистовъ. Его авангардомъ однако и здѣсь были уже извѣст-

¹⁾ Варшавянка тоже была найдена у Калеева.

ный намъ Гаммерштейнъ и Шёнштедтъ. Первый выдвинулъ для изобличенія русскаго анархизма протестъ русско-польскихъ студентовъ противъ царизма, причемъ забылъ прибавить, что эти студенты были германскіе подданные, только послѣ этого онъ указалъ на тѣхъ русскихъ студентовъ, которые жили въ Берлинѣ и затѣмъ участвовали въ террористическихъ актахъ. Изъ нихъ былъ названъ Карповичъ, студентка Фрумкина и наконецъ Браиловскій, „который въ прошломъ году былъ во главѣ возстанія во время ростовскихъ беспорядковъ“. Министръ Шёнштедтъ заявилъ прямо: „если бы... была сдѣлана попытка поднять въ Россіи движеніе при помощи распространенія анархическихъ, революціонныхъ, террористическихъ сочиненій, и если бы эта попытка увѣнчалась успѣхомъ, то она имѣла бы необходимо обратное дѣйствіе на прусское государство и на германскую имперію, поэтому я и говорю, что здѣсь „tua res agitur“ или иначе дѣло идетъ о насъ“. И князь, — тогда еще графъ-Бюловъ возвелъ въ перлъ эти принципы истины прусскаго духа: „Мы обращались съ иностранными студентами съ тѣмъ-же либерализмомъ, какъ съ нашими, однако рѣшеніе о томъ, что у насъ долженъ дѣлать иностранецъ и чего не долженъ, принадлежитъ правленію этой страны, а не иностраннымъ нигилистамъ и ихъ совѣтчикамъ и помощникамъ изъ социаль-демократической партіи, — и если господа иностранцы у насъ дѣлають... непозволительныя объявленія ¹⁾... то я постараюсь о томъ, чтобы подобные люди были изгнаны. Мы не дошли еще въ Германіи до того, чтобы подобные заговорщики и бунтари у насъ танцевали вокругъ самаго носа, мы слишкомъ добры, чтобы устроить у насъ лабораторію съ нигилистическими взрывчатыми веществами. Весь шумъ, который подымаетъ социаль-демократія... имѣетъ одну задачу разсорить насъ съ Россіей, цѣль же, которая преслѣдуется этимъ путемъ, это зажечь войну и революцію для того, чтобы мы здѣсь въ Германіи были оснащены царствомъ будущаго, каторжнымъ порядкомъ и диктатурой г. Бебеля. Для этого мы должны позволить нигилистамъ,

¹⁾ Рѣчь идетъ о напечатанномъ русскими студентами протестѣ противъ словъ г. Шёнштедта насчетъ „свободной любви“ русскихъ студентовъ, см. выше.

чтобы они здѣсь у насъ подкапывали и конспирировали по желанію сердца. Этого мы не сдѣлаемъ, мы не допустимъ, чтобъ на нѣмецкой почвѣ строились враждебныя махинаціи противъ государства русскаго или какого нибудь другого государства“.

Заявленіемъ графа Бюлова была увѣнчана политика новаго священнаго союза. И если въ началѣ XIX столѣтія такой союзъ составили три христіанскихъ самодержца евангелическаго, православнаго и католическаго вѣроисповѣданій, то въ началѣ XX мы встрѣчаемъ гораздо болѣе внушительное зрѣлище. Конституціонныя правительства правового германскаго государства въ средѣ представительныхъ камеръ свободнаго народа проповѣдуютъ неизбежность абсолютизма на Востоку, зовутъ культурное общество на крестовый походъ противъ свободы, подмѣняя анархизмомъ великія начала политическаго прогресса, протягиваютъ руку наиболѣе темнымъ, наиболѣе свирѣпымъ силамъ уже давно на западѣ отжившаго режима. И что удивительнѣе всего, тѣ палаты, усмиреніе которыхъ въ свое время проповѣдывалъ русскій владыка, въ 1904 г. безъ негодованія и протеста выслушиваютъ предложенія усмирить русскую революцію, сдѣлать невозможнымъ водвореніе въ Россіи даже конституціоннаго строя. Созданныя революціей 48 года нѣмецкія камеры не протестовали и не порицали своихъ министровъ, содѣйствующихъ удушенію русскаго революціоннаго движенія, и только социалисты боролись за старое либеральное знамя, за идеалы гражданской свободы, защищали преслѣдуемыхъ, подстерегаемыхъ, лишенныхъ огня и воды на чужой землѣ, преданныхъ всѣмъ ужасамъ изгнанія русскихъ „бунтовщиковъ“ и „нигилистовъ“.

Только послѣ засѣданія 19 января 1904 г., когда особенно ярко обнаружился весь позоръ прислуживанія нѣмцевъ передъ сосѣдскимъ застѣнкомъ, пробудилось, было, нѣчто похожее на совѣсть въ рядахъ либеральныхъ партій и ихъ прессы, и хоть съ осторожностью и оговорками, но было высказано нѣсколько горькихъ истинъ по поводу русскаго произвола, царящаго въ прусской администраціи, одной Пруссіи свойственныхъ нарушеній международнаго права и безразборчивости,

съ которой русскіе шпіоны принялись и за самих нѣмецкихъ гражданъ. Въ этомъ духѣ въ рейхстагѣ 19 января говорилъ свободомыслящій Шрадеръ и депутатъ центра Шпанъ, свободомыслящій докторъ Мюллеръ и національ-либераль докторъ Сатлеръ. Въ прессѣ наиболѣе рѣшительно высказался по этому поводу профессоръ Дельбрюкъ въ своемъ журналѣ *Preussische Jahrbücher*. Этотъ послѣдній справедливо указывалъ, что въ глазахъ русскаго государства, а въ частности русской полиціи, анархистомъ является всякій, кто только дѣлаетъ оппозицію; приче́мъ именно носители европейской жизни въ Россіи, представители высшей нравственности и образованія, преслѣдуются какъ революціонеры. „На примѣрѣ органа Струве „Освобожденіа“ показывалъ Дельбрюкъ всю низость дѣйствія нѣмецкой полиціи, которая преслѣдуетъ даже людей, стремящихся къ конституціонному режиму. Заслуженнымъ негодованіемъ заклеимиль онъ и практику выдачи подѣ видомъ изгнанія. И пораженная разоблаченіями 19 января католическая „*Kölnische Volkszeitung*“ нашла возмутительной политику Пруссіи *à la tartare* и съ горечью отмѣтила, что „Германія представляетъ изъ себя единственную страну во всемъ мірѣ, которая оказываетъ русскимъ такіа услуги любви“.

Стоило, однако, выступить тѣмъ же министрамъ съ фальшивыми цитатами въ прусской палатѣ депутатовъ, а Бюлову сдѣлать свое знаменитое заявленіе „о бунтаряхъ и заговорщикахъ“, какъ неудержимый страхъ передъ кровожадными динамитчиками и бомбистами, свирѣпыми анархистами и звѣроподобными нигилистами охватилъ съ новой силой филистерскія души, тѣмъ болѣе, что сама соціаль-демократія оказалась причастной этому движенію всеобщаго уничтоженія, разбоя и убійства. Развѣ не писалъ еще въ 1902 г. *Leipziger Volkszeitung* по поводу покушенія на генерала Вали словъ похвалы и участія революціонерамъ, развѣ не говорилось тамъ о „карающей рукѣ героя“, развѣ не было тамъ сожалѣнія о томъ, что „геройское пожертвованіе жизнью принесено напрасно“, развѣ не предсказывалось тамъ, что „скоро и разъ навсегда пройдутъ въ Россіи времена безнаказаннаго господства подобныхъ Валию господъ“. И *Vorwaerts* писалъ

вѣдъ не менѣе кровавадно: „нѣмецкая социаль-демократическая пресса по праву высказала слова человѣческой симпатіи геройскимъ подвигамъ русскихъ революціонеровъ, которые, жертвуя своей собственной жизнью, выполняютъ неписанные приговоры народнаго суда надъ клеветами російской тираніи“. И когда послѣ такого „официальнаго признанія социаль-демократіи“ въ дѣлѣ политическаго убійства господа министры неопровержимо доказали при помощи фальшивыхъ цитатъ и извращенныхъ фактовъ, что „русскій анархизмъ нашель вѣрнѣйшихъ пособниковъ въ лицѣ нѣмецкой рабочей партіи, для бюргерства ужь не могло быть больше сомнѣнія:— пагубная язва охватила всѣ русскіе и прусскіе государственные устои, а гибельная зараза грозитъ увлечь въ бездну вмѣстѣ съ русскимъ абсолютизмомъ и нѣмецкое отечество...

И газеты закричали караулъ, и даже либеральные органы бросились со всѣмъ жаромъ на преслѣдованіе коварнаго анархизма. „Tägliche Rundschau“ почла доказанной наличность анархической или нигилистической пропаганды и выражала рѣшительное нежеланіе имѣть дѣло съ людьми, „которые бросаютъ бомбы и точатъ въ тишинѣ убійственную сталь; которые проповѣдуютъ въ разпузданныхъ произведеніяхъ кровавый ужасъ!“ „Это враги всякаго государства и всякаго общества, которыхъ или выдаютъ ихъ отечественному государству, или, если они, къ несчастью, божьей волей нѣмцы, ихъ предають суду“. Не менѣе доказаннымъ считали и южно-нѣмецкіе *Münchener Neueste Nachrichten*, что „наши города и государства стали норами и притонами чужеземныхъ убійцъ“, а между тѣмъ „тотъ, кто подстрекаетъ къ убійству ввязей или проповѣдуетъ насильственныя революціи, теряетъ малѣйшее право на пощаду“; въ виду этого „всѣ обвиненія насчетъ нарушенія права и истязанія русскихъ въ Германіи необходимо отвергнуть, какъ не обоснованныя“. Нѣмецкіе же социаль-демократы оказались виновными въ томъ, что они „содѣйствовали распространенію анархическихъ сочиненій съ наиболѣе рѣзкими подговорами къ убійству царя“. Мюнхенская „Allgemeine Zeitung“ признала въ согласіи съ министрами, что въ русскихъ революціонныхъ листкахъ постоянно встрѣ-

чается „открытое исповѣданіе насилій, царубійства и господства террора“; и это должно быть тѣмъ опаснѣе, что подобные листки „разбрасываются въ громаднхъ массахъ среди грубыхъ и необразованныхъ русскихъ рабочихъ или же среди голодающихъ крестьянъ и сельскихъ работниковъ“. При подобныхъ условіяхъ встаетъ вся кровавая серіозность подобныхъ подстрекательствъ, а на нѣмецкую социаль-демократію ложится тяжелая вина формальнаго отождествленія своей партіи съ людьми, которые проповѣдуютъ царубійство и терроръ. Даже „Berliner Tageblatt“ и „Vossische Zeitung“ не удержались отъ того, чтобы не высказать удовлетворенія по поводу рѣшительнаго выступленія правительства и пораженія социаль-демократовъ, которые наконецъ должны оставить игру съ революціонной фразой и твердо выступить противъ защитниковъ убійць ¹⁾).

Органы нѣмецкой католической партіи центра не менѣе единодушно обвиняли русскихъ революціонеровъ и нѣмецкихъ социаль-демократовъ въ анархизмъ. „Germania“ съ торжествомъ указывала на ту роль, которую играла нѣмецкая социаль-демократія на пользу русскихъ анархистовъ, а „Kölnische Volkszeitung“ приписывала раздраженной фантазії и испытанному легковѣрью социаль-демократовъ происхождение „разбойничьихъ разсказовъ“ изъ русской шпіонской исторіи. Консервативныя газеты, конечно, шли еще значительно далѣе. „Schlesische Zeitung“ помѣстила такое описаніе русскаго революціоннаго движенія, которое явно выдавало свое полицейское происхождение, „Kreuz-Zeitung“ утверждало безъ дальнихъ разговоровъ, что и въ Германіи социаль-демократія преслѣдуетъ тѣ-же цѣли, какъ и въ Россіи Leipzig' Neueste Nachrichten возвѣщали платоническій бракъ между анархистами и социаль-демократами. „Reichsbote“ работалъ, какъ всегда, надъ „ужасомъ, убійствомъ и кровопролитіемъ“, причемъ описывались тѣсныя связи, въ которыхъ стоятъ социаль-демократы съ русскими анархическими бандами убійць, а „Deutsche Tageszeitung“ прямо приписывала социаль-демократіи „пропаганду дѣломъ“ ²⁾).

¹⁾ Eisner. Königsberg стр. 82, 84, 85, 86.

²⁾ Тамъ же, стр. 87, 88, 86.

И только одна „Frankfurter Zeitung“ изъ среды либеральныхъ газетъ, и только одинъ социаль-демократическій Vorwarts нашли настоящее слово по поводу нѣмецкихъ жандармовъ и русскаго террора. Вотъ что писалъ послѣдній: „Это совершенно нѣято другое—рекомендовать и защищать террористическую тактику, что постоянно отклоняетъ социаль-демократія—или, въ отдѣльномъ случаѣ, высказать простое, само собою разумѣющееся, вовсе не социаль-демократическое, а всеобщее человѣческое ощущеніе: тѣ люди, которые въ состояніи самоотверженной защиты рѣшаются на крайности по отношенію къ тѣмъ лицамъ, противъ которыхъ нѣтъ никакого права, они не отбросы человѣчества, но, можетъ быть, заблуждающіеся, однако благородные великіе фанатики. Кто осмѣлился бы, напримѣръ, обвинить, какъ преступника, того еврея, который отмстилъ бы въ Кишиневѣ виновнымъ въ убійствѣ своихъ дѣтей, послѣ того, какъ всякое право обазалось бы безсильнымъ. Такое естественное выраженіе симпатіи ничего не имѣетъ общаго съ воззрѣніями на террористическую тактику. Согласно-же „Фоссовой газетѣ“ теперь необходимо было бы подвергнуть уголовному суду самого Фридриха Шиллера, прославившаго убійцу Вильгельма Телли!“

Увы, голосъ „Vorwarts'a“—былъ рѣчью обвиняемаго и даже подсудимаго. При всеобщей поддержкѣ либеральной Германіи русско-германскій жандармъ готовился нанести рѣшительный ударъ русской революціи и не только разгромить и усмирить нѣмецкихъ социаль-демократовъ, но и остановить однимъ ударомъ весь потокъ направленной въ Россію освободительной литературы. Этой цѣли долженъ былъ служить знаменитый Кенигсбергскій процессъ „объ участіи германскихъ подданныхъ въ дѣлѣ возмущенія противъ русской верховной власти, объ оскорбленіи русскаго государя и образованіи тайнаго между собою сообщества“...

II.

Для того, чтобы сразу остановить громадный потокъ русскаго „анархизма“, пробивающійся тысячами струй черезъ бла-

гонимѣренныя поля и вѣси умиротворенной Германіи, надо было захватить его какъ разъ тамъ, гдѣ онъ былъ доступенъ прусскому правительству, въ его нѣмецкихъ протокахъ, въ его прусскихъ посредникахъ. И дѣйствительно, только въ мѣстныхъ передаточныхъ пунктахъ, стоящихъ подъ охраной германской соціалъ-демократіи, возможно было нанести тотъ ударъ, который долженъ былъ надолго отпугнуть нѣмецкихъ „Genossen“ отъ соучастія въ „русскомъ бунтѣ“, а въ непрестанномъ надзорѣ полиціи воздвигнуть плотину между революціоннымъ подпольемъ и его непримиримымъ врагомъ. И уже въ отношеніи къ нѣмецкимъ подданнымъ, попавшимъ въ русскія руки, можно прослѣдить этотъ дружескій курсъ реакціоннаго братства. Такъ, когда въ 1901 г. жена пограничнаго нѣмецкаго кузнеца, Кугеля, была задержана въ Россіи съ исключительной цѣлью выпытать отъ нея свѣдѣнія относительно ввоза въ Россію запрещенныхъ сочиненій, нѣмецкое правительство въ высшей степени спокойно отнеслось къ такому возмутительному насилію и съ величайшимъ добродушіемъ удовлетворялось жандармскими отписками насчетъ де того, что супруги Кугель находятся подъ подозрѣніемъ въ контрабандной доставкѣ революціонной литературы въ Россію. Госпожу-же Кугель обвиняли лишь въ томъ, что она „находилась въ сношеніяхъ съ людьми, которые извѣстны какъ контрабандисты“. Подобное-же подозрительное равнодушіе къ судьбѣ нѣмецкихъ подданныхъ обнаружило нѣмецкое правительство и въ другихъ случаяхъ, когда германскихъ гражданъ арестовывали въ Россіи только за то, что они въ Германіи распространяли русскую революціонную литературу.

Въ своей рѣшительной борьбѣ противъ своихъ же собственныхъ гражданъ прусское правительство не могло однако воспользоваться тѣми удобными средствами, при помощи коихъ боролась съ крамолой восточная имперія. Къ несчастью для нѣмецкихъ властей русская усиленная и чрезвычайная охрана все-же останавливалась передъ германской границей, и даже прусскіе военные суды отказывались дѣйствовать въ области русско-прусскаго шпіонскаго округа. Этимъ путемъ прусское правительство было лишено драгоцѣннѣйшихъ средствъ для

пресѣченія русской свободы, а по отношенію къ своимъ подданнымъ оно не могло употребить даже того остроумнаго средства, которое состояло въ высылкѣ „тягостныхъ“ лицъ на русскую границу съ сибирской перспективой дальнѣйшаго путешествія. Въ русско-прусскомъ договорѣ 1885 г. былъ безусловный пробѣлъ: тамъ совершенно не были предусмотрены нѣмецкіе социаль-демократы, а наша родная административная ссылка оказывалась безсильной по отношенію къ подданнымъ столь дружественной державы. Какъ никакъ, а приходилось дѣйствовать при помощи ординарной прусской юстиціи, обычныхъ земскихъ судовъ и королевскихъ прокуроровъ. И эта обстановка ухудшалась еще тѣмъ, что подъ бокомъ вѣчно шевелилось такъ называемое народное представительство-учрежденіе, которое только въ Россіи сумѣло дѣйствовать подъ мягкой защитой военнаго положенія и чрезвычайной охраны.

Задача администраціи по отношенію къ русской крамолѣ сводилась поэтому къ двумъ вещамъ: съ одной стороны было необходимо обмануть общественное мнѣніе сказкой объ анархизмѣ, напугать его и повести за собой, съ другой предстояло въ русской литературѣ разыскать такіа безсмысленныя анархически кровавыя и преступныя мѣста, которыя могли бы образовать составъ преступленія для нѣмецкихъ социалистовъ, съ надеждой на жестокій охранительный приговоръ.

Къ достиженію этой возвышенной цѣли былъ призванъ слѣдующій кругъ лицъ уголовно-полицейскаго характера: русскіе шпіоны, нѣмецкое таможенное вѣдомство, прусскіе жандармы, королевскій прокуроръ, русскій генеральный консулъ, прусскіе министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, берлинскій русскій посоль и русскій министръ юстиціи. Духовнымъ главою международнаго предпріятія былъ, конечно, германскій имперскій канцлеръ. Отдѣльныя роли были распредѣлены между ними согласно способностямъ и кругу вѣдомства каждаго. Русскіе шпіоны выслѣживали, подкладывали въ почтовые посылки наиболѣе „страшную“ литературу и доносили. Нѣмецкая таможня вскрывала посылки и опять-таки, куда слѣдуетъ, доносила. Прус-

свая полиція арестовывала адресатовъ и доставленную имъ „запрещенную литературу“; литературу она влекла къ русскому консулу, арестантовъ заточала для прокурора. Консулъ изъ доставленнаго матеріала, при помощи маленькой ловкости, сгрязпалъ фальшивый переводъ подь багрово-краснымъ соусомъ. Прокуроръ на основаніи этого яда съ яростью громоздилъ обвиненія. Нѣмецкій министръ испрашивалъ у русскаго судебную жалобу, причемъ русскій консулъ „исправлялъ“ русскій законъ, а русскіе министры съ деликатностью давали нѣмцамъ сообщенія... На долю нѣмецкихъ превосходительствъ оставалась обработка общественнаго мнѣнія.

Въ частности, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: за русской подпольной литературой въ Германіи слѣдили уже давно, долго однако не рѣшались что-нибудь предпринять, т. е. по закону вся эта литература въ Германіи была совершенно дозволенной и легальной. И даже въ случаѣ ареста и задержанія русскихъ книгъ приходилось съ печальнымъ сердцемъ выдавать ихъ адресатамъ обратно; и врядъ ли поиски за „анархизмомъ“ были-бы успѣшны, еслибъ не русскій генеральный консулъ въ Кенигсбергѣ, господинъ статскій совѣтникъ Выводцевъ. Его литературныя дарованія по-ложительно спасли дѣло, и когда, по обыкновенію, въ тщетной надеждѣ найти адскій комплотъ, принесли нѣмецкіе жандармы господину Выводцеву литературку на просмотръ, онъ, несмотря на „страшную поспѣшность“ и массу литературы, все-же успѣлъ сдѣлать громадное открытіе и, подь видомъ перевода, такъ „передать содержаніе“ разныхъ книжекъ, что не только у полиціи и прокурора, но и у прусскихъ министровъ и народнаго представительства прямо волосы дыбомъ встали. И это было сдѣлано весьма остроумно. Господинъ Выводцевъ прямо сочинилъ страшно террористическія мѣста свирѣпаго содержанія и вручилъ ихъ нѣмецкимъ властямъ съ слѣдующимъ официальнымъ удостовѣреніемъ: „Императорское Россійское Консульство симъ удостовѣряетъ за надлежащимъ подписомъ и съ приложеніемъ казенной печати, что въ доставленной ему отъ 24 Сентября королевскимъ полицейскимъ управленіемъ брошюрѣ, подь названіемъ „возро-

жденіе революціонизма въ Россіи“, изданіи соціально-революціонной партіи „Свобода“, находятся слѣдующія мѣста: „одно такое мѣсто гласитъ: „объединенные въ центральный комитетъ соціалисты-революціонеры должны пропагандировать среди русскихъ революцію, посредствомъ террора они должны произвести переворотъ и осуществить смертный приговоръ всѣмъ лицамъ, осужденнымъ комитетомъ“. Другое мѣсто, поэтически измышленное консуломъ, звучитъ еще лучше: „ничто не должно спасти престола“ царствующаго государя „отъ участи, которая постигла Александра II, кровавое дѣло должно совершиться и ничто не спасетъ его отъ ярости народа“. Увы, когда на судѣ защита попросила г. Выводцева найти тѣ мѣста въ брошюрѣ Надеждина, которыя онъ сочинилъ съ такимъ террористическимъ подъемомъ—онъ никакъ не могъ отыскать ихъ въ брошюрѣ, написанной противъ систематическаго террора и отговорился тѣмъ, что, де, онъ хотѣлъ оказать „лишь простую любезность по отношенію къ полиціи“, онъ даже не дѣлалъ никакого перевода, но далъ лишь въ „поспѣшности бѣглое изложеніе“ „сомнительныхъ мѣстъ“¹⁾.

Какъ мы увидимъ ниже, цитатъ г. Выводцева было достаточно для того, чтобы началось удивительное дѣло о ниспроверженіи нѣмцами русской верховной власти, и цѣлый рядъ нѣмецкихъ соціалистовъ былъ на многіе мѣсяцы засаженъ въ тюрьму. Здѣсь мы упомянемъ о другомъ результатѣ его консульскаго творчества. При помощи того-же искусства читать „сомнительныя мѣста“ прусскіе министры произвели величайшій эффектъ въ палатахъ уже послѣ того, какъ въ ихъ рукахъ оказались вѣрные переводы подлинника, изготовленные приватъ-доцентомъ Ростомъ. Нечего говорить, что объектомъ министерскихъ упражненій были отнюдь не тѣ, направленныя противъ террора или чуждыя ему, произведенія либеральной и соціалистической литературы, которыхъ было около 5000 экземпляровъ среди арестованныхъ посылокъ, нѣтъ, г.г. министры воспользовались исключительно немногими найденными

¹⁾ Eisner, Königsberg, стр. 277 и слѣд. Срав. также Азіат., Русское правительство передъ судомъ Европы (Кенигсбергскій процессъ, сокращ. перев. г. Катенва, выд. I, II, Берлинъ, 1905—1906 г. I, 37.

тамъ изданіями Бурцева и Надеждина ¹⁾, которыя при падле-
жащемъ искусствѣ могли исполнить наибольшимъ страхомъ
прусско-русскаго сердца. Искусство цитировать было демон-
стрировано г. Шёнштедтомъ съ особеннымъ успѣхомъ еще въ
засѣданіи прусской палаты 23 Февраля 1904 г. Умѣло выпу-
стилъ онъ изъ брошюры Надеждина ту часть, которая говоритъ
о „броженіи въ массахъ“, о слабости стараго режима, кото-
рый „разсыплется вдребезги при первомъ же массовомъ
натискѣ“, но зато съ особеннымъ удареніемъ онъ провозгласилъ
о крушеніи „самодержавнаго трона“, котораго не спасутъ
„ни ограды изъ штыковъ, ни полицѣйско-жандармскіе ищѣйки,
ни кошель крупныхъ капиталистовъ, ни вѣрноподданническіе
вопли дворянства“ и т. д. Въ такой передачѣ чисто теоре-
тическое положеніе о неизбѣжномъ крушеніи самодержавія по-
лучило характеръ чуть ли не личной угрозы дружественному
монарху и подобную цитату съ успѣхомъ дополнила другая,
заимствованная изъ приведенныхъ у Надеждина словъ Пле-
ханова. Здѣсь также преднамѣренно выпущено то мѣсто, ко-
торое лишаетъ терроръ всякаго рѣшающаго значенія, наобо-
ротъ, выдвинуто все, что только можетъ характеризовать „ро-
беспьеровское“ настроеніе русскаго социаль-демократа.

И когда г. Шёнштедтъ цитировалъ Бурцевскаго „Наро-
довольца“, онъ подобнымъ-же образомъ благоразумно умол-
чалъ о томъ, что инкриминируемыя мѣста принадлежали ста-
рой „Народной Волѣ“, были направлены противъ другого
лица, если-же Бурцевъ счелъ необходимымъ поднять это бывшее
знамя, то съ той оговоркой, которая является характерной
и для старыхъ и для молодыхъ народовольцевъ: „мы будемъ
первые, говорить Бурцевъ, кто выскажется за полное прекра-
щеніе террористической борьбы, разъ только правительство
честно захочетъ отказаться отъ нынѣшней своей разбойничьей
политики; мы теперь за терроръ не потому, что онъ намъ
нравится, а единственно потому, что по нашему мнѣнію въ
настоящее время (написано въ 1904 г.) нѣтъ другихъ средствъ
борьбы съ правительствомъ, которыя могли бы... заставить его

¹⁾ Русскаго революціонера-соціалиста, стоявшаго на промежуточной ступени
между социаль-демократами и соц.-революціонерами.

пойти на уступки. Когда въ Россіи будетъ возможна честная, увѣренная въ себѣ политика, независимая ни отъ какихъ Побѣдоносцевыхъ, хотя бы такая, какая начиналась подъ давленіемъ революціонеровъ при Лорисъ-Меликовѣ, и будетъ открыто заявлено, съ достаточными гарантіями, о наступленіи новой эры свободнаго развитія, мы тоже подобно Степняку „одобримъ принатіе мирныхъ условій и будемъ тогда противъ *террора такъ же*, какъ мы и теперь противъ него въ свободныхъ странахъ. Мы считаемъ необходимыми условіями успѣшной политической борьбы: свободу печати, сходокъ, личности. При наличности этихъ условій мы и безъ террора дойдемъ до всѣхъ своихъ завѣтныхъ идеаловъ“.

Если бы г. Шёнштедтъ цитировалъ Надеждина и Бурцева цѣликомъ, стала бы сразу очевидной вся сущность русскаго „терроризма“, который, по выраженію Карла Либкнехта, соединяетъ съ радикализмомъ средства чрезвычайную умѣренность своихъ политическихъ требованій¹⁾. Однако, если бы это произошло, то не было бы и Кёнигсбергскаго процесса—этой удивительной попытки одѣть русскую революцію въ колпакъ анархизма и убить политическое освобожденіе страны подъ видомъ борьбы съ отрицающими всякую политику и всякое государство соціальными стремленіями, а подъ видомъ преступленія—созидающую дѣятельность возрожденія. Извращенныя цитаты г. министра точно также сдѣлали свое дѣло, какъ поэтическіе переводы русскаго консула. И если первый могъ похвалиться, что онъ довелъ до положительной паники нѣмецкихъ бюргеровъ, то второй цѣликомъ заслужилъ высокой чести быть духовнымъ виновникомъ нелѣпѣйшаго по своей юридической конструкціи дѣла.

И въ самомъ дѣлѣ, г. консуль не удовлетворился литературнымъ успѣхомъ; онъ усмотрѣлъ одинъ изъ первыхъ составъ преступленія въ дѣйствіяхъ нѣмецкихъ „распространителей“ русской нелегалщины и подвелъ ихъ преступленіе

¹⁾ Что и подтвердилось впоследствии послѣ революціи 1917 г. Уже во время войны 1914 г. Бурцевъ оказался на самомъ правомъ флангѣ социаль-оборонцевъ и „патріотовъ“, а въ 1917 г. его позиція совершенно совпала съ умѣренно-кадетскою.

подъ самыя страшныя статьи стараго русскаго уложенія. Мало того, когда нѣмцы попросили консула перевести эти статьи закона, чтобы убѣдиться, даютъ ли онѣ основу для преслѣдованія прусскихъ подданныхъ по аналогичной статьѣ германскаго уложенія, то г. Выводцевъ оказался чрезвычайно щедръ: въ теченіе краткаго времени, по желанію прусскихъ властей, онъ далъ не менѣе трехъ, и притомъ совершенно различныхъ, переводовъ статей русскаго закона, причемъ, по непостижимой случайности, выпущеннымъ или искаженнымъ оказывалось какъ разъ то мѣсто, которое обуславливало возможность всего процесса и при правильномъ примѣненіи дѣлало его юридически и формально совершенно невысказаннымъ.

Какъ извѣстно, нѣмецкое уложеніе ограждаетъ отъ посягательства со стороны своихъ подданныхъ только тотъ строй иностранныхъ государствъ, и только тѣхъ монарховъ отъ оскорбленія, законодательство которыхъ обезпечиваетъ германскому правительству въ этомъ отношеніи полную взаимность и въ такой же мѣрѣ ограждаетъ у себя дома неприкосновенность германской имперіи и честь ея многочисленныхъ монарховъ. Другими словами, если-бы королю ашантиевъ, мароккскому султану или священному деспоту афганской имперіи пришла въ голову фантазія установить у себя такія же точно наказанія за потрясеніе основъ германской имперіи, какъ своей головорѣзной конституціи и также сдирать шкуру со своихъ подданныхъ за оскорбленіе Вильгельма II какъ за критику своего собственнаго черпаго или желтаго величества, то въ этихъ случаяхъ и Германія была бы обязана преслѣдовать своихъ собственныхъ подданныхъ за всякое соучастіе въ догемейской или китайской революціи, за всякое оскорбленіе разныхъ Азисовъ, Цитевайо и т. п. Законъ этотъ, какъ можно видѣть, не отличается особой прогрессивностью и можетъ, словами Эйснера, быть опредѣленъ какъ защита государствъ низшей культуры. Совершенно очевидно, что когда зашла рѣчь о судѣ надъ нѣмецкими социалистами за соучастіе въ русской революціи и оскорбленіе русскаго царя, то первой задачей являлось выясненіе вопроса о томъ, защищаетъ ли русское право въ той же мѣрѣ германскую конституцію и

ея монарховъ, какъ это сдѣлано по отношенію къ русскому абсолютизму и русскому царю. И если бы оказалось, что русскій законъ такой защиты не гарантируетъ, то и преслѣдованіе нѣмецкихъ гражданъ за посягательство на русскій дореформенный строй и за оскорбленія русскаго самодержца оказалось бы невозможнымъ.

И пужно замѣтить, что русскій законъ—мы говоримъ здѣсь о старомъ уложеніи—такой гарантіи не давалъ, и это вполне понятно: абсолютный режимъ никоимъ образомъ не могъ сочувствовать правовому строю сосѣднихъ государствъ и менѣе всего считалъ себя заинтересованнымъ въ сохраненіи разныхъ конституцій. Напротивъ того, ихъ ниспроверженіе и замѣна единоспасающей патріархальной властью самовластнаго владыки могла только усилить великое братство европейскихъ державъ на почвѣ водворенія добраго стараго порядка. Было бы непослѣдовательно далѣе карать подданнаго абсолютнаго государства за то, что онъ отрицательно относится къ заразѣ конституціонализма и непочтительно отзывается о тѣхъ, кто ограничилъ себя всякими хартіями и правами, раздѣлили свою власть съ людьми, непричастными божьей милости. Вполнѣ логично, поэтому, русскій законъ въ 260 статьѣ стараго уложенія только тогда наказывалъ нѣкоторые изъ государственныхъ преступленій противъ иностраннаго государства, когда съ нимъ „на основаніи трактатовъ или обнародованныхъ о томъ узаконеній, постановлена надлежащая въ семъ отношеніи обоюдная взаимность“.

Вотъ эта-то статья и была тѣмъ препятствіемъ, которое нужно было во что бы то ни стало побороть, чтобъ засудить безбожныхъ социаль-демократовъ за государственное преступленіе противъ русскаго самодержавія. И этотъ вопросъ ставился тѣмъ острѣе, что кромѣ договора о взаимности съ Австріей никакихъ другихъ соглашеній съ другими державами въ Россіи не было, также какъ никакихъ узаконеній, обнародованныхъ въ Россіи и защищающихъ наравнѣ съ Русскимъ строемъ и верховной властью—германскую конституцію и безчисленныхъ нѣмецкихъ величествъ, высочествъ и свѣтлостей..... Однако, гдѣ отказывается служить законъ,

тамъ его съ успѣхомъ замѣняетъ удачный переводъ или умѣлое изложеніе по-нѣмецки того, что производить по-русски непріятное впечатлѣніе. И г. Выводцевъ весьма остроумно справился со своей задачей: одинъ разъ онъ перевелъ трактаты и обнародованныя узаконенія прямо словомъ „если установлена взаимность“; къ этому были присоединены очень неточные и двусмысленные переводы 241, 242 и 249 статей русскаго уложенія. О томъ, что за оскорбленіе иностраннаго монарха въ Россіи вообще взаимности не полагается, г. генеральный консулъ благоразумно умолчалъ. Въ другой разъ нашъ Кѣнигсбергскій юристъ и литераторъ поступилъ еще изыщнѣе: онъ замѣнилъ самовольно русскій устарѣлый текстъ краткой, но выразительной формулой: „въ случаѣ обезпеченной взаимности“. И только въ третьемъ столь-же какъ и первые два—торжественно удостовѣренномъ переводѣ—г. статскій совѣтникъ почему-то вспомнилъ о подлинной русской статьѣ и рѣшилъ сдѣлать ей маленькую уступку: „на основаніи трактатовъ или инымъ образомъ установлена взаимность“. Какъ видимъ во всѣхъ случаяхъ, однако, нѣмецкая прокуратура была спасена путемъ подлога, русскій текстъ извращенъ, и удивительно ли послѣ этого, что именно такая взаимность, „переведенная“ г. Выводцевымъ, легла въ основу самаго обвинительнаго акта.

Конечно, въ рукахъ нѣмецкихъ властей имѣется еще другой официальный переводъ русскаго уложенія, который въ концѣ концовъ и очутился въ рукахъ прокуратуры. Истину открыть было не такъ трудно; на этотъ случай, однако, были еще иные средства. Доставленіемъ ихъ озаботились уже другіе, не столь откровенные и рѣшительные русскіе чины. Однимъ изъ первыхъ былъ здѣсь русскій императорскій посолъ въ Берлинѣ, графъ Остенъ-Сакенъ. Когда къ нему обратилось германское правительство съ самоотверженнымъ доносомъ на своихъ собственныхъ гражданъ и съ не менѣе лестнымъ предложеніемъ предъявить въ узаконенномъ порядкѣ требованіе объ уголовномъ преслѣдованіи заблаговременно засаженныхъ по тюрьмамъ Новогроцкаго и товарищей, графъ-дипломатъ не замедлилъ поли-

тичнымъ отвѣтомъ: само собою разумѣется, онъ ни минуты не колебался предъявить желаемое требованіе о наказаніи друсскихъ бунтовщиковъ противъ русскаго государства. „Революціонная пропаганда противъ русскаго правительства“—это преступленіе, которое вызываетъ справедливый гнѣвъ его сіятельства—и положительно дѣлаетъ честь нашему послу столь точное обозначеніе выставленнаго графомъ Бюловымъ „анархизма“, какъ употребленный въ русской бумагѣ терминъ. Старый дипломатъ Остенъ-Сакенъ отлично знаетъ, въ чемъ тутъ дѣло, и, не напуская нигилистическаго тумана, прямо называетъ вещи по ихъ именамъ. Не въ анархизмѣ тутъ суть, а въ „революціонной пропагандѣ противъ русскаго правительства“, „въ распространеніи печатныхъ произведеній, направленныхъ противъ русской верховной власти“. Однако, вопросъ о взаимности заставляетъ задуматься русскаго посла; съ одной стороны, взаимности нѣтъ, съ другой—необходимо „пресѣчь революціонную пропаганду“. И нашъ берлинскій предъставитель находитъ выходъ гораздо болѣе личный, чѣмъ г. генеральный консулъ. Въ двусмысленныхъ выраженіяхъ онъ „заявляетъ германскому правительству, что русское правительство гарантируетъ со своей стороны полную взаимность въ аналогичныхъ случаяхъ“. И это дѣйствуетъ, и съ восторгомъ прусскій министръ юстиціи извѣщаетъ прокурора о томъ, что русскій посолъ „высказываетъ обезпеченіе взаимности“ по дѣлу несчастнаго Новогроцкаго. Объ одномъ тутъ, какъ кажется, забылъ г. министръ, еслибъ даже русскій законъ допускалъ такое „обезпеченіе“, то оно должно было быть дано во всякомъ случаѣ до совершенія преступленія со стороны обвиняемыхъ. Спрашивается, кто здѣсь кого вводилъ въ „заблужденіе“?

Послѣдней попыткой спасти „взаимность“ была знаменитая телеграмма русскаго министра юстиціи Муравьева, полученная судомъ, увы, уже послѣ того, какъ грандіозное хитро-сплетеніе поддѣлокъ, ошибокъ и двусмысленностей было окончательно разоблачено. На телеграфный запросъ суда о наличности въ Россіи требуемаго уложеніемъ договора или особаго закона о взаимности, имперскій канцлеръ прислалъ

слѣдующую телеграмму: „русское правительство увѣдомило германское, что въ Россіи нѣтъ никакого особаго закона, въ силу котораго..... была бы обезпечена взаимность относительно наказуемыхъ по русскому уголовному уложенію государственныхъ преступленій; русскій министръ юстиціи, однако, того мнѣнія, что, на основаніи 260 статьи въ настоящее время дѣйствующаго уголовного уложенія, а также на основаніи положеній утвержденнаго..... 22 Марта прошлаго года новаго уголовного уложенія, обезпечена въ подобномъ случаѣ взаимность“. Бѣдный русскій министръ юстиціи, онъ желалъ во что-бы то ни стало навязать свое мнѣніе прусскому суду и даже прибѣгъ для этого къ туманной ссылкѣ на новое уголовное уложеніе; и еслибъ судъ не зналъ уже раньше, что новое уложеніе хотъ утверждено, но еще не дѣйствуетъ, онъ бы, пожалуй, усомнился въ утвержденіяхъ защиты и экспертизы. Но г. министръ опоздалъ, и молчаливыи, презрительная улыбка пробѣжала по лицу судей и присутствовавшихъ, когда на судѣ былъ прочитанъ этотъ перлъ муравьевской юриспруденціи: всѣ поняли отлично это покушеніе на истину, къ счастью, съ негодными средствами.

Послѣ того, какъ прокуратура и союзъ русскаго и прусскаго правительствъ установилъ при помощи г.г. Выводцева и Остенъ-Сазена требуемую закономъ взаимность, вопросъ конструированія вины не представлялъ никакихъ затрудненій; русскія статьи, дѣйствительно подходившія къ нѣмецкимъ, были забракованы, изъ русскаго уложенія были извлечены самые страшные параграфы, карающіе смертной казною, и машина строгой законности и безошаднаго преслѣдованія „преступниковъ“ пошла полнымъ ходомъ. На многіе мѣсяцы обвиняемые были упрятаны въ тюрьму подъ остроумнымъ предлогомъ опасности сокрытія слѣдовъ преступленія и бѣгства отъ суда „въ Россію“. Для того, чтобы преждевременно не было раскрыто все творчество Шёнштедтовъ и Выводцевыхъ, до самого суда не показывали обвиняемымъ тѣхъ книжекъ, за распространеніе которыхъ ихъ судили, и всего на 5 дней дали имъ для ознакомленія обвинительный актъ, заключающій въ себѣ двѣ съ половиной сотни печат-

ныхъ на машинѣ страницъ. 9 мѣсяцевъ въ тишинѣ русско-прусскихъ канцелярій плелась фантастическая паутина, сооружалось явное и тайное досье, нагромождались однѣ революціонныя цитаты на другія, скрещивались одни секретныя донесенія съ другими, перемѣшивались въ одну кучу пошлые доносы русскихъ агентовъ, безграмотные протоколы пограничныхъ жандармовъ, исторически обработанныя изслѣдованія берлинской политической полиціи, состряпанныя въ знаменитомъ политическомъ отдѣленіи *Polizei-Præsidium*'а. И въ то время, какъ министры при помощи искусно приготовленныхъ цитатъ дразнили напуганное бюргерство краснымъ цвѣтомъ революціонно-соціалъ-демократическаго нигилизма, заключеннымъ и ихъ защитѣ не было сообщено ни единой строчки изъ того, что было у нихъ открыто, арестовано или найдено.

Впрочемъ, это и не было нужно. Какъ заявлялъ потомъ министръ юстиціи, вѣдь эти люди не понимали ни по-русски, ни по-польски, ни по-латышски, да это и не требовалось, достаточно было того, что эта литература предназначалась „не для арміи спасенія“. Подсудимые знали, что эта литература соціалъ-демократическая; они могли догадываться, что тамъ есть произведенія революціонныя; они навѣрно должны были знать, что тамъ проповѣдуется низверженіе абсолютизма. Точно также они должны были знать, что тамъ нѣтъ похвалъ по адресу верховной власти дореформенной Россіи, и этого совершенно достаточно. Это прекрасный составъ для такъ называемаго „*dolus eventualis*“. И для этого не зачѣмъ даже знать, какая литература была найдена у каждаго обвиняемаго: всѣ вмѣстѣ они виноваты за все, хотя бы понятія не имѣли въ томъ, что находится въ присланныхъ имъ для транспорта книжкахъ. Они должны были знать, что это противъ Россіи, и этого довольно! Они стали сообщициками страшнаго преступленія, они явились пособниками въ борьбѣ за русскій свободный строй, они участвовали въ распространеніи въ Россіи идеаловъ правового конституціоннаго, демократическаго или соціалистическаго государства,—распятъ, распятъ ихъ!

Въ своей обвинительной рѣчи оберъ-прокуроръ Шютце слѣдующимъ образомъ формулировалъ великія преступленія русскихъ революціонеровъ и ихъ нѣмецкихъ сообщниковъ. „Господа судьи, сказалъ онъ, великъ тотъ интересъ, громадно то впечатлѣніе, которое настоящій процессъ произвелъ не только здѣсь, въ Германіи, но и во всей Европѣ, далеко за предѣлами нашего отечества. Настоящій процессъ вскрылъ происки русскихъ революціонеровъ, которые не только затопили свое отечество волною нелегальной литературы, но въ довершеніе ясно высказались относительно той цѣли, которую они преслѣдуютъ, обозначая ее, какъ „ниспроверженіе гнета абсолютизма“. Это выражено также въ № 43 „Искры“, гдѣ идетъ рѣчь о ниспроверженіи самодержавія. Они, безъ особенной разборчивости, выбирали литературу, также какъ и средства для достиженія своей цѣли. Такъ, рабочіе и крестьяне должны возстать, полиція подвергается брани и называется „разбойничьей бандой“, самыми черными красками рисуется состояніе арміи, а къ солдатамъ обращается призывъ „не стрѣлять, если это будетъ имъ приказано“. Ихъ призываютъ къ нарушенію присяги, и сами офицеры должны стать революціонерами. Все это находится въ данной литературѣ. Однако, этого слишкомъ мало: тамъ находятся самыя позорныя, самыя постыдныя оскорбленія русскаго императора и притомъ не только въ худшемъ..... но даже въ самыхъ умѣренныхъ произведеніяхъ..... Затѣмъ..... мы слышали, какое громадное число совершается въ Россіи покушеній, и всѣ они, за исключеніемъ одного, должны быть объяснены изъ политическихъ мотивовъ. Эти преступленія восхваляются въ сочиненіяхъ и прославляются сами преступники. Сообразно съ этимъ мы находимъ въ этихъ произведеніяхъ прямыя призывы къ царубійству, и, въ случаѣ, если это бы оказалось нужнымъ, къ цѣлому ряду царубійствъ. Можно ли представить себѣ что-либо болѣе позорное, чѣмъ эти сочиненія, и развѣ не должно возбуждать изумленіе, что члены германской имперіи, прусскіе граждане, позволили себѣ распространять въ Россіи или содѣйствовать распространенію литературы съ

такимъ постыднымъ содержаніемъ. И къ такимъ людямъ принадлежать обвиняемые, всѣ обвиняемые“!

И если, далѣе, „революціонная пропаганда возможна въ Россіи только при помощи прессы“, то именно она является самой опасной въ Россіи: „мы установили, говорилъ оберъ-прокуроръ, что вся литература, даже та, которая стоитъ на почвѣ социаль-демократической программы, ставить своей цѣлью устраненіе власти царя, низверженіе абсолютизма и введеніе въ самой Россіи конституціи. Это программа „Искры“, и обвиняемые ее признали своей..... Однако-же, какъ это очевидно, въ Россіи невозможно водвореніе конституціонной монархіи мирнымъ путемъ..... Законнымъ путемъ нельзя въ Россіи добиться конституціи, отсюда слѣдуетъ, что эта цѣль можетъ быть достигнута только незаконнымъ путемъ, при помощи силы“. И обвиняемые не могутъ оправдываться, „что они не понимаютъ ни по-русски ни по-латышски и не знали содержанія литературы..... Однако дѣло идетъ не о томъ, знали ли подсудимые тотъ языкъ, на которомъ написаны эти произведенія, но о томъ, что они знали и должны были считаться съ возможностью, что распространяемая ими литература стремится къ той цѣли, чтобы въ Россіи устранить абсолютизмъ и ввести конституцію—другими словами, это стремленіе, которое карается по русскому праву, и разъ они съ этимъ считались, то, слѣдовательно, они совершили наказуемое дѣйствіе“..... И вполне понятно, что въ подобномъ случаѣ „прусское правительство должно было сообщить объ этомъ дружественной Россійской Имперіи и запросить ее, не пожелаетъ ли она воспользоваться здѣсь своимъ правомъ уголовнаго преслѣдованія..... При международности антигосударственнаго образа мысли можно было ожидать и предположить неизбежное влияніе его на сосѣднюю Германію“. Не надо забывать, что цѣлью всѣхъ революціонныхъ произведеній было „измѣненіе русскаго государственнаго строя“!

И товарищъ прокурора (совѣтникъ прокуратуры), Каспаръ,

¹⁾ Рѣчь оберъ-прокурора Шютце и прокурора Каспара цитирую по стенографическому отчету у Эйснера сравнительно съ переводомъ Катенина.

удачно поддержалъ своего шефа въ его откровенномъ стремленіи стать на истинно-русскую точку зрѣнія. „Что мы слышали, спрашивалъ онъ, въ прочитанныхъ на судѣ брошюрахъ, это были различные звуки, однако, это былъ только одинъ инструментъ, то съ болѣе пронзительными, то съ болѣе легкими струнами, но всѣ струны были настроены на одинъ основной тонъ: долой царя! Говорятъ, здѣсь имѣется въ виду не царь, а царизмъ (абсолютизмъ); я думаю, однако, что для царя это будетъ мало понятно: если я бью кого-нибудь по лицу и затѣмъ говорю, я тебѣ ничего не хочу причинить, но только хочу ударить твое званіе, то обиженный никогда не скажетъ, я не имѣю теперь основанія чувствовать себя оскорбленнымъ“. Совѣтникъ прокуратуры отказывается далѣе найти рѣзкое различіе между социаль-демократіей и социалистами-революціонерами, между социаль-демократіей безъ террора и социаль-демократіей съ терроромъ. Даже партію „Искры“ прокуроръ не считаетъ вполне свободной отъ террористическихъ идей, не смотря на множество опубликованныхъ въ ея органѣ статей „противъ эксцитативнаго террора“ или „противъ террора, какъ боевого средства“—„одинъ отвѣчаетъ на удары нагайкой, самоубійствомъ, Вѣра Засуличъ—выстрѣломъ“. По мнѣнію прокурора „Искра“ не менѣе желаетъ, чтобы правительство было „напугано“, нигдѣ ясно и опредѣленно не осуждается политическое убійство, нигдѣ оно не объявляется глубоко безнравственнымъ, отверженнымъ. Кто здѣсь скорѣе говоритъ противъ терроризма, это торговецъ, который разсуждаетъ: что станется изъ моей лавочки, если мой конкурентъ работаетъ при помощи, правда, безнравственныхъ, но зато очень привлекательныхъ средствъ. Сюда еще присоединяется игра съ мыслью о казни, которая по нашей этикѣ представляется еще болѣе безнравственной, чѣмъ самоубійство. Какъ правильно заявляетъ Надеждинъ, „большая часть социаль-демократіи признаетъ терроризмъ, но только подчиняется партійному принужденію“, такимъ образомъ „предоставляется каждому отдѣльному лицу примѣнять терроръ, только бы имъ не занималась конкурирующая партія“..... „Русская социаль-демократія въ

виду этого преслѣдуетъ цѣли, отъ которыхъ отворачивается нѣмецкая со справедливымъ негодованіемъ, такъ какъ послѣдняя отвергаетъ насильственные средства и постоянно подчеркиваетъ, что она желаетъ добиться преобразованія общественнаго и государственнаго строя при помощи мирныхъ и законныхъ путей“.

Въ лицѣ Надеждина и его теоріи г. Каспаръ видитъ своего рода посредствующее звено между социаль-демократами и социалистами-революціонерами, т. к. Надеждинъ требуетъ отъ социаль-демократіи, чтобы правленіе партіи создало терроръ, какъ боевое средство. Самымъ опаснымъ однако, считаетъ прокуроръ Владиміра Бурцева и его теорію: „опасность его сочиненій не меньше оттого, что..... всѣ относятся къ нему крайне враждебно..... Если же вы сообразите, что русскіе очень тѣсно живутъ за границей и очень воспріимчивы къ революціонной литературѣ, то вы можете тогда себѣ представить, какова опасность бурцевскихъ сочиненій, якобы даже чисто историческаго характера“.

И подобно своему шефу товарищ оберъ-прокурора не могъ удержаться отъ навязыванія революціи террора, этого „самаго крайняго политическаго средства, террора, какъ средства борьбы“. И въ самомъ дѣлѣ, „какъ возможно добиться въ Россіи мирнымъ путемъ республики, когда тамъ не существуетъ даже права петиціи, тамъ напередъ возможна только борьба, вѣдь не пожелаете же вы признать, что въ одинъ прекрасный день царь сойдетъ съ своего трона подъ впечатлѣніемъ социаль-демократическихъ ученій и пожелаетъ стать лишь гражданиномъ среди гражданъ. Въ Россіи можетъ быть только вопросъ о томъ, кто сильнѣе“..... И въ своихъ вторыхъ рѣчахъ и оберъ-прокуроръ и его товарищъ еще разъ указали на общность „культурныхъ“ интересовъ двухъ сосѣднихъ націй. „Когда горитъ домъ моего сосѣда, то и мой также въ опасности“, заявилъ Шютце— „учрежденіе же демократической республики должно самымъ чувствительнымъ образомъ отразиться и на Германіи“. „Большое вліяніе будетъ имѣть, подтвердилъ и г. Каспаръ, то обстоятельство на публичные интересы Германіи, останется

ли существовать въ Россіи твердыня абсолютизма или нѣтъ; пламя революціоннаго движенія можетъ легко переброситься въ Германію, въ особенности у поляковъ и литовцевъ, а распространеніе возмутительныхъ произведеній могло бы уже теперь нарушить добрыя отношенія между Германіей и Россіей. Итакъ, русское горе—нѣмецкое горе, русская революція великая опасность для Германіи, а терроръ—необходимое революціонное средство тамъ, гдѣ нѣтъ даже права петиціи. Такъ оправдывалъ королевскій прокуроръ въ 1904 г. прусско-русскую борьбу противъ русскаго освобожденія. Странно одно, отъ страшнаго, ужаснаго, общепаснаго для всѣхъ культурныхъ странъ „анархизма“ здѣсь уже не осталось ничего!

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. А. Рейснеръ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

И. В. Чернышевъ. „Община послѣ 9 ноября 1906 года“ (по анкетѣ Вольнаго Экономическаго Общества). Изданіе Вольнаго Экономическаго Общества. Часть I. Петроградъ. 1917 г. Стр. XXVIII+195. Часть II. Петроградъ. 1917 г. Стр. 143. Цѣна за обѣ части 4 руб.

Довольно обширная работа И. В. Чернышева выполнена по даннымъ анкеты Вольнаго Экономическаго Общества и представляет собою результатъ обработки матеріаловъ анкеты лишь по 11 губерніямъ, относящимся къ центрально-земледѣльческому и средневоложскому районамъ. Такое ограниченіе предмета работы объясняется Анкетной Комиссіей, какъ видно изъ сообщенія ея, помѣщеннаго въ I части вслѣдъ за предисловіемъ, тѣмъ, что война замедлила разработку матеріаловъ по остальнымъ губерніямъ, и къ опубликованію результатовъ этой разработки будетъ приступлено, какъ только къ тому представится возможность. Изъ сообщенія названной Комиссіи, такимъ образомъ, не ясно, производится ли, вообще, разработка остальныхъ данныхъ анкеты, и когда остальная часть труда г. Чернышева будетъ опубликована.

Что касается характера самой анкеты, то изъ того же сообщенія видно, что къ ней приступлено было во исполненіе постановленія перваго отдѣленія Вольнаго Экономическаго Общества 5 марта 1910 года, состоявшагося по заслушаніи доклада И. В. Чернышева о „проектѣ изслѣдованія крестьянскаго хозяйства и землевладѣнія послѣ 9 ноября 1906 года“, при чемъ редактированіе программы обслѣдованія было поручено особой Анкетной Комиссіей подъ пред-

сѣдательствомъ В. И. Покровскаго, при секретарѣ А. Е. Лосицкомъ.

Съ технической стороны анкета произведена разсылкой бланковъ преимущественно по адресамъ корреспондентовъ текущей земской статистики лѣтомъ 1910 года. Однако на 12.000 разосланныхъ бланковъ въ 1910 и 1911 г.г. получено было лишь 1.700 отвѣтовъ. Первоначальную разработку матеріаловъ анкеты взяли на себя Б. Б. Веселовскій, А. Е. Лосицкій, В. И. Покровскій, И. В. Чернышевъ и П. Б. Шимановскій, а дальнѣйшая работа сосредоточилась въ рукахъ Б. Б. Веселовскаго, А. Е. Лосицкаго и И. В. Чернышева.

Многіе изъ дефектовъ анкеты, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, объясняются, конечно, тѣми условіями, при которыхъ они производились. „Анкета наша“, говоритъ Комиссія, „была произведена при нарушеніи министерскаго „запрещенія“ производства Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ всякаго рода анкетъ.“ Выполнивъ это запрещеніе, нѣкоторые губернаторы издавали приказы о задерживаніи всѣхъ пакетовъ, адресованныхъ Вольному Экономическому Обществу. Губернаторское гоненіе на анкету дошло, напр., до того, что по Курской губернии отъ бдительности полиціи ускользнуло всего лишь 6 бланковъ! Помимо того, В. Э. О. получило отъ крестьянъ-корреспондентовъ рядъ писемъ съ просьбами о защитѣ ихъ отъ администраціи, преслѣдовавшей за писаніе отвѣтовъ.

Все это должно было крайне неблагоприятно отразиться на реальныхъ результатахъ работы, и возникаетъ естественный вопросъ, стоило ли при столь незначительномъ количествѣ отвѣтовъ, особенно по нѣкоторымъ отдѣльнымъ губерніямъ, подвергать полученный матеріалъ научной разработкѣ. Почтенныя научныя намѣренія Анкетной Комиссіи въ значительной мѣрѣ разбились о косность тогдашней администраціи, полученный матеріалъ сильно терялъ въ планомѣрности и полнотѣ освѣщенія дѣйствительнаго положенія земельной общины въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и даже районахъ, приобрѣталъ характеръ отрывочности и случайности въ зависимости отъ непредвидѣнной удачи избѣжанія уничтоженія полицейской властью при пересылкѣ.

Какъ бы тамъ ни было, первые шаги работы сдѣланы, и судить о нихъ надо въ связи съ создавшеюся при обследованіи обстановкой.

Въ обширномъ предисловіи, занимающемъ 28 страницъ, г. Чернышевъ знакомитъ насъ съ подробностями своей работы, а также съ нѣкоторыми, главнѣйшими выводами изъ нея. Это обстоятельство заставляеть подробнѣе на немъ остановиться. Мы должны, однако, предварительно отмѣтить, что неприятное, досадное впечатлѣніе производитъ тотъ полемическій тонъ, въ которомъ это предисловіе написано, и который скорѣе подходилъ бы къ публицистической статьѣ, чѣмъ къ серьезной научной работѣ. Онъ непонятенъ не только потому, что выводы изъ разработаннаго г. Чернышевымъ матеріала должны были бы краснорѣчиво говорить сами за себя, но еще и потому, что предисловіе, какъ видно изъ хронологической даты подъ нимъ, написано въ послѣдніе дни февраля 1917 года, когда революція уже стучалась въ двери старой государственности, и становилась ясной необходимостью обновленія всѣхъ развѣтвленій государственной жизни и, въ частности, земельного вопроса, послѣдняя (III-ья) глава предисловія датирована даже 23 марта, т. е. почти черезъ мѣсяць послѣ начала революціи, когда не могло уже быть и тѣни сомнѣній въ грядущемъ переустройствѣ земельныхъ отношеній въ странѣ. Съ мертвецами не спорять, а достаточно указанія на ихъ вольныя и невольныя ошибки и увлеченія.

Переходя къ содержанію предисловія, мы считаемъ необходимымъ оговориться *pro domo sua*. Мы никогда не принадлежали къ числу идейныхъ противниковъ общинной формы землевладѣнія, а вездѣ, гдѣ только было возможно, и въ докладахъ, и въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, какъ при старомъ строѣ, такъ и теперь, отстаивали и отстаиваемъ право сельскаго населенія на свободное земельное самоопредѣленіе. Россіи слишкомъ обширна, бытовья условія ея слишкомъ разнообразны на мѣстахъ и сложны для того, чтобы можно было говорить объ установленіи по всему лицу русской земли какой-либо единой формы землевладѣнія. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, мы отстаивали общину и семейную

собственность у крестьянъ, когда на нее воздвигнуто было систематическое гоненіе. Государственная аграрная политика, односторонне построенная либо на превращеніи Россіи въ страну единоличныхъ собственниковъ, либо на установленіи повсемѣстно общинныхъ земельныхъ правоотношеній, одинаково страдала бы отчужденностью отъ русской сельской дѣйствительности и потому была бы нежизненна. Дѣло законодателя въ аграрной области—слѣдить за аграрной эволюціей въ странѣ и умѣрять крайности сталкивающихся земельныхъ интересовъ. Происходящее сейчасъ на мѣстахъ, повидимому, убѣждаетъ въ правильности сторонниковъ этого взгляда.

Этими заявленіями мы отклоняемъ отъ себя какія бы то ни было предположенія о тенденціозномъ отношеніи къ работѣ г. Чернышева при возможныхъ въ дальнѣйшемъ содержаніи нашей замѣтки несогласіяхъ съ нимъ.

Въ началѣ своего предисловія авторъ даетъ рядъ любопытныхъ фактическихъ указаній. Основываясь на земельной переписи 1905 года, онъ подчеркиваетъ, что переписью обнаружено, что въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи изъ 12,3 надѣльныхъ милліоновъ дворовъ всего лишь 2,8 милліоновъ дворовъ принадлежало подворнымъ владѣльцамъ (менѣе одной четверти общаго числа дворовъ), а прочіе дворы были дворами крестьянъ-общинниковъ. Права выхода изъ общины безъ согласія „міра“ крестьянство было лишено въ 1893 году еще, когда была отмѣнена вторая часть 165 ст., допускавшей „свободный“ выходъ изъ общины. Послѣ изданія закона 14 декабря 1893 года даже это право выхода изъ общины съ согласія „міра“ оказалось фактически призрачнымъ, такъ какъ для этого надо было не только уплатить досрочно весь (или частично) выкупной долгъ, но еще получить согласіе „міра“, въ дѣйствительности—земскаго начальника, утверждавшаго всѣ постановленія сходовъ. „Ясно“, говоритъ г. Чернышевъ, „что, при господствовавшемъ у высшей бюрократіи взглядѣ на „государственное“ значеніе общины, добиться согласія земскаго начальника на выходъ изъ общины было болѣе трудно, чѣмъ добиться согласія „міра“.

Несмотря на господство, такимъ образомъ, до указа

9 ноября 1906 года общины, устойчивость процентнаго отношенія между общиной и подворьем далеко не соответствовала устойчивости самой общины, ибо дѣйствительная община была перѣдко очень близка къ подворью.

До перелома въ нашей земельной политикѣ въ 1906 году правительство особенно дорожило сохраненіемъ передѣльной общины, видя въ ней спасеніе отъ пролетаризаціи деревни и его послѣдствій. Однако, во многихъ мѣстностяхъ общинники вовсе не производили земельныхъ передѣловъ съ самаго выхода на „волю“, иногда лишь „равняя“ качество земли безъ измѣненія ея количества у дворовъ, въ рядѣ общинъ производились только частные передѣлы, и лишь въ остальныхъ общинахъ пріостановились количественно-уравнительные передѣлы. Между тѣмъ сплошныхъ переписей передѣльныхъ и безпередѣльныхъ общинъ никогда не производилось. Согласно же земскимъ статистическимъ изслѣдованіямъ, чѣмъ менѣе первобытно было крестьянское хозяйство въ данномъ районѣ, чѣмъ ближе оно было къ рынку и доходнѣе, тѣмъ болѣе въ этомъ районѣ замирала общинно-передѣльная практика. Въ такомъ положеніи общину засталъ указъ 9 ноября 1906 года.

Это прекращеніе уравнительно-передѣльной практики въ общинахъ авторъ считаетъ проявленіемъ „пассивной формы непріятія крестьянами уравнительной общины“. Наряду съ этимъ онъ отмѣчаетъ мѣстами и активныя формы такого непріятія: особенно въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ (напр., Псковской, Смоленской губ.) между крестьянами еще до изданія вышеупомянутаго указа обнаружилась въ различной степени „тяга“ на хутора. Это явленіе, по его признанію, встрѣчалось наименѣе препятствій со стороны крестьянскаго „міра“ тамъ, гдѣ наиболѣе замерла передѣльная практика.

Отъ этихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ лишь о томъ, что передѣльная община мѣстами разлагалась и уступала мѣсто инымъ формамъ землевладѣнія, авторъ переходитъ къ господствовавшимъ въ то время въ бюрократическихъ и общественныхъ кругахъ тенденціямъ и, установивъ наличность въ нихъ теченія, рѣшительно-враждебнаго всякой общинѣ, нѣсколько неожиданно заключаетъ, что походъ на общину былъ

предпринять въ цѣляхъ разьединенія низшихъ классовъ населенія ¹⁾. Какъ, однако, примирить съ такимъ заключеніемъ дѣлаемое нѣсколькими строками до того указаніе ²⁾, что тѣ же бюрократія и дворянство находили, что община не можетъ застраховать Россію отъ пролетаріата, и что такая страховка даже не желательна, ибо пролетаріатъ необходимъ Россіи, какъ источникъ наемной рабочей силы?

Указъ 9 ноября и замѣнившій его законъ 14 іюня 1910 г., принудительно признавшій личными собственниками всѣхъ домохозяевъ тѣхъ общинъ, гдѣ не производилось передѣловъ со времени перехода на выкупъ, въ связи съ закономъ 29 мая 1911 года о землеустройствѣ, вызвали откликъ среди крестьянъ-общинниковъ, особенно въ первые годы по изданіи указа, и къ 1 января 1916 года вышло изъ общины два милліона дворовъ, что составило приблизительно около $\frac{1}{5}$ общаго числа общинныхъ дворовъ въ Европейской Россіи. Паденіе числа „укрѣпленцевъ“ послѣ появленія закона 1910 года отчасти объясняется тѣмъ, что, какъ видно изъ предыдущаго, съ этого момента домохозяевамъ безпередѣльныхъ общинъ уже не нужно было для закрѣпленія надѣловъ въ личную собственность совершать акта „укрѣпленія“ надѣла.

По словамъ автора, точнаго учета количества безпередѣльныхъ общинъ, подпавшихъ подъ дѣйствіе этой части закона 1910 года, произведено не было, крайне же сомнительный оффиціальныи подсчетъ даетъ для такихъ общинъ цифру въ 3, 5 милл. дворовъ. Впрочемъ, здѣсь шла рѣчь объ общинахъ, въ сущности умершихъ еще до 1906 года.

Въ то же время разверстанія, которыя ведутъ уже къ фактическому разрыву съ общиной, дали къ 1 января 1916 года для подворной и общинной Россіи 1, 2 милл. дворовъ, хуторовъ и отрубовъ. Эту цифру авторъ признаетъ справедливо незначительной по отношенію къ оставшимся къ 1 января 1916 года неразверстанными владѣніямъ, ибо послѣднихъ было 12, 5 милл. дворовъ.

¹⁾ Стр. XI.

²⁾ Стр. X.

Къ этому надо добавить, что отрубно-хуторскія разверстанія распространялись очень неравномѣрно по Европейской Россіи: половина ихъ падала всего на 10 губерній, большинство которыхъ (напр., Екатеринославская, Херсонская, Полтавская), при этомъ, поставляло всегда и относительно наибольшее число переселенцевъ въ Сибирь. Это обстоятельство, по мнѣнію г. Чернышева, указываетъ на процессъ глубокаго экономическаго преобразованія черноземной деревни.

Въ нечерноземной же Россіи это преобразование носитъ другой характеръ: тамъ идутъ не „на переселеніе“, а на фабрику и въ городъ, вообще. И тутъ и тамъ въ результатѣ наряду съ крѣпкими хозяевами появляются кадры пролетаріевъ.

До сихъ поръ, въ общемъ, однако, очень мало извѣстно о томъ, что дали крестьянству новыя формы единоличнаго хозяйства, такъ какъ сплошнаго изслѣдованія отрубно-хуторскаго землевладѣнія произведено не было. Правда, въ 1915 году выпущенъ былъ сводъ данныхъ о землеустроенныхъ хозяйствахъ въ 12 уѣздахъ, но его содержаніе далеко не охватываетъ даже матеріаловъ, полученныхъ уѣздными экспедиціями. По даннымъ этого свода трудно уяснить себѣ, какъ приспособляются отрубно-хуторскія хозяйства разнаго земельного обезпеченія къ новымъ условіямъ. Есть лишь нѣкоторое основаніе предположить, что болѣе крупныя хозяйства легче переносятъ трудности переходнаго состоянія.

Во всякомъ случаѣ результаты землеустройства на сѣверѣ и югѣ Россіи оказались совершенно различными. Сѣверныя хозяйства болѣе или менѣе приспособились къ новымъ условіямъ, а южныя—явно „болѣютъ“. Это особенно рѣзко сказалось въ состояніи скотоводства и въ системахъ полеводства на хуторахъ и отрубяхъ. Процентъ, напр., безкоровныхъ въ хуторскихъ хозяйствахъ сѣверныхъ уѣздовъ уменьшился сравнительно съ бывшимъ до землеустройства, а въ южныхъ уѣздахъ увеличился. То же соотношеніе наблюдается и относительно процента хозяйствъ безъ рабочаго скота. Оффиціальныя данныя также подтверждаютъ тяжкій кризисъ, переживаемый скотоводствомъ въ единоличныхъ хозяйствахъ юга

Россіи. Что касается полеводства, то и въ этомъ отношеніи наблюдается та же картина. На сѣверѣ, въ новыхъ хозяйствахъ быстро развиваются сѣвообороты, переходные отъ трехполья къ многополью или даже многопольные. На югѣ же единоличныя хозяйства не успѣли приспособиться къ измѣнившимся условіямъ и бьются въ „пестропольѣ“.

Эти тѣневныя стороны землеустроительнаго увлеченія заставляютъ автора придти, однако, къ совершенно необоснованному выводу о томъ, что землеустроительное вѣдомство, будто бы, задалось цѣлью „произвести возможно быстрый разгромъ ненавистой общины“. Едва ли какое бы то ни было правительство стало бы спасать государство, идя сознательно на встрѣчу возможной сельскохозяйственной катастрофѣ!..

Очерчивая задачу анкеты, предпринятой Вольно-Экономическимъ Обществомъ, г. Чернышевъ указываетъ, что она состояла въ томъ, чтобы „схватить ту обстановку, при которой примѣнился указъ 9 ноября въ первые годы по его изданіи и зарегистрировать переживанія деревни, мечтавшей въ своей малоземельной массѣ о „привъзкахъ“ и неожиданно получившей право свободнаго выхода изъ общины, послѣ режима строжайшихъ запрещеній выходовъ.

Разработанный г. Чернышевымъ матеріалъ, въ дѣйствительности, охватываетъ въ разсматриваемомъ трудѣ не 10 губерній, какъ заявляетъ Анкетная Комиссія, а 14, которыя разбиты на три группы: I) *Центрально-Земледѣльческій районъ*, къ которому отнесены губерніи: 1) Воронежская, 2) Тамбовская, 3) Рязанская, 4) Тульская, 5) Орловская и 6) Курская; II) *Юго-Западный край*—Кіевская, Подольская и Волинская губерніи, и III) *Средне-Волжскій районъ*—Казанская, Пензенская, Нижегородская, Симбирская и Саратовская губерніи.

Повидимому, о четырехъ губерніяхъ сверхъ 10-ти въ предисловіи Анкетной Комиссіи не упомянуто, такъ какъ по этимъ губерніямъ (Курской, Кіевской, Подольской и Волинской) собрано слишкомъ мало данныхъ (напр., по Курской поступило всего лишь 6 отвѣтовъ!). Къ тому же для юго-

западныхъ губерній, какъ подворныхъ, указъ 9-го ноября о правѣ выхода изъ общины не имѣлъ значенія.

Такимъ образомъ фактически тѣ выводы, которые г. Чернышевъ дѣлаетъ на основаніи своего обслѣдованія полученныхъ матеріаловъ, опираются на данныя по 10 губерніямъ за скудостью и частью отсутствіемъ по другимъ таковыхъ.

Если исключить югозападный край, относительно котораго авторъ ограничивается лишь характеристикой немногими чертами положенія деревень въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, то касательно остальныхъ 11 губерній не лишено интереса сопоставить количество давшихъ отвѣты на анкетные вопросы корреспондентовъ съ количествомъ крестьянъ, какъ непосредственно заинтересованныхъ въ земельномъ вопросѣ лицъ, среди этихъ корреспондентовъ.

Беря данныя по этому предмету по отдѣльнымъ губерніямъ, получаемъ слѣдующую любопытную таблицу:

	Губерніи.	Общее число корреспондентовъ.	Число корреспондентовъ-крестьянъ.
I. Центральныя земельныя районы.	1. Воронежская	58	27
	2. Тамбовская	47	3
	3. Рязанская	51	39
	4. Тульская	35	21
	5. Орловская	37	25
	6. Курская	6	не указано.
II. Средне-Волжскій районъ.	7. Казанская	20	12
	8. Пензенская	78	72
	9. Нижегородская	73	63
	10. Симбирская	42	22
	11. Саратовская	30	8
Всего по 11 губерніямъ		477	292

Составленная нами таблица позволяетъ намъ ближе подойти къ оцѣнкѣ разсматриваемаго труда съ точки зрѣнія внѣшнихъ его результатовъ. Даетъ ли онъ дѣйствительное отраженіе положенія земельного вопроса среди многомилліоннаго сельскаго населенія двухъ обширныхъ районовъ, охва-

тываемыхъ имъ? Какъ видно изъ таблицы, свѣдѣнія объ этихъ районахъ дали всего лишь 477 корреспондентовъ, при чемъ и изъ этого числа немногимъ только болѣе половины принадлежатъ къ представителямъ крестьянства. Остальные корреспонденты принадлежатъ къ различнымъ группамъ мѣстнаго населенія; въ томъ числѣ имѣются, напр., и такія лица, какъ домовладѣльцы, торговые люди, лица совершенно неопредѣленнаго отношенія къ мѣстнымъ земельнымъ интересамъ, доктора и даже ветеринарные врачи!

Если обратиться къ тому же вопросу по отдѣльнымъ губерніямъ, то мы увидимъ, что, кромѣ Курской губерніи (съ ея 6 лишь корреспондентами), еще по 4 губерніямъ дано было менѣе 40 отвѣтовъ. Ни по одной изъ обследованныхъ въ трудѣ губерній не дано болѣе 78 отвѣтовъ. Что же касается соотношенія между корреспондентами некрестьянами и крестьянами въ количественномъ отношеніи, то среди корреспондентовъ болѣе половины было крестьянъ по 8 губерніямъ, изъ нихъ, однако, число корреспондентовъ-крестьянъ преобладало значительно лишь въ двухъ губерніяхъ—Пензенской и Нижегородской, принадлежащихъ къ Средне-Волжскому району. Совершенно ничтожнымъ число корреспондентовъ-крестьянъ было, кромѣ Курской губерніи, еще въ двухъ губерніяхъ—Тамбовской (3) и Саратовской (8). Таковъ объективный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ.

Конечно, скудость количества отвѣтовъ, полученныхъ при анкетѣ, находилась, какъ мы знаемъ, въ зависимости отъ причинъ, лежащихъ внѣ воли почтенной анкетной комиссіи. Однако, это обстоятельство не можетъ измѣнить основного взгляда на рассматриваемый трудъ. При всей добросовѣстности, которую г. Чернышевъ вложилъ въ этотъ трудъ, онъ все же едва ли можетъ претендовать на сколько-нибудь крупное значеніе въ дѣлѣ научнаго освѣщенія новѣйшаго фазиса исторіи русской земельной общины и дать матеріалъ для безспорныхъ выводовъ. Онъ приподнимаетъ лишь уголокъ завѣсы на то, что въ этой общинѣ совершалось на мѣстахъ въ то время, къ которому относятся полученные анкетой отвѣты. Будучи сравнительно обширнымъ по объему, этотъ

грудь заставляетъ понимать появленіе иного, болѣе исчерпывающаго труда на основаніи новой, правильно организованной и сполна использованной анкеты. О такой и даже приблизительной полнотѣ нельзя, конечно, говорить, когда, какъ въ данномъ случаѣ, на 12000 разосланныхъ бланковъ получено лишь 1700 отвѣтовъ.

Несмотря на то, что, такимъ образомъ, анкету вольно-экономическаго общества слѣдуетъ признать въ данномъ случаѣ неудавшейся, разработку части данныхъ этой анкеты г. Чернышевымъ слѣдуетъ все же привѣтствовать. Нельзя было оставлять неиспользованнымъ полученный съ мѣстъ матеріалъ, который, хотя и неполно, но все же отражалъ извѣстные мѣстные земельные интересы и взгляды. Цѣнность этого матеріала нѣсколько повышается также и вслѣдствіе того, что бланки при анкетѣ разсылались преимущественно по адресамъ корреспондентовъ текущей земской статистики, т. е. лицъ, не чуждыхъ приѣмовъ собиранія и классифицированія такого рода данныхъ.

Выводы, къ которымъ пришелъ г. Чернышевъ, изучая данныя названной анкеты, заслуживаютъ, поэтому, полнаго вниманія, если, въ виду вышеизложенныхъ соображеній, не придавать имъ безусловнаго значенія. Эти выводы слѣдуетъ скорѣе разсматривать, какъ гипотезы, достовѣрность которыхъ подлежитъ обсужденію въ предѣлахъ матеріала, на который онѣ опираются.

По даннымъ анкеты г. Чернышевъ приходитъ къ заключенію, что въ губерніяхъ центрально-земледѣльческаго и средне-волжскаго районовъ господствовала „живая община“, такъ какъ въ четырехъ пятихъ описанныхъ корреспондентами общинъ практиковались общіе передѣлы, безпередѣльных же общинъ, не практиковавшихъ ни общинъ, ни частныхъ передѣловъ, оказалось всего только около $\frac{1}{10}$ части общинъ. Слѣдовательно ст.ст. 1—7 закона 14 іюня 1910 года о переводѣ безпередѣльныхъ общинниковъ на положеніе частныхъ собственниковъ въ этихъ районахъ относятся менѣе, чѣмъ къ 10% общинъ. Большинство общинъ земельныхъ передѣловъ произведено было тамъ менѣе, чѣмъ за 12 лѣтъ до

изданія указа 9 ноября 1906 года, но и этотъ указъ далеко не вездѣ остановилъ передѣльную практику: общіе передѣлы послѣ появленія этого указа произведены были въ 20,6% обследованныхъ анкетой общинъ. Однако, несмотря на господство живой общины, въ огромномъ большинствѣ общинъ (82%) крестьяне все же пользовались указомъ 9 ноября. Правомъ выхода изъ общины въ обоихъ районахъ воспользовались крестьяне $\frac{4}{5}$ сельскихъ обществъ. Всего вышло изъ общины по времени производства обследования 12% дворовъ.

Преобладающей формой выходовъ изъ общины были черезполосныя укрѣпленія (77%), на второмъ мѣстѣ стояли отруба (21,2%), а выходы на хутора были очень немногочисленны (1,8%). Большинство выходовъ (61,3%) было совершено до 1909 года. Этимъ правомъ пользовались крестьяне самыхъ разнообразныхъ категорій: малоземельные и многоземельные, малосемейные и многосемейные, ведущіе и не ведущіе хозяйства и т. д. Впрочемъ, малосемейные пользовались указомъ 9 ноября нѣсколько чаще (35% отвѣтовъ), чѣмъ многосемейные (27%). Наряду съ этимъ ведущіе хозяйство значительно чаще выходили изъ общины (31%), чѣмъ неведущіе его (10%).

Въ выходахъ изъ общины, по мнѣнію нашего автора, сыграли извѣстную роль опасеніе потерять излишнюю противъ разверсточныхъ единицъ землю, а также стремленіе поскорѣе закрѣпить за собой „фактическую“ земельную площадь. Съ другой стороны, право выхода изъ общины являлось цѣннымъ не только крестьянамъ, желавшимъ ликвидировать свое хозяйство, но и желавшимъ продолжать его веденіе.

Дѣйствительно, данныя анкеты показываютъ, что большинство крестьянъ стремилось именно къ послѣднему, укрѣпляя землю въ личную собственность. Такъ, изъ 5.000 дворовъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, какъ они распордидились со своей землей, 80% продолжали обрабатывать землю сами, 15% сдали ее въ аренду, и только 5% продали свою укрѣпленную землю всю или частью.

Въ отношеніи соответствія земельныхъ долей выходящихъ

дворовъ ихъ семейному составу въ большинствѣ случаевъ (80%) такое соотвѣтствіе наблюдалось. Нѣкоторое значеніе при выходахъ изъ общины имѣли и устанавливаемые указомъ 9 ноября „земельныя преміи“ (право выходящаго укрѣпить за собой землю по фактическому пользованію въ общинахъ, гдѣ не было передѣловъ болѣе чѣмъ 24 года, бесплатно, а въ остальныхъ—съ небольшой доплатой). По даннымъ анкеты, далѣе, въ способахъ веденія хозяйства въ общинахъ „съ выходами“ и въ общинахъ „безъ выходовъ“ разницы не наблюдалось, но во всѣхъ обществахъ хозяйства находились на крайне низкомъ уровнѣ. Наконецъ, по времени производства анкеты выходы изъ общинъ не измѣнили замѣтно характера хозяйства, ни у оставшихся въ общинѣ, ни у вышедшихъ изъ нея, но все же во всѣхъ хозяйствахъ отмѣчается тенденція къ улучшенію. Это обстоятельство, повидимому, находилось въ связи съ тѣми сельскохозяйственными мѣропріятіями, которыя предприняты были въ то время главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія. Однако, судя по даннымъ анкеты вольно-экономическаго общества, въ первое время веденія хозяйства на новыхъ началахъ скотоводство оказалось большимъ вопросомъ выходящихъ изъ общины.

Интересно по даннымъ той же анкеты то, что при обсужденіи указа 9-го ноября на сходахъ отношеніе къ нему слагалось въ большинствѣ случаевъ отрицательное (89 показаній) и очень рѣдко положительное (7 показаній). Таково было отношеніе къ указу 9 ноября въ Центральномъ Земледѣльческомъ районѣ. То же отношеніе было и въ Средне-Волжскомъ районѣ (75 показаній объ отрицательномъ отношеніи, 16—о положительномъ). „Мотивировка отрицательнаго отношенія къ новому закону“, говоритъ г. Чернышевъ, „была вездѣ почти одинакова¹⁾. Община (подъ чѣмъ понималась не только передѣльная община, но и простое черезполосное трехполье, съ общимъ выгономъ для скота) даетъ возможность кое-какъ „жить“ и малоземельнымъ крестьянамъ. Съ уничто-

¹⁾ Стр. 164-ая I части.

женіемъ общины и расселеніемъ на хутора эта возможность уничтожится. Новый законъ выгоденъ не крестьянамъ, а помѣщикамъ, малоземельному крестьянину просто невозможно существовать безъ общины“. Что, однако, деревня по данному вопросу раскололась на два лагеря,—объ этомъ говорить самъ г. Чернышевъ, указывая, что при анкетѣ за общину высказался 91 корреспондентъ, а противъ—67 корреспондентовъ ¹⁾).

На почвѣ выходовъ изъ общины и споровъ объ указѣ 9-го ноября возникли „несогласія“, мѣстами появились вражда и споры. Сходы большею частью относились отрицательно къ выходамъ изъ общины, и это отразилось на пересмотрѣ выходовъ: въ большинствѣ случаевъ выходы совершались „безъ согласія обществъ“.

Получая отказы отъ обществъ, желавшіе выйти изъ общины обращались къ земскимъ начальникамъ, которые и производили укрѣпленія своею властью. Въ 41 случаѣ по Центрально-Земледѣльческому району анкета устанавливаетъ непосредственное давленіе на крестьянъ въ этомъ направленіи Земскихъ начальниковъ и, вообще, мѣстной администраціи. Земскіе начальники и волостные старшины получали, по словамъ корреспондентовъ, въ свою очередь, соотвѣтствующія внушенія отъ непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій.

Но, помимо воздѣйствій власти, было не мало и реальныхъ причинъ, заставлявшихъ крестьянъ выходить изъ общины. Авторъ указываетъ, что эти причины были различны въ различныхъ мѣстностяхъ и у разныхъ домохозяевъ: на отношеніе къ указу 9 ноября вліяли размѣръ и качество надѣловъ у крестьянъ данной мѣстности, степень развитія переселеній и отхода на сторону, вычета земельныхъ цѣнъ и т. д. Выходили изъ общины тѣ, у кого, „при передѣлахъ должна убавиться земля“, выходили „старики“, „бѣдняки“, „одинокіе“ для „обезпеченія своего будущаго существованія“, выходили вдовы и сироты, „чтобы получить средства къ жизни“. Для выдѣленія же изъ общины возвращались и крестьяне, ушедшіе изъ деревни, иногда „давно порвавшіе съ землей“.

¹⁾ Тамъ же, стр. 163.

Однимъ словомъ, выходили всѣ, кому это было выгодно. Тщетны были указанія общества, что „земли будетъ негдѣ взять для молодого люда“, что „при укрѣпленіяхъ земля дается на умершія души“ и т. д.

Любопытны встрѣчающіяся въ статьяхъ корреспондентовъ указанія на то, что богатымъ крестьянамъ выгодно жить именно въ общинѣ. „Чья ватага скота ходитъ по землямъ?“ спрашиваетъ одинъ воронежскій корреспондентъ и отвѣчаетъ: „многосемейнаго, имѣющаго много скота, и мужика болѣе богатаго и средняго“.

Сторонники укрѣпленій надѣловъ въ личную собственность часто высказывались также за „общину“, но только въ смыслѣ жизни деревнями, съ трехпольнымъ хозяйствомъ и общимъ выгономъ. При малоземельѣ и низкой степени умственного развитія деревни, они считали это единственно выгодной формой быта. Однако, какъ вѣрно замѣчаетъ г. Чернышевъ, въ такой именно обстановкѣ и жили крестьяне безпередѣльныхъ общинъ. Послѣднимъ, между прочимъ, объясняется и то, что общинники изъ безпередѣльныхъ общинъ отнеслись къ указу 9 ноября очень равнодушно.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что въ данныхъ анкетахъ имѣется не мало доводовъ и въ защиту указа 9 ноября. Сторонники этого указа среди мѣстнаго населенія находили, что „крестьянинъ будетъ на своей землѣ свободнѣе трудиться, будетъ удобрять землю, зная, что она вѣчно будетъ его, и не будетъ бояться, что при земельномъ передѣлѣ ея воспользуется какой-либо дармоѣдъ“. Огрубное и хуторское хозяйство считалось во всякомъ случаѣ выгоднѣе, чѣмъ простое трехпольное укрѣпленіе надѣла, такъ какъ „порядочному домохозяину въ общинѣ невозможно улучшить хозяйство и завести, напр., четырехпольную систему, съ травосѣяніемъ“.

Использовать участковое владѣніе крестьянинъ можетъ, конечно, только измѣнивъ въ корнѣ свое отношеніе къ землѣ: „а если крестьяне останутся при старой культурѣ, то выгоды не предвидится“, имѣеть въ своемъ отвѣтѣ на анкетный вопросъ корреспондентъ изъ Тульской губерніи и т. д.

В. В. Анимовъ.

І. М. Кулишеръ. „Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы“. Курсъ, читанный въ Петроградскомъ Университетѣ. Изданіе 4-ое, переработанное и дополненное. Петроградъ. 1916 г. Стр. XII+512. Цѣна 3 р. 25 коп.

Предназначенная, главнымъ образомъ, для университетскихъ слушателей, работа г. Кулишера имѣетъ значеніе и для болѣе широкаго круга читателей. Особенно полезно познакомиться съ ея содержаніемъ теперь, когда экономическіе вопросы, подъ влияніемъ величайшихъ потрясеній, вызванныхъ міровою войною повсемѣстно въ Европѣ, приобрѣли крайнюю остроту.

Въ наши дни социальныхъ и политическихъ преобразований знакомство съ прошлыми экономическими судьбами Европы должно повысить вдумчивое и сознательное отношеніе къ тому, что произошло и происходитъ на нашихъ глазахъ. Такое знакомство одинаково обязательно и для государственнаго и общественнаго дѣятеля и для рядового гражданина.

Любопытны въ разсматриваемой книгѣ страницы, посвященныя исторіи возникновенія современнаго аграрнаго строя въ западно-европейскихъ государствахъ. Такъ, изъ всѣхъ европейскихъ странъ личное освобожденіе крестьянъ ранѣе всего совершилось въ Англіи, при чемъ земля принадлежала имъ на полномъ правѣ собственности. Въ то же время Англія— страна, гдѣ обезземеленіе крестьянъ произошло раньше, чѣмъ гдѣ либо, и, притомъ, въ наиболѣе широкихъ размѣрахъ. Съ раздѣломъ общинныхъ земель и разверстаніемъ черезполосныхъ участковъ въ теченіе XVIII столѣтія погибалъ классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ и образовывались крупныя помѣстья, которыя сдавались въ аренду цѣликомъ или частями обыкновенно крупнымъ арендаторамъ.

Этотъ процессъ вызванъ былъ въ значительной мѣрѣ стремленіемъ къ расширенію площади земледѣльческой культуры и къ болѣе раціональному хозяйству, что поощрялось ростомъ цѣнъ на хлѣбъ и на продукты животноводства.

Тѣ же причины еще сильнѣе сказались впоследствии, въ

первыя два десятилѣтія XIX вѣка, когда населеніе чрезвычайно быстро возрастало. Последнее вело къ тому, что сельское хозяйство не въ состояніи было слѣдовать за нимъ столь же ускореннымъ темпомъ, и изъ страны, вывозившей хлѣбъ, Англія уже въ концѣ XIX вѣка превратилась въ страну, нуждающуюся въ привозномъ хлѣбѣ.

Такъ какъ обработка новыхъ пустопорожныхъ земель, часто малоплодородныхъ, песчаныхъ, дававшихъ весьма невысокіе урожаи, была выгодна лишь при высокихъ пошлинахъ на привозной хлѣбъ, то принять былъ рядъ мѣръ, чрезвычайно стѣснившихъ привозъ иностраннаго хлѣба. Это не могло долго продолжаться. Цѣны, которыя законодатель считалъ нормальными и старался удержать, подъ влияніемъ частыхъ неурожаевъ, высокихъ пошлинъ и войнъ съ Франціей, сильно затруднявшихъ подвозъ хлѣба, росли дальше, превосходя все ожиданія и правительства, и землевладѣльцевъ. Дѣйствительно, со времени прекращенія войнъ съ Наполеономъ I, съ 1815 года, начался періодъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ. Паденіе цѣнъ на хлѣбъ продолжалось до 1848 года. Пошлины на хлѣбъ, при такихъ условіяхъ, не только не приносили пользы землевладѣльцамъ, но, напротивъ, оказывались для нихъ прямо вредными, ибо, рассчитывая на высокія цѣны, они производили издержки гораздо болѣе высокія, чѣмъ это было возможно при низкихъ цѣнахъ. Фермеры крупныхъ имѣній находились въ весьма затруднительномъ положеніи: заключивъ договоры на продолжительное время и согласившись на значительное увеличеніе арендной платы, они, съ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ, не въ силахъ были уплачивать вдвое и втрое увеличенную аренду.

Еще хуже оказалось положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ (іоменовъ). Обременивъ свои участки долгами въ цѣляхъ меліораци, въ эпоху высокихъ цѣнъ, они при паденіи цѣнъ оказались не въ состояніи вносить проценты, сводить концы съ концами и принуждены были продать свои участки.

Это время оказалось и эпохой застоя въ развитіи сельскохозяйственной культуры Англіи. Послѣ 1814 года площадь посѣвовъ болѣе не расширяется, огораживанья почти прекра-

щаются, и только съ половины 1820-хъ годовъ, когда землевладѣльцы уже успѣли освоиться съ низкимъ уровнемъ цѣнъ и перестали вѣрить въ могущество „хлѣбныхъ законовъ“, въ сельскомъ хозяйствѣ вновь начинается пробуждающееся оживленіе.

Отъ „хлѣбныхъ законовъ“ не менѣе страдалъ и рабочій классъ Англіи. Когда хлѣбные запасы удерживались торговцами, и цѣна вслѣдствіе этого возрастала,—положеніе рабочихъ становилось безотраднѣе, среди нихъ наступалъ голодъ; каждый плохой урожай въ Англіи вызывалъ дороговизну. Лишь при существованіи свободнаго привоза иностраннаго хлѣба торговля въ состояніи была бы предупредить возрастаніе цѣнъ своевременной доставкой хлѣба съ континента Европы, однако подвижная шкала „хлѣбныхъ законовъ“ не допускала этого. Приходилось ждаты, пока не наступятъ дороговизна и голодъ; только тогда пошлина понижалась, и привоз хлѣба становился возможнымъ. Оскудѣніе заработковъ рабочихъ въ эту эпоху, въ соединеніи съ періодическимъ возрастаніемъ цѣнъ на хлѣбъ, составлявшій важнѣйшій предметъ ихъ пропитанія, еще болѣе ухудшило ихъ положеніе.

Почва для борьбы противъ „хлѣбныхъ законовъ“ была, такимъ образомъ, подготовлена. Вражда къ нимъ особенно усилилась съ конца 1830-хъ годовъ, когда въ рядѣ крупныхъ фабричныхъ центровъ Англіи (Манчестерѣ, Лондонѣ, Ливерпулѣ и Глазго) разразился тяжелый промышленный кризисъ, и многія тысячи рабочихъ оказались за дверями закрывшихся фабрикъ. Во главѣ движенія становятся Ричардъ Кобденъ и Джонъ Брайтъ. Стремясь къ осуществленію полной свободы торговли между Англіей и другими странами, Кобденъ и его послѣдователи ограничились, однако, борьбой съ „хлѣбными законами“. На ихъ сторонѣ было сочувствіе и фабрикантовъ, которые также были противниками этихъ законовъ.

Образовавшаяся „лига противъ хлѣбныхъ законовъ.“ (anti-corn-law-league) вскорѣ насчитывала своихъ приверженцевъ сотнями тысячъ по всей странѣ, устраивала многочисленные митинги, собирала для борьбы огромные денежные фонды въ десятки и сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Въ 1849 году

лига добилась своей цѣли: шкала „хлѣбныхъ законовъ“ была уничтожена и замѣнена пошлиной въ одинъ шиллингъ, а въ 1869 году и пошлина въ одинъ шиллингъ была отмѣнена.

Съ отмѣной „хлѣбныхъ законовъ“ и установленіемъ свободы привоза хлѣба капиталы стали притекать въ большемъ количествѣ и къ сельскому хозяйству Англiи, оплодотворяя его одновременно съ открытіями въ области агрономической химiи, животноводства, машиностроенiя и т. д. Вліяніе иностранной конкуренціи сказалося на томъ, что фермеры стали теперь придерживаться совершенно иной системы хозяйства, а именно: не рассчитывая болѣе на высокія цѣны продуктовъ, они старались увеличить доходность посредствомъ сокращенiя расходовъ. Таковъ одинъ изъ поучительныхъ уроковъ аграрной исторiи Англiи.

Что касается Франціи, то тамъ отмѣна сеньориальнаго строя была произведена однимъ ударомъ въ эпоху Революціи. Съ этого момента крестьяне становились полными собственниками тѣхъ земель, которыя они обрабатывали ранѣе. Въ эту эпоху государство располагало земельнымъ фондомъ двойнаго рода—общинными землями и землями, конфискованными у церкви и эмигрантовъ. Конвентъ пошелъ навстрѣчу крестьянамъ и своими декретами объ общинныхъ земляхъ соиздалъ полное признаніе права собственности за общинами. Примѣръ Англiи съ ея развитымъ сельскимъ хозяйствомъ и огораживаніями импонировалъ французамъ. Еще въ Законодательномъ Собраніи сопоставляли картины цвѣтущихъ полей частнаго владѣнiя съ печальной картиной общинныхъ земель, и было постановлено произвести раздѣлъ всѣхъ общинныхъ земель, кромѣ лѣсовъ, при чемъ раздѣлъ признавался обязательнымъ. Когда вопросъ о способахъ и приѣмахъ раздѣла перешелъ на разрѣшеніе Конвента, послѣдній всталъ на ту же точку зрѣнiя, постановивъ производить поголовный раздѣлъ, но—въ случаѣ требованiя раздѣла со стороны $\frac{1}{3}$ населенiя общины.

На практикѣ, однако, декретъ объ этомъ (10 iюня 1793 года) примѣненъ былъ только въ нѣкоторыхъ общинахъ, вызывая при этомъ массу протестовъ и недораз-

умѣній. Вскорѣ законъ пришлось измѣнить въ виду того соображенія, что надѣленіе земель всего населенія вызоветъ недостатокъ рабочихъ какъ въ промышленности, такъ и въ области земледѣлія. Сначала раздѣлы были обставлены различными стѣсненіями, а затѣмъ и окончательно прекращены. Равнымъ образомъ и продажа имуществъ, принадлежавшихъ церкви и эмигрировавшимъ во время революціи дворянамъ, не имѣла существеннаго значенія для земельного обезпеченія крестьянскаго населенія.

Первоначально предпочтеніе отдавалось покупателямъ мелкихъ участковъ, и устанавливалась разсрочка уплаты на 12 лѣтъ (декретъ 1790 г.). Въ томъ же году, однако, съ цѣлью ускоренія продажи, эти благопріятныя для бѣднѣйшихъ классовъ условія были отмѣнены, и предпочтеніе стало отдаваться тѣмъ, кто внесетъ всю сумму сразу; введена была аукціонная продажа, разсрочка при уплатѣ была сокращена, фермы и метеріи должны были продаваться цѣликомъ, и не разбиваться на мелкіе участки. Въ результатѣ фермы и метеріи пошали, главнымъ образомъ, въ руки буржуазіи, приобрѣтеніе же земли крестьянами было сильно затруднено.

Хотя крестьяне также принимали участіе въ покупкѣ національныхъ земель, но городская буржуазія приобрѣла гораздо больше, и къ ней именно перешли наиболѣе крупныя владѣнія церкви и дворянства, правда, не цѣликомъ, но лишь частями. Наряду съ состоятельными {крестьянами, покупателями земельныхъ участковъ явились купцы, ремесленники, лица свободныхъ профессій и т. д. Въ концѣ концовъ къ земельному фонду, бывшему въ рукахъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху революціи прибавилось немного. Франція какъ и была раньше страной мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, такъ и осталась ею и послѣ революціи.

Гораздо медленнѣе совершилась аграрная эволюція въ Германіи и, въ частности, въ Пруссіи. Въ послѣдней отмѣна такъ называемой дворовой службы проведена была лишь въ 1807 году. „Для этого, говоритъ г. Кулишеръ, необходимо было пережить французскую революцію и полное уничтоженіе монархіи Фридриха Великаго“.

Въ этомъ государствѣ все время ставились на первый планъ интересы юнкеровъ-помѣщиковъ, ожидая, пока образуется обширная армія безземельныхъ батраковъ. Между тѣмъ число послѣднихъ увеличивалось вслѣдствіе дальнѣйшаго присоединенія крестьянскихъ участковъ къ помѣстьямъ, а этому покровительствовало само законодательство, такъ какъ въ 1807 году всякая охрана крестьянскихъ земель противъ „*Bauernlegen*“ была уничтожена.

Извѣстно, что Фридрихъ-Вильгельмъ I еще въ 1739 году, возмущенный поведеніемъ своего родственника, маркграфа Шведскаго, издалъ эдиктъ о томъ, „чтобы ни одинъ вассаль, кто бы онъ ни былъ, начиная отъ маркграфовъ и вплоть до самаго низшаго, не смѣлъ прогонять крестьянъ съ ихъ дворовъ безъ достаточнаго основанія и безъ немедленной передачи двора другому крестьянину“. Тѣмъ не менѣе дворянство Восточной Пруссіи отказалось исполнить этотъ эдиктъ, указывая на то, что на королевскихъ доменахъ производится такое же сокращеніе крестьянскихъ дворовъ. Такимъ путемъ дворянству удалось добиться измѣненія вышеупомянутаго эдикта въ томъ смыслѣ, что, при отсутствіи надлежащихъ крестьянъ для передачи имъ освободившихся участковъ, подобная передача не обязательна. Въ результатѣ эдиктъ оказался лишеннымъ всякаго реального содержанія.

При такой тактикѣ не удивительно, что еще менѣе шансовъ на реальное осуществленіе имѣли мѣропріятія, которыя, не ограничиваясь запрещеніями лишенія крестьянъ земель въ будущемъ, имѣли въ виду возвращеніе имъ земель, отнятыхъ у нихъ ранѣе и присоединенныхъ къ другимъ крестьянскимъ участкамъ или помѣщичьимъ владѣніямъ. Въ Пруссіи же, къ востоку отъ Эльбы, согласно закону 1811 года, была осуществлена и мысль о выкупѣ крестьянскихъ земель не въ формѣ платежей, а посредствомъ отдачи части земель помѣщикамъ. Крестьянамъ приходилось отдавать, если они были наслѣдственными держателями, одну треть, а прочимъ—половину своего участка землевладѣльцу, и только тогда они превращались въ полныхъ собственниковъ, съ отмѣной барщины и всякаго рода повинностей натуральныхъ и денежныхъ.

Это, впрочемъ, тоже коснулось далеко не всѣхъ крестьянскихъ дворовъ, такъ какъ декларація 1816 года пошла навстрѣчу помѣщикамъ и значительно сузила число такихъ дворовъ. Отмѣна сеньориальнаго строя происходила лишь въ тѣхъ случаяхъ, согласно деклараціи, когда крестьянинъ имѣлъ запряжку, т. е., другими словами, былъ состоятельнымъ. Благодаря этому, число такихъ дворовъ сразу сокращалось на половину. Кромѣ того, указанная отмѣна распространялась только на дворы, существовавшіе уже за полстолѣтія до изданія закона, т. е. до начала борьбы прусскихъ королей съ отнятіемъ земли у крестьянъ. Наконецъ, требовалось и заявленіе помѣщика или крестьянина о желаніи той или другой стороны измѣнить существующія условія.

Все это повело къ тому, что еще 30 лѣтъ спустя часть дворовъ осталась въ прежнемъ состояніи. Процессъ этотъ замедлялся и отчасти аннулировался также тѣмъ, что, вслѣдствіе допущенія свободнаго обращенія недвижимостей, помѣщики имѣли полную возможность вступать съ крестьянами въ соглашенія и пріобрѣтать у нихъ ту самую землю, которая должна была стать собственностью крестьянина. Не мало крестьянъ превратилось, благодаря этому, въ безземельныхъ батраковъ. Наряду съ этимъ, часть крестьянъ, дворы которыхъ не удовлетворяли требованіямъ деклараціи 1816 года, превращены была въ простыхъ арендаторовъ, съ которыми заключался договоръ на опредѣленный срокъ.

Только въ 1850 году регулированіе земельныхъ отношеній было распространено на всѣ крестьянскія держанія, но и тогда—лишь поскольку на нихъ сохранились верховныя права помѣщиковъ. Такимъ образомъ въ сравнительно счастливомъ положеніи оказались только крестьяне, которые прожили подъ сеньориальнымъ режимомъ до этого времени. Превратившіеся же ранѣе въ свободныхъ арендаторовъ не могли предъявить требованія на полученіе земли въ собственность. Слѣдовательно, и этотъ законъ имѣлъ значеніе только для небольшой группы крестьянъ, оставшихся еще въ феодальной зависимости.

Эта земельная политика повела къ тому, что количество

земель, накопившихся въ рукахъ помѣщиковъ, въ первой половинѣ XIX вѣка еще болѣе возросло, и Пруссія къ востоку отъ Эльбы, бывшая и до того страной крупнаго помѣстнаго владѣнія, стала ею теперь еще въ большей степени.

Что касается отношенія земельной политики къ общиннымъ землямъ, то здѣсь г. Кулишеръ отмѣчаетъ рѣзкое различіе между западной и восточной Германіей. Въ западной и особенно юго-западной Германіи господствуютъ тенденціи, благоприятныя сохраненію общинныхъ земель, и въ сѣверной Германіи и особенно въ Пруссіи эти тенденціи въ разсматриваемое время направлены къ исчезновенію общинныхъ земель, къ превращенію ихъ въ частную собственность. Хотя разверстаніе чрезполосныхъ земель и раздѣлъ общинныхъ угодій, наряду съ отмѣной вотчиннаго строя и освобожденіемъ крестьянъ, способствовали подъему крестьянскаго хозяйства и расширили площадь сельскохозяйственной культуры, но одновременно съ этимъ происходило опустошеніе лѣсовъ, и общинныя торфяныя болота раздѣлены были на части, при чемъ на нихъ велось хищническое хозяйство.

Еще печальнѣе отразились законы о раздѣлѣ общинныхъ земель и прекращеніи полевыхъ и лѣсныхъ сервитутовъ на соціально-аграрныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, какъ прежде въ пользованіи общинными землями и въ пастьбѣ на поляхъ и лѣсахъ участвовали всѣ проживавшіе въ общинѣ, даже безземельные и не имѣвшіе своего двора, теперь—одни землѣныя права пользованія не получили ничего, не имѣли выгона и не могли, вслѣдствіе этого, держать скота, а другіе—получили небольшіе участки, не возмѣщавшіе имъ потери пользованія общимъ пастбищемъ и лѣсами, и имъ приходилось продавать землю и уходить въ города. Все это сыграло существенную роль въ революціонныхъ движеніяхъ 1848 года.

Таковы интересные эпизоды исторіи въ области западноевропейскихъ аграрныхъ правоотношеній до половины прошлаго столѣтія, которыхъ касается г. Кулишеръ въ своей обстоятельной работѣ. Не менѣе любопытны и другіе отдѣлы ея.

Въ общемъ, авторъ придерживается взглядовъ и методовъ Бюхера, трудъ котораго о возникновеніи народнаго хозяй-

ства былъ въ свое время переведенъ на русскій языкъ подъ его редакціей. Однако у Бюхера періодъ, обнимающій XIX вѣкъ, не былъ выдѣленъ въ качествѣ самостоятельной эпохи хозяйственной жизни, а включенъ въ періодъ народнаго хозяйства, начинающійся съ XVI вѣка. Нашъ авторъ, въ отличіе отъ Карла Маркса, называющаго эпоху съ конца XVIII столѣтія періодомъ развитаго капитализма или капиталистическаго накопленія, признаетъ болѣе цѣлесообразнымъ присвоить ему названіе періода международнаго или міроваго хозяйства. Подъ этимъ именно названіемъ, впрочемъ, вышла еще въ 1910 году книга проф. А. А. Исаева, посвященная характеристикѣ хозяйственной жизни въ XIX вѣкѣ и до нашихъ дней.

Въ этотъ періодъ международные пути и средства сообщенія (желѣзныя дороги, заокеанскія пароходства и телеграфъ) соединяютъ между собою уже не отдѣльныя части какой-либо страны, а цѣлыя государства и части свѣта. Для міроваго же рынка работаетъ и промышленность, откуда вытекаютъ сущность и форма промышленности, основанной на наличности обширнаго рабочаго класса. Для него же работаютъ какъ сельское хозяйство, всецѣло зависящее отъ условій международнаго производства и быта, такъ и торговля, сближающая народы между собою, несмотря на возстановленіе съ конца XIX вѣка протекціонной системы. „Со времени французской революціи“, говоритъ г. Кулишеръ, „исчезаютъ тѣ институты, которые стѣсняли развитіе хозяйственной жизни: въ области сельскаго хозяйства—сеньіоріальный строй, чрезполосность участковъ и полевые сервитуты; въ промышленности—исключительныя привилегіи, цеховая система и регламентація производства и сбыта; въ торговлѣ—запрещенія привоза и вывоза, монополіи отдѣльныхъ компаній и ограниченія иностраннаго судоходства. Постепенная отмѣна всѣхъ этихъ стѣсненій дѣлаетъ возможнымъ образованіе міроваго рынка и міроваго хозяйства—международной торговли, крупной промышленности, рациональнаго сельскаго хозяйства. вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоженіе этихъ ограниченій создаетъ свободу личности, создаетъ экономическую свободу въ ея различныхъ формахъ—свободу производства и сбыта, свободу торговли, свободу до-

говора, свободу передвиженія и избранія занятій. Это установленіе свободъ имѣло огромное значеніе; въ настоящее время даже трудно правильно оцѣнить его. Но все же дальнѣйшаго шага сдѣлано не было—на мѣстѣ стараго порядка не было создано новаго; все свелось къ уничтоженію прежнихъ стѣснительныхъ для народнаго хозяйства институтовъ. Былъ провозглашенъ индивидуализмъ—отрицаніе всякихъ организацій, всякихъ союзовъ, всякаго единенія лицъ одной и той же профессіи, одного и того же класса, для совмѣстныхъ дѣйствій, для защиты общихъ интересовъ“.

Этой эпохѣ г. Кулишеръ противопоставляетъ эпоху съ конца XIX столѣтія, когда міровое хозяйство сохраняется и развивается по прежнему, но на образовавшемся отъ разрушеннаго зданія прежнихъ ограниченій пустомъ мѣстѣ воздвигается новое, въ видѣ синдикатовъ и трестовъ, профессиональныхъ союзовъ и союзовъ предпринимателей, акціонерныхъ компаній и кооперативовъ, палатъ соглашенія, союзовъ ремесленниковъ и т. д. Новѣйшую эпоху, въ отличіе отъ прежней индивидуалистической, авторъ предлагаетъ назвать эпохой союзовъ или, вѣрнѣе, по примѣру проф. Зомбарта, эпохой социальной.

Въ заключеніе упомянемъ о не лишенныхъ интереса злободневности сообщаемыхъ въ разсматриваемой книгѣ свѣдѣніяхъ изъ исторіи денежнаго обращенія, относящихся къ концу XVIII и начала XIX вѣковъ (эпохѣ революціи и наполеоновыхъ войнъ). Характерной чертой этого времени являются грандіозные эксперименты съ государственными бумажными деньгами, какъ новымъ источникомъ государственныхъ доходовъ, замѣнившимъ прежнюю чеканку полновѣсной монеты. Бумажныя деньги, выпущенныя правительствами, признаны были неразмѣнными, вслѣдствіе чего создалась возможность выпускать ихъ въ громадныхъ количествахъ. Это обстоятельство и повело къ быстрому паденію ихъ цѣнности. Въ наибольшихъ размѣрахъ операціи этого рода произведены были во Франціи, гдѣ за четыре года съ 1789 года выпущено было ассигнацій на 4 миллиарда франковъ. Къ 1793 году курсъ ихъ понизился до 22 процентовъ нарицательной стоимости. Послѣ краткаго періода

подъема курсъ ихъ вновь сталъ стремительно падать, и къ тому времени, когда было выпущено ассигнацій на 3, 3 миллиарда франковъ, франкъ равнялся 10 сантимамъ. Несмотря на это, выпускъ ассигнацій не прекращался и въ теченіе полутора года, именно съ 1 апрѣля 1795 года по 1 сентября 1796 года, достигъ новой суммы въ 37 миллиардовъ франковъ. Эти выпущенныя на баснословную для того времени сумму ассигнаціи потеряли уже всякую цѣну, понизившись до $\frac{1}{2}$ процента нарицательной стоимости, другими словами, стоимость франка равнялась $\frac{1}{2}$ сантима! Такіе же финансовыя опыты произведены были въ Австріи, Россіи и даже Англій, положеніе которой было болѣе крѣпкимъ въ экономическомъ отношеніи, и вездѣ съ почти однороднымъ результатомъ. Напр., въ Австріи уже въ 1810 году ассигнаціи упали до 10 проц. нарицательной стоимости, въ результатъ чего тамъ пришлось прибѣгнуть къ девальваціи, а именно принимать ассигнаціи за 20 процентовъ ихъ нарицательной стоимости. Наименьшее паденіе курса наблюдалось въ Англій, гдѣ выпущены были не государственныя бумажныя деньги, а банкноты, опиравшіяся на частный кредитъ акціонерной компаніи Англійскаго банка и служившія нуждамъ не только государства, но и торговли и промышленности.

В. В. А—въ.

Д-ръ Гиббонсъ. „Послѣднія извѣнія въ Арменіи“.

На книжномъ рынкѣ появилось новое изданіе брошюры извѣстнаго знатока восточнаго вопроса, д-ра философіи Гиббонса, — „Послѣднія извѣнія въ Арменіи“.

Брошюра эта — обвинительный актъ не только противъ Блистательной Порты, которая въ сущности всегда была слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ сильныхъ государствъ, но и противъ имперіалистическаго правительства Германіи, не остановившейся, ради германизаціи Малой Азіи, передъ адскимъ замысломъ искорененія многострадальнаго армянскаго народа.

И дѣйствительно, въ послѣднихъ извѣніяхъ армянъ, из-

вѣстныхъ подѣ названіемъ турецкихъ звѣрствъ, немалую, если не первостепенную, роль сыграла Германія.

Когда началась бомбардировка Дарданелль, смертный приговоръ Арменіи былъ вынесенъ.

Въ первые шесть мѣсяцевъ этой кошмарной міровой войны, по разработанному германскимъ правительствомъ плану, было вырѣзано около милліона ни въ чемъ неповинныхъ армянъ. Правда, отъ нѣкоторыхъ государствъ стараго и новаго свѣта послѣдовали протесты противъ кровавыхъ событій въ Малой Азіи, но все эти протесты не имѣли успѣха. Посоль Бернсторффъ въ Вашингтонѣ въ первое время отрицалъ фактъ избіенія армянъ, но послѣ, подѣ воздействиемъ прессы и общественнаго мнѣнія, подтвердилъ все турецкіе ужасы и объяснилъ ихъ, какъ законный актъ репрессій противъ возставшаго народа. Конечно, о возстаніи обездоленной и сожженной до тла Арменіи и рѣчи не могло быть, и эта ложь послужила той соломинкой, ухватившись за которую, Бернсторффъ хотѣлъ спасти въ глазахъ общественнаго мнѣнія стараго и новаго свѣта Турцію, а вмѣстѣ съ ней ея вдохновительницу—Германію.

Но эта попытка оказалась тщетной...

Тутъ возникаетъ вопросъ, изъ какихъ соображеній Германіи понадобились милліонныя жертвы беззащитнаго народа?

1. Исторически опровергнуто, будто магометане съ христианами не могутъ жить въ мирномъ сосѣдствѣ. Доказательствомъ этого служить фактъ многовѣкового мирнаго сожителства армянъ и турокъ въ Малой Азіи. Избіенія армянъ—явленіе лишь послѣднихъ временъ.

2. Обращаясь къ политической сторонѣ вопроса, слѣдуетъ замѣтить, что обездоленная Арменія не могла, въ особенности въ послѣдніе годы, угрожать самостоятельности Турецкой Имперіи. Впрочемъ, и сами турки вмѣстѣ съ нѣмцами этому вопросу не придавали особеннаго значенія.

3. Что касается экономическихъ отношеній армянъ и турокъ, нужно отмѣтить, что армяне—народъ передовой съ большими коммерческими способностями.

„Сохраненіе армянскаго народа“—говоритъ д-ръ Гиббонсъ

въ указанной брошюрѣ— „является абсолютной необходимостью для благосостоянія и процвѣтанія Оттоманской Имперіи“.

Торгово-промышленное значеніе Арменіи выходитъ далеко за предѣлы Малой Азіи.

Армяне развитой промышленностью мѣшаютъ германизации Анатолиі, что немало тревожитъ имперіалистическую Германію. Когда Вильгельмъ II бртался съ Абдуль-Гамидомъ послѣ избіенія армянъ въ 1895 году, онъ имѣлъ въ виду, конечно, не только Багдадскую желѣзную дорогу, но и экономическое засиліе Турецкой Имперіи, чему такъ мѣшали армяне.

„Армянская рѣзня“ — говоритъ въ той же брошюрѣ д-ръ Гиббонсъ— „служить яркой иллюстраціей къ старой сказкѣ, въ которой плунецъ убилъ курицу, несшую ему золотыя яйца“.

Съ точки зрѣнія экономической, турки безусловно заинтересованы въ сохраненіи армянскаго населенія, и, если тѣмъ не менѣе, разыгрались кошмарныя событія армянской рѣзни, то въ этомъ вина падаетъ не только на Турцію, но и на Германію, какъ на идейную вдохновительницу.

Въ названной брошюрѣ д-ръ Гиббонсъ приходитъ къ заключенію, что Германія, въ цѣляхъ экономическаго засилія Турціи, какъ колонія для своей промышленности, была не только заинтересована въ искорененіи армянъ изъ Малой Азіи, но сама руководила этимъ искорененіемъ подъ контролемъ своего посла въ Константинополь—бар. Вагенгейма.

Арменанъ Онанянъ.

